

vk.com/kn_books

Мы заключили договор, когда были лучшими друзьями несколько лет назад.
Но теперь часть меня знала, что он ненавидел меня.

Содержать ОБЕЩАНИЕ

ДЖЕССИКА ВУД

▼КНИГА ВТОРАЯ▼

СДЕРЖАТЬ ОБЕЩАНИЕ

Книга: Сдержать обещание

Автор: Джессика Вуд

Жанр: Современный любовный роман

Рейтинг: 18+

Серия: Обещание #2 (про одних героев)

Номер в серии: 2

Главы: Пролог+18 глав

Переводчик: Настя С.

Сверщик: Татьяна Ш.

Редактор: Дарья Т.

Вычитка и оформление: Екатерина Л.

Обложка: Eli Black

ВНИМАНИЕ! Копирование без разрешения, а также указания группы и переводчиков запрещено!

Специально для группы: K.N

[\(https://vk.com/kn_books\)](https://vk.com/kn_books)

Аннотация

Я любил ее с тех пор, как нам исполнилось по семь лет. Мы были лучшими друзьями. Мы даже заключили договор, что поженимся, если к тридцати годам будем свободными. Я рос, думая, что буду любить ее всю оставшуюся жизнь.

Но я ошибался. Потому что в первый раз, когда я занимался с ней любовью, я ее возненавидел. Это был первый раз, когда она сделала мне больно, и первый раз, когда я не хотел иметь с ней ничего общего.

И сегодня, спустя девять лет после того дня, который сломал нас обоих, нам тридцать и мы свободны, судьба решила вмешаться. Я, наконец, узнал, что причины, которые способствовали ее предательству, сильно отличаются от придуманных мною и поселившихся в моей голове много лет назад.

Теперь я разрываюсь между ненавистью к женщине из-за ее проступка и любовью к девочке, которая была в моем сердце большую часть моей жизни.

ВНИМАНИЕ!

Копирование и размещение перевода без разрешения администрации группы, ссылки на группу и переводчиков запрещено!

Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления! Просим вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения. Спасибо.

Пролог

«Прощение — это когда я отказываюсь отвечать тебе болью на боль».

— Аноним —

Хлоя

Джексон Пирс. Мужчина, которого я любила. Мужчина, которого предала. Мужчина, который ненавидит меня.

Он имеет полное право так сильно ненавидеть меня, что он и делает. Тайна, которую я скрывала от него, была непростительной, и он очень несвоевременно обнаружил ее. Она поселяла в нем зерно ненависти, все сильнее распаляя это чувство.

Независимо от того, как сильно он меня ненавидел, всегда найдется тот, кто будет ненавидеть меня еще сильнее. Это я сама.

Сколько я себя помнила, моя жизнь не была прекрасной. Полная противоположность прекрасному. Вещи никогда не были черными или белыми, больше градиентов серого и много уродливых чертовых оттенков серого. Когда я встретила Джексона, он стал частью моей жизни, которая отличалась от всех — он был той частью, которая была прекрасной и легкой.

Той частью моей жизни, которая делала меня счастливой. Но я не ожидала когда-либо встретить такого человека, подобного Джексону. Я росла, думая, что не заслуживаю большего счастья, не имела понятия, на что в действительности похоже счастье. Я не позволяла себе верить, что заслуживаю такого человека, как он, заботящегося обо мне. Я не смела желать чего-либо столь же хорошего, как его появление в моей жизни. Подсознательно я всегда держала его в статусе друга, держала на безопасном расстоянии, опасаясь, что если бы призналась ему в своих чувствах, то, так или иначе, просто потеряла бы его.

В каком-то смысле это произошло в колледже. Я начала воображать перспективы чего-то большего, чем дружба между нами. И в тот момент я его потеряла. Череда событий привела меня на темную дорожку, и все закончилось тем, что я сделала нечто непростительное. Я пыталась убедить себя, что это был просто секс, но в глубине души я знала, что это неправильно, практически запретно. Я хотела все рассказать Джексону, как только все произошло, но у судьбы были другие планы, и все запуталось. А потом, спустя некоторое время, я как-то убедила себя, что ему не нужно знать об этом, что он не имел права знать. Со временем становилось все сложнее и сложнее набраться смелости, чтобы рассказать ему об этой тайной части моей жизни, было намного проще разделить свою жизнь на две части. И больше года я была девушкой, которую Джексон знал, как своего лучшего друга, и проституткой, что была ему незнакомкой. Это был большой секрет, который я хранила от Джексона. Но чем больше секрет, тем больше вероятность, что он будет раскрыт. Так и случилось. Возможно, даже наихудшим образом. Мой большой секрет закончился тем, что это разрушило нас и положило конец нашей дружбе.

Но как я попала в эту кроличью нору? И как я не поняла, что мои действия неизбежно причинят боль единственному человеку, который все эти годы был всем для меня? Я могла пытаться обвинить судьбу или жизнь, но правда в том, что меня никто не вынуждал делать этот выбор. Я была ущербным человеком, сломанным во многих отношениях. Это было мое решение, и я сама выбрала этот путь. Но я не искала того пути, который выбрала. Я не хотела быть проституткой. Это было одно из самых трудных решений, которое я когда-либо должна была принять. И для принятия этого решения была причина. Возможно, оглядываясь назад, не идеальная, но в тот момент, когда все накалилось, когда жизни людей, о которых я заботилась, были на грани, когда время поджимало, мое решение стать проституткой было единственным из всех возможных вариантов.

Но действительно ли это стоило предательства, отвращения и боли, которые наполнили глаза Джексона в тот день, когда он обнаружил мой темный секрет?

Нет.

Независимо от того, сколько времени с тех пор прошло — с момента моего ужасного унижения — выражение его лица, когда я сняла повязку и увидела, что это он, навсегда запечатлелось в моей памяти. И каждый раз, когда память рисует мне этот образ, мне трудно дышать, потому что все сожаление и мука, которые я чувствовала все это время, возвращают меня к тому моменту.

Может быть, я заслужила потерять Джексона за то, что сотворила. Я сама несчетное количество раз думала об этом. Я никогда даже не думала, что с самого начала заслуживала его присутствия в своей жизни. Но сколь нереально было для меня думать, что он когда-либо простит меня, какая-то частичка меня не упускала той отчаянной надежды, что, так или иначе, он чудесным образом простит меня. И, в глубине души, я знала, что пока мое сердце бьется, оно не сможет избежать того влияния, которое Джексон на меня оказывал, оно не могло избежать правды, которую я пыталась игнорировать. Джексон — часть меня, всегда и навеки.

Глава 1

*Наши дни
Тридцать лет*

Джексон

Хлоя Синклер. Женщина, которую я ненавидел. Женщина, которая причинила мне боль самым ужасным из всех возможных способов. Женщина, которую я так старался забыть последние девять лет.

После того дня, когда я покинул ее квартиру девять лет назад, я думал, что больше никогда не увижу ее снова. Но когда я получил от Клары, нашей общей подруги еще со средней школы, приглашение на свадьбу, я понял, что ошибался. Изначально я планировал пропустить свадьбу, тем самым избежав встречи с Хлоей, но чем больше об этом думал, тем больше понимал, что для того, чтобы действительно двигаться дальше в своей жизни, я должен отпустить ее. Ненавида, намеренно избегая ее, позволяя ей быть решающим фактором в намерении посетить свадьбу друга, я не чувствовал себя тем, кто движется дальше. Я знал, что должен пойти на свадьбу и столкнуться с этой ситуацией лицом к лицу.

С приближением выходных, на которые была намечена свадьба, я понял, что не знаю, что почувствую, когда увижу ее снова. Я знал, что часть меня все еще ненавидела ее. Знал, что наша дружба никогда не может быть восстановлена и возрождена. Но, как бы я ни хотел отрицать это, я так же знал, что часть меня чувствовала возбуждение от предвкушения встречи с ней.

Когда я приехал в наш родной город за несколько дней до свадьбы, воспоминания о нашем детстве и дружбе стали преследовать меня. Образы из нашего прошлого нахлынули на меня, напоминая о том времени, когда я любил ее. Если быть абсолютно честным, я думаю, что влюбился в нее в первом классе. Я все еще помню жаркий летний день, когда она вошла в соседскую дверь. Я назвал ее Пеппи Длинный Чулок, а она назвала меня «большой вредина», и это были наши первые слова друг другу. Я подумал, что она самая симпатичная девчонка, которую я когда-либо видел, а это было в том возрасте, когда мне еще не нравились девочки. Фактически, я думал, что девочки были действительно раздражающими, потому что они хихикали надо всем и слишком много разговаривали. Но она отличалась от других девчонок в школе. Она не хихикала и не говорила слишком много. И она даже любила смотреть «Черепашек Ниндзя» почти так же сильно, как и я. До нее я не знал ни одной девчонки, которая смотрела бы их, не говоря уже о том, чтобы любить. Поэтому, было не удивительно, что мы быстро стали лучшими друзьями. Я думаю, что захотел чего-то большего еще в самом начале. Но я был юн и не понимал этих чувств, этого желания большего. Все, что я знал тогда, это то, что я хотел быть самым важным человеком в ее жизни, потому что она, так или иначе, была таковым человеком в моей.

Когда нам было по тринадцать, она потеряла свою маму, и, думаю, только тогда я понял, насколько сильно я о ней забочусь. Наблюдать за тем, как ей больно, как она делает вид, что все в порядке, было большим, чем я был в состоянии вынести. Хотя я не мог забрать ее боль, я хотел, чтобы она знала, что я рядом. Это было тогда, когда я дал обещание, что она никогда не будет одна, тогда мы заключили договор пожениться, когда нам будет по тридцать, если мы будем свободны. Это было в тот момент, когда мы разделили наш первый поцелуй — мой первый поцелуй. После того поцелуя стало ясно, что я хочу большего, чем дружба. Но поскольку ее мама недавно умерла, я решил, что было не подходящее время, чтобы открыть ей свои чувства. Я знал, что быть рядом с ней в качестве друга — намного важнее. Но время шло, и становилось все труднее рассказать ей о том, что я чувствовал. Я боялся, что если расскажу ей, а она не ответит тем же, все станет неловким, и это подвергнет нашу дружбу опасности. Так что я струсил и не рассказал ей о своих чувствах. Вспоминая наше детство и то, как близки мы были, я задался вопросом: был ли я готов, в конце концов, встретиться с ней на свадьбе. Но

ответ на свой вопрос я получил на день раньше, когда неожиданно столкнулся с ней во время утренней пробежки.

— Привет, — сказала она, широко улыбнувшись, когда наши взгляды встретились.

— Хэй, — мой голос был спокойным, в отличие от ее голоса.

Мою грудь сдавило, когда я увидел ее. Она была еще красивей, чем в моих самых ярких воспоминаниях о ней. Но я не мог ответить ей улыбкой.

— Как твои дела? — бодро спросила она. — Ты можешь поверить, что мы так долго не виделись?

— Точно.

— Девять лет, но кто считает? — продолжила она со смехом.

Я уставился на нее, не способный ответить, не говоря уже о том, чтобы засмеяться. *Как она может стоять и смеяться? Как она может делать вид, что не было причины не видеться?*

Я понял, что не готов к этому. Внезапно все образы и эмоции с того момента, когда я видел ее в последний раз, ворвались, утаскивая меня в прошлое, и заняли все мои мысли.

Это было девять лет назад, на третьем году обучения в колледже. Мы учились в разных колледжах, в шести часах езды друг от друга. Наша дружба становилась крепче, а мои чувства к ней не менялись. Но по той или иной причине, я никогда не позволял себе показать, что она мне нравилась. Фактически, были времена, когда я поощрял ее отношения с парнями и другие развлечения. Может, я был мазохистом, когда дело доходило до любви? Но так было до нашего предпоследнего года в колледже, когда наша дружба изменилась. Я начал замечать, что она, казалось, ревновала меня к другим девушкам, с которыми я встречался. Довольно быстро наши телефонные звонки стали более игривыми и стали носить сексуальный подтекст. Только тогда я, наконец, набрался храбрости, чтобы рассказать ей о своих чувствах. Я решил навестить ее. Она навещала меня несколько раз в колледже, но я никогда не приезжал, чтобы навестить ее. Когда я сказал ей, что хочу приехать на выходные, я мог поклясться, что она была взволнована, и это только подпитывало мое предвкушение от совместно проведенных выходных. Я знал, что это будут выходные, которые я не смогу забыть. Это были бы выходные, которые навсегда бы изменили наши отношения. Поскольку единственное занятие в пятницу отменили, я решил удивить Хлою и приехать на более раннем поезде, чтобы увидеть ее. Но когда я вышел из поезда в Филадельфии, то понял, что, вероятней всего, должен был предупредить ее о приезде, и попытался дозвониться до нее. Ее телефон был отключен, поэтому я решил написать ей сообщение на тот случай, если она на занятиях, и сказал, что зайду к ней, чтобы удостовериться, дома ли она. То, что произошло, было не тем, чего я ожидал.

Она была дома, и ждала меня в своей спальне, ее глаза были завязаны и на ней не было ничего, кроме красного кружевного белья, которое не оставляло места для воображения. Она пригласила меня в свою кровать, и это был первый раз, когда я занялся с ней любовью. Я помню, какой мягкой и невероятно сладкой она ощущалась на моем языке, когда я неспешно исследовал ее. Я помнил чистый экстаз, когда я оказался в ней, а она вскрикнула, умоляя о большем, убеждая меня входить в нее все глубже и жестче. И я был более чем готов угодить ей. И я помнил, что, когда достиг пика, меня осенила мысль: «Она чувствует ко мне то же самое, что я чувствую к ней. Зачем ждать, пока нам исполнится тридцать? Я хочу, чтобы она стала моей сейчас».

Но я сильно ошибался. Спустя мгновение после того, как меня посетила эта мысль, я, сокрушенный, вернулся в реальность, услышав слова Хлои: «Это было невероятно! Особенно то, что ты сделал в конце. Почему ты не делал этого раньше?».

Мою грудь сдавило, когда я понял, что это не со мной она собиралась заняться любовью. Она ждала кого-то другого. В то время как мое тело вздрогнуло от осознания правды, мужчина, которого она ждала вместо меня, ворвался в дверь, и внезапно весь воздух словно выкачали из комнаты, поскольку я оказался лицом к лицу с последним человеком, которого ожидал здесь увидеть. *Моим собственным отцом.*

На какую-то всепоглощающую долю секунды, когда я понял, что не я, а мой отец был тем, кого она ждала, меня наполнил гнев, и все, чего мне хотелось, это схватить незнакомца, вселившегося в тело моего отца, и выбить из него дух. Но весь гнев я направил не на него. Вместо этого я все выместили на Хлое, и минуты, которые последовали за этим моментом, стали темным пятном в моем воспоминании. Я не забыл, как уходил из ее квартиры, потому что она так отчаянно пыталась меня остановить, рассказать мне, почему она сделала то, что сделала. Но я не мог видеть слез, которые катились по ее щекам, и не желал слушать, что она хотела сказать. Все, что я был в состоянии слышать, — гул в ушах, поскольку гнев охватил все мои мысли, и все, чего я хотел, это убраться от нее так далеко, как только возможно.

Так что да, я был прав. Те выходные оказались незабываемыми. Те выходные на самом деле навсегда изменили наши с Хлоей отношения. Но чего я не ожидал, так это того, как я ошибался в направленности этих изменений. Оказалось, что я впервые занимался любовью с девушкой, которая владела моим сердцем и которую я впервые возненавидел. Это был первый раз, когда я не хотел иметь с ней ничего общего.

Сейчас, девять лет спустя, когда мы впервые с того дня стояли друг перед другом, я осознал, что не переборол произошедшее несколько лет назад. Я не простил ей того, что она спала с моим отцом, и не собирался прощать. Когда я смотрел на нее, все, о чем я мог думать, это то, как она занималась любовью не со мной и не испытывала ко мне тех же чувств, которые испытывал к ней я. Я мог думать только о том, что из всех парней, с которыми она могла спать вместо меня, она решила выбрать моего отца. Чем больше она пыталась извиняться и просить прощения тем утром, а затем на следующий день на свадебном приеме, тем холодней я к ней относился. Я думал, что не было ничего, что она могла бы мне сказать, что это не уничтожит ту ненависть, которую я к ней испытывал. Но я был неправ. На приеме в порыве злости я спросил ее, почему она настояла на том, чтобы сидеть рядом со мной, когда за нашим столом было восемь других свободных мест. Она ответила: «Потому, что ты не хочешь говорить со мной, не хочешь смотреть на меня, и ты не простишь меня. Потому, что я скучаю по тебе. Очень сильно. Каждый божий день. Потому, что за последние девять лет не было ни дня, чтобы я не испытывала ненависти к себе за причиненный тебе вред. Потому, что я потеряла своего первого и единственного лучшего в мире друга, мужчину, которого, как я недавно поняла, люблю и с которым хочу провести жизнь. И потому, что я не рассказала тебе все это, когда у меня был шанс, у меня всегда есть повод ненавидеть себя каждый день».

Ее слова застали меня врасплох. Я знал, что они были искренними, и чувствовал, что сила моей потребности в ненависти к ней начинает ослабевать. Когда услышал ее слова, я не был в состоянии реагировать и отвечать. Все, что она сделала, просто призналась в тех чувствах, которые я испытывал к ней и о которых стремился услышать от нее — она любит меня и хочет будущего со мной. Я сидел там, раздираемый ненавистью и любовью к моей единственной лучшей подруге, которую я знал с восьми лет — девочке, с которой заключил договор о женитьбе.

Но прежде, чем у меня появилась возможность обдумать свои собственные мысли, выяснить, было ли моих чувств достаточно, чтобы преодолеть ненависть, я услышал, как она встала и выбежала из зала. Я сопротивлялся порыву побежать вслед за ней. Я не был уверен, что готов к разговору с ней, готов открыть ей свои чувства, признать, какую боль она мне причинила, признаться себе, что все еще заботусь о ней. Но я чувствовал, как мои решения начали давать трещину. Поскольку я хотел держаться за злость, которая уродовала мои воспоминания о ней, я знал, что должен увидеть ее. Я не был уверен в том, что скажу ей, и скажу ли что-нибудь вообще. Но ее последние слова отзывались эхом в моих ушах: «...потому, что я не рассказала тебе все это, когда у меня был шанс, у меня всегда есть повод ненавидеть себя каждый день». Я осознал, что это мог быть последний раз, когда я видел ее, и понял, что не таким образом я хотел бы закончить наш последний разговор.

Не думая больше ни о чем, я встал и быстро последовал за ней. Мельком я заметил, как она разговаривает по телефону. Когда я открыл парадную дверь, то увидел, как Хлоя падает в обморок и безжизненно лежит на земле.

Глава 2

Наши дни Тридцать лет

Хлоя

— Мой отец? — выплюнул он, когда отвернулся от отца, чтобы взглянуть на меня. Я увидела, как на его лице отчетливо проступил шок, в холодном взгляде отразились отвращение и боль, и меня охватил ужас. Никогда не видела, чтобы он так смотрел на меня прежде — его глаза лишились той теплоты, к которой я привыкла. Он смотрел на меня так, словно я была для него совершенно незнакомым человеком.

— Джекс, я могу объяснить... — начала я.

— Объяснить? — прервал он меня, его голос был холоден и пропитан ядом. — Как именно ты собираешься это объяснить? — потребовал он, высмеивая мои слова. — Ты собираешься убедить меня, что знала о том, что именно я трахал тебя только что? Ты собираешься попытаться убедить меня, что не имеешь понятия о том, что мой отец собирался прийти к тебе со вставшим от «Виагры» членом? Собираешься убедить меня, что не трахалась прежде с моим отцом? — в его голосе я слышала смесь отвращения и боли. — Или... ты собираешься сказать мне правду?

От предательства и боли в его глазах мне было тяжело дышать.

— Я... — я не могла подобрать слова и пыталась подавить панику, которая парализовала мое тело и заставила сердце биться быстрей. — Я хотела сказать тебе, Джекс. Не хотела лгать тебе...

Его безумный смех прервал меня, когда он схватил свою одежду, что была разбросана по полу.

— Ты не хотела лгать мне? Это что-то новенькое, — фыркнул он. — Мне с трудом в это верится.

— Джексон, мы все взрослые люди, и никто тебе не лгал, — сказал, наконец, Джон, отец Джексона.

— Ты, блять, серьезно, папа? Не лгали мне? — к этому времени Джексон уже полностью оделся и направлялся к двери спальни.

— Мы не лгали. Мы с Хлоей взрослые люди, а вы, ребята, просто друзья. Нет ничего неправильного в том, чем мы занимались.

Мне стало дурно, мои внутренности сжалась в тревоге, поскольку я слышала Джона, пытающегося оправдать то, чем мы занимались. Я знала, он только все ухудшает, но не могла придумать ничего другого, что могло бы исправить ситуацию.

— Пожалуйста, Джекс. Пожалуйста, можем ли мы поговорить об этом наедине? Я хочу тебе все объяснить, — умоляла я, когда следовала за ним к двери спальни.

— Здесь не о чем говорить, Хлоя.

Я вздрогнула, услышав, что он назвал меня полным именем, а не прозвищем, которое дал мне.

— Мне так жаль, Джекс. Я не хотела, чтобы ты узнал об этом таким образом. Я действительно хотела тебе рассказать, — я не была уверена, что нужно сказать. Как я могла рассказать ему о том, что была эскортом в тот момент? Как я могла сказать ему, что его отец не был единственным мужчиной, с которым я регулярно спала? Я знала, что это только усугубит положение, особенно когда он так поглощен гневом. — Пожалуйста, можем мы сесть и поговорить об этом?

— Я услышал достаточно! — он оттолкнул своего отца и прошел через гостиную к входной двери.

— Джекс! Пожалуйста! — я мчалась за ним, паника охватила меня, и я знала, что не могу позволить ему уйти вот так. — Мне нужны были деньги! — я услышала, как выпалила это, прежде чем смогла подумать о том, что хотела сказать.

Он развернулся, в его глазах отразилось безумие, которое испепеляло меня.

— Тебе нужны были деньги? Почему ты не пришла ко мне? Я мог дать тебе денег, если ты нуждалась в помощи! Почему ты пошла к моему отцу? Он твой «сладкий папочка»? Из-за этого мои родители развелись два года назад?

— Нет, ко мне это не имеет никакого отношения, — я подбежала к нему и коснулась его руки, пытаясь сделать что-нибудь, чтобы не дать ему уйти и убедить выслушать меня.

— Она права, сын. Мы с твоей матерью развелись за год до того, как это произошло между Хлоей и мной, — продолжал Джон, когда прошел из спальни в гостиную.

Я съежилась, когда увидела, что Джексон произвел в уме математические расчеты, прежде чем посмотрел на меня, его лицо было перекошено отвращением.

— Ты трахалась с моим отцом в течение года? — он посмотрел на меня взглядом, который напугал меня, словно видел незнакомку, которую не мог понять.

— Я... — я склонила голову и позорно кивнула, неспособная встретиться с ним взглядом. Я знала, что не было ничего, что я могла бы сказать, чтобы исправить ситуацию. — Мне, правда, жаль. Правда, — шептала я. — У меня были свои причины, и если ты просто позволишь мне все объяснить...

Но он, казалось, не слышал ни слова из того, что я говорила.

— Ты чертова шлюха! — его слова резали меня, подобно лезвию, заставляя поднять глаза и встретить его пристальный взгляд. Я видела безудержный гнев в его холодных, пронзительных зеленых глазах, и тогда я поняла, что потеряла его.

— Мне очень жаль, Джекс. Пожалуйста, позволь мне объяснить, — снова умоляла я, слезы текли по моему лицу. В собственном голосе я слышала отчаяние. К моему удивлению, он сделал шаг в мою сторону и, подавшись вперед, посмотрел мне прямо в глаза. Наши лица находились в нескольких сантиметрах, когда он сказал сквозь стиснутые зубы:

— «Извини» недостаточно, чтобы исправить это. Ты все, нахер, испортила. Впредь я не хочу видеть тебя или что-либо слышать о тебе. Та Хлоя, которая была моим лучшим другом последние четырнадцать лет, умерла для меня.

Прежде чем я смогла ответить, он отвернулся от меня и вылетел из моей квартиры.

— Джекс, — пробормотала я, когда изо всех сил старалась открыть глаза, борясь с тяжестью век. Поскольку туманная завеса моего сознания развеивалась, мне было безумно жаль, что увиденное мной только что не было просто сном. Но я знала, что не было. Я знала, что каждая яркая секунда того сна случилась на самом деле. Когда я, наконец, открыла глаза, то поняла, что лежала на больничной койке. Когда начала садиться, то заметила в руке капельницу и попыталась вспомнить последнее, что случилась со мной до того, как я попала сюда.

Тетя Бетти!

Я незамедлительно выпрямилась, вспомнив телефонный разговор с дядей Томом. Когда я попыталась вытащить капельницу из руки, в палату вошла медсестра.

— Мисс Синклер, рада видеть, что вы очнулись.

— Что со мной произошло? — я посмотрела на капельницу. — Что это?

— Не о чем беспокоиться. Вы потеряли сознание несколько часов назад, и вас привезли сюда. Похоже, что сегодня вечером вы много выпили на пустой желудок, поэтому были обезвожены. Капельница содержит воду и глюкозу, чтобы восполнить жидкость. Как вы себя чувствуете?

— Сестра, Бетти Кляйн в этой больнице? — безотлагательно спросила я, проигнорировав ее вопрос. — Она моя тетя, и мой дядя позвонил мне чуть раньше и сказал, что они в больнице.

Медсестра одарила меня понимающей улыбкой.

— Не волнуйтесь, мисс Синклер. С вашей тетей все будет в порядке. Ранее заходил ваш дядя, пока вы спали. Они дальше по коридору.

— Могу я ее увидеть? — я посмотрела на капельницу, а затем вновь на медсестру.

— Конечно. Давайте я вам помогу, — она протянула руку ко мне и помогла мне снять капельницу с руки. — Как вы себя чувствуете?

— Я в порядке.

И затем меня осенила мысль: а как же я попала на больничную койку?

— Как я сюда попала?

— Кажется, молодой мужчина привез вас сюда.

От ее ответа мое лицо засияло, и я задалась вопросом, был ли этим молодым мужчиной Джексон.

— Правда? — я сделала паузу, побоявшись спросить дальше. — Он... он все еще здесь?

— Я так не думаю, — ответила она беспечно. — Думаю, он просто оставил вас и переговорил с вашим дядей, прежде чем уехать.

— О, — своим ответом я пыталась скрыть разочарование и принялась завязывать больничный халат вокруг своей талии. — Вы можете сказать, в какой палате лежит моя тетя?

— Нет проблем. Я вас туда провожу.

Через несколько мгновений я обнимала дядю Тома возле палаты тети Бетти.

— Ты в порядке, Хлоя? Я волновался за тебя.

— Да, я в порядке. Прости, что напугала тебя. Что случилось с тетей Бетти? Она будет в порядке? — я посмотрела через его плечо на тетю Бетти, которая спала на больничной койке.

— Не волнуйся. Доктор сказал, что с ней все будет в порядке. Она упала со стремянки, доставая что-то из кладовой. Я думаю, что ее бедро на мгновение подвело ее. Ты же знаешь, что после той аварии у нее начались проблемы с бедром.

— Да, — отчаянно закивала я.

— Но ей повезло. Доктор сказал, что у нее нет тяжелых травм, поэтому через несколько дней она сможет уехать домой.

Я выдохнула с облегчением.

— Это хорошо.

— Милая, ты действительно в порядке? — дядя Том изучал меня с беспокойством.

— Да, я в порядке. А что?

— Ну, Джексон привез тебя сюда, потому что ты упала на свадебном приеме.

— О, — при звуке имени Джексона мой живот сжался в узел от беспокойства. — Ты говорил с ним или видел его? — я смотрела на дядю Тома с надеждой. Из-за своего нетерпения я чувствовала себя жалкой, но когда это касалось Джексона, я была подобна сухой губке, отчаянно впитывающей любую информацию, что могла вытянуть.

— Да. Я говорил с ним, когда ты упала в обморок во время моего звонка. Он взял трубку и выяснил, где я и твоя тетя находились. Поэтому он привез тебя в эту больницу, и медсестры поставили тебе капельницу для профилактики. Я поговорил с ним, прежде чем он уехал.

— Правда? О чём вы говорили?

— На самом деле, ни о чём. Он зашёл, чтобы проводить Бетти, а потом отправился домой.

— О. Хорошо, — я хотела спросить, упоминал ли Джексон что-нибудь обо мне, но у меня было такое чувство, что я не захочу узнать ответ, поэтому держала язык за зубами.

— Милая, уже поздно. Почему бы тебе не взять мою машину и не поехать домой отдохнуть?

— А как же ты?

— Медсестры принесли для меня кушетку, поэтому я останусь с Бетти в ее палате.

Я снова заглянула в палату, на этот раз заметив небольшую кушетку напротив стены. Так же я увидела скамью у окна.

— Я не горю желанием находиться одна дома. Ничего, если я останусь с вами сегодня вечером? Я могу лечь на той скамье у окна.

— Конечно, милая, — дядя Том понимающе улыбнулся, прежде чем мы направились в палату тети Бетти.

На следующее утро я проснулась со стоном, когда рукой потянулась помассировать затекшую шею.

— Доброе утро, конфетка.

Я улыбнулась, как только услышала ее голос.

— Доброе утро, тетя Бетти. Как ты себя чувствуешь? — я подошла к ее кровати.

Она улыбнулась мне.

— Неплохо, учитывая обстоятельства.

— Где дядя Том? — спросила я, бросив взгляд на пустую кушетку.

— Он спустился в кафетерий, чтобы взять кофе и завтрак.

— Ясно, — мой живот заурчал при упоминании о еде, напоминая мне, что я не ела со вчерашнего утра.

— Милая, ты себя хорошо чувствуешь? Я слышала, что вчера ты потеряла сознание.

Я успокаивающе улыбнулась ей.

— Все хорошо. Правда.

Она нахмурилась и сжала губы.

— Ты уверена?

Я кивнула.

— Да.

— Милая... — начала она. По ее колеблющемуся тону я знала, что у нее было что-то на уме.

— В чем дело, тетя Бетти? — я встретила ее пристальный и заинтересованный взгляд, почувствовав укол беспокойства.

— У вас с Джексоном все в порядке?

Я была огорожена ее вопросом, потеряв на мгновение дар речи.

— Милая, ты же знаешь, если тебя что-то беспокоит, то я всегда рядом, чтобы выслушать, ведь так? Ты можешь рассказать мне что угодно...

— Почему ты спрашиваешь? — я старалась отвечать небрежно, когда отвернулась от нее и сморгнула слезы, подступившие к глазам.

Я услышала ее вздох.

— Хлоя, я видела, как ты росла, и точно знаю, когда тебя что-то беспокоит. Я знала, что в течение этого времени что-то было не так, но не хотела спрашивать. Знаю, что ты привыкла решать проблемы своими силами. Но когда ты приехала домой на этой неделе, я могла сказать, что независимо от того, что тебя беспокоит, ты от этого не избавилась. Я думаю, что это имеет какое-то отношение к Джексону.

— Почему ты так думаешь? — спросила я нерешительно, когда повернулась, чтобы встретить ее пристальный взгляд.

Тетя Бетти понимающе мне улыбнулась.

— Поскольку я также наблюдала, как рос Джексон, хочется верить, что знаю его почти так же хорошо, как и тебя. И когда я разговаривала с ним вчера, могла сказать, что что-то произошло. Он был отстранен и даже не упоминал твоего имени, что для него нехарактерно.

Это был тот момент, когда я начала разваливаться и поняла, что больше не могла хранить свою тайну от тети Бетти. Моя потребность обсудить с кем-нибудь все то, что произошло, то, что я держала в себе в течение десяти прошедших лет, сокрушила меня, и я знала, что сошла бы с ума, если бы не выпустила все это.

Поэтому я уступила необходимости и рассказала тете все, что произошло. Я чувствовала позор, сожаление, смущение и ненависть к самой себе, потому все, что я делала, я произнесла вслух. Я ожидала, что тетя Бетти будет смотреть на меня с разочарованием и отвращением, но к моему удивлению, у нее в глазах стояли слезы, пока она молча слушала мою историю.

После того, как я все ей рассказала, я почувствовала, как с моих плеч словно упал груз. Я почувствовала себя свободнее, рассказав о том, что произошло.

Вскоре после нашего разговора из кафетерия вернулся дядя Том. Голодная и растрепанная, я мечтала только о том, чтобы немного поесть и принять хороший, горячий душ. Я поцеловала тетю Бетти и дядю Тома в обе щеки на прощание, прежде чем покинуть палату.

Когда я шла от входа в больницу в сторону стоянки, где, как сказал дядя Том, он припарковал машину, я охнула и замерла на половине пути, увидев его. Там, на расстоянии меньше чем пятьдесят метров, был Джексон. Он шел ко мне с букетом цветов в руках.

Глава 3

*Наши дни
Тридцать лет*

Джексон

Я увидел ее прежде, чем она меня заметила. При виде нее что-то сжалось в груди, во мне проснулись противоречивые чувства, которые я к ней испытывал. Она встала как вкопанная в ту же минуту, как увидела меня, а затем направилась ко мне, заставив резко втянуть воздух. Я был удивлен, что даже после всего, что я сказал ей, и того, как холодно я на нее смотрел, она все еще хотела поговорить со мной и даже приблизилась ко мне с улыбкой на лице.

— Привет, — сказала она низким, хриплым голосом, когда остановилась передо мной. — Спасибо, что привез меня в больницу вчера вечером.

— Да. Нет проблем, — мой голос был ровным и отстраненным.

Ее улыбка немного увяла.

— А это?.. — она не закончила свой вопрос, когда ее взгляд заметался между мной и цветами в моих руках.

— Они для тети Бетти, — пояснил я.

— Оу, — на мгновение выражение ее лица изменилось, но губы по-прежнему были изогнуты в улыбке. — Прекрасные тюльпаны. Она в них сразу влюбится.

Я не мог не чувствовать себя еще хуже, когда вспомнил, что тюльпаны также были любимым цветами Хлои, и задался вопросом, не думала ли она, что я ждал ее здесь и эти цветы предназначались ей. Тупая боль, которую я так долго игнорировал, пронзила меня, когда я увидел ее взгляд. В тот момент я чувствовал тоску по ней. Я скучал по ней.

— Да, я хотел зайти посмотреть, в порядке ли она. Она всегда заботилась обо мне, когда мы росли, — я чувствовал, что должен объяснить это. — Это наименьшее, что я могу сделать в знак благодарности за все деньги, которые она мне сэкономила на ланче, упаковывая для меня те школьные обеды, — я позволил себе чуть ухмыльнуться, надеясь сгладить напряжение, которое почувствовал между нами.

— Это мило с твоей стороны. Я знаю, что для нее это будет много значить, — ее голос был дружелюбным, но чрезмерно вежливым.

Часть меня хотела сказать что-нибудь, чтобы заставить ее чувствовать себя лучше, но я не сделал этого. Когда смотрел на нее, я понимал, что не был готов простить ее. Даже при том, что скучал по ней, я все еще не мог понять, как она могла совершить нечто столь непростительное много лет назад. Как я мог ее простить, когда даже понять ее не мог? Или когда чувствовал, что вообще ее не знаю?

— Ну, что же, я должен идти повидаться с ней, — подытожил я. — Пока, — я чувствовал, как вина скрутила мой живот, когда я заставил свои ноги двигаться и пройти мимо нее.

— Подожди, — она повернулась и сделала шаг ко мне.

Я остановился, но не обернулся, чтобы встретить ее пристальный взгляд.

— Мы можем поговорить? — ее голос надломился, разрывая меня изнутри.

Мы стояли в тишине, казалось, вечность, прежде чем я, наконец, честно ответил:

— Я не уверен, что готов к этому.

— Я сожалею о том, что сделала тебе. Я...

— Это все в прошлом. Давай просто оставим это и не будем зацикливаться, — я напряг челюсть, пытаясь обузданить свои эмоции.

— Я звонила тебе несколько месяцев назад, — выпалила она. — Я... я хотела поговорить с тобой и все тебе рассказать... до сих пор хочу.

Эмоции бушевали во мне, и я не был уверен, что хотел слышать о чувствах, которые были у нее к моему отцу, или подробности их отношений, или почему все случившееся было в

порядке вещей. Я услышал достаточно причин от моего отца, мы несколько раз разговаривали после инцидента. Я не хотел слышать повторение от женщины, которая разбила мое сердце.

— Я знаю, что ты звонила, — сказал я прямо. Ту ночь я помню отчетливо. Было примерно три утра, когда она позвонила. В полусонном состоянии я не посмотрел на определитель номера, когда взял трубку. Но ничего не услышав на том конце провода, я повесил трубку. Только тогда я понял, кто только что звонил.

— Знаешь? — я услышал удивление в ее голосе. — Почему ты ни разу не упомянул об этом?

Я не повернулся, чтобы посмотреть на нее. Не был уверен, что смогу.

— Ты звонила посреди ночи и ничего не сказала, когда я ответил. Я знал, что ты ошиблась, когда позвонила мне. Не думаю, что я должен был когда-либо упоминать об этом снова.

— Оу.

— Сейчас мне следует проводить твою тетю. Мой поезд в Нью-Йорк отбывает через пару часов.

— Ты уже уезжаешь? — я мог услышать удивление и разочарование в ее голосе. — Я думала, мы могли бы...

Была часть меня, что хотела остаться и поговорить с ней, но большая часть была не готова говорить с ней.

— Да. Я должен возвращаться. Свадьба прошла, поэтому здесь нет ничего, ради чего я должен оставаться, — я чувствовал себя отвратительно, когда услышал, как эти слова вылетают из моего рта.

— Точно, — ее голос был напряжен, затем она сделала паузу, прежде чем быстро продолжить. — Ну, наслаждайся визитом. Я должна идти.

Я тут же пожалел о своих словах. Но когда я повернулся, она уже пробежала половину пути к месту парковки. Я подумал о том, чтобы последовать за ней, но остановил себя. Что бы я сказал? Чего бы добился? Поэтому вместо этого, я развернулся и направился в палату к тете Бетти. Я пытался отодвинуть чувства, но мою грудь сдавило, когда я представил Хлою, убегающую от меня со слезами, катящимися по ее лицу.

— Джексон, как здорово снова тебя увидеть, — тетя Бетти улыбалась мне, когда я вошел в палату.

— Привет, тетя Бетти. Как ты себя чувствуешь? — я наклонился и поцеловал ее в щеку.

— Неплохо. Они что-то вкололи мне в бедро, поэтому я чувствую себя лучше. К счастью я ничего не сломала, так что в операции не нуждаюсь, но они хотят поддержать меня в течение следующих суток и возьмут еще какие-то анализы.

— Приятно это слышать, — я чувствовал облегчение. Тетя Бетти была таким добрым человеком, и она так много пережила за то время, что я ее знаю. Я не хотел видеть ее боль. — О, это для вас. Надеюсь, что это хоть немного скрасит ваш день, — я вручил ей букет тюльпанов.

— Ох, ты такой милый ребенок, Джексон. Они прекрасны, — она взяла цветы и улыбнулась мне. — Но ты уверен, что они предназначены мне? — спросила она, когда посмотрела на меня с любопытной улыбкой на лице.

— Что вы имеете в виду? — спросил я, испытав неловкость от ее вопроса.

Она усмехнулась мне.

— Ты знаешь, что тюльпаны — любимые цветы Хлои. Раньше ты дарил их ей, когда ее нужно было подбодрить.

— Я практически забыл, что дарил их, — признал я, и волна вины накрыла меня. Я не был уверен, почему этим утром среди различных цветов в цветочном магазине я выбрал именно

тюльпаны. Но когда увидел тюльпаны, я улыбнулся и потянулся к ним. *Я думал о ней, даже не подозревая об этом?*

Мгновение тетя Бетти не отвечала, просто изучая меня.

— Джексон, могу ли я быть откровенной?

— Да. Конечно, — я почувствовал, как мое тело напряглось, и приготовился к тому, что она планировала сказать.

— Между тобой и Хлоей все в порядке?

Я нервно сглотнул, когда услышал ее неожиданный вопрос, и не был уверен как ответить.

— Почему вы спрашиваете об этом? — спросил я, стараясь потянуть время.

Последовала короткая пауза, и я мог совершенно точно сказать, что она что-то обдумывала. Когда она, наконец, заговорила, я заметил, как изменился ее голос и тон стал более серьезным.

— Джексон, Хлоя сказала мне, что вы, ребята, больше не друзья.

— Сказала? — я чувствовал, как кровь отхлынула от лица. Я не был уверен почему, но я никогда никому не говорил о том, что произошло между мной и Хлоей девять лет назад. Я никогда никому не признавался, что мы с Хлоей больше не друзья, и что я ненавидел ее. Но сейчас, услышав слова тети Бетти, это почувствовалось, как удар в живот. В некотором смысле это объясняло то, что произошло в тот день много лет назад.

Тетя Бетти кивнула.

— Она все мне рассказала, — она сделала паузу. — Я не могу представить, что ты, должно быть, чувствовал в тот день, когда узнал обо всем, и я знаю, что ты не хотел бы этого услышать, но поверь мне, когда я говорю, что Хлоя не хотела, чтобы ты узнал таким образом. Я думаю, что ей было стыдно из-за того, что она пошла на это, дошла до точки, о которой не хотела, чтобы ты знал.

Шок прошел сквозь меня, когда я вникал в ее слова. Я не знал, хотел ли говорить с тетей Бетти о том, что произошло, но глядя на ее спокойствие, когда она пыталась оправдать поведение Хлои, я решил, что она знала. *Как она могла не расстраиваться от того факта, что у Хлои были отношения с моим отцом?*

— Я не уверен, что знаю, что сказать, — я чувствовал, что должен защищать себя. — Если вы хотите, чтобы я ее простил, то я не уверен, что смогу сделать это. Я думаю, что вы просите у меня слишком много.

Она кивнула в знак согласия.

— Я знаю. И понимаю. Я не прошу простить ее, Джексон. Я знаю, что это не мое дело, и это только между тобой и Хлоей. Все, что я прошу, чтобы ты попытался выслушать ее и по возможности отнестись непредвзято.

— Отнестись непредвзято? Что вы имеете в виду? — я всматривался в ее лицо, пытаясь найти ответы. — Что знаете вы, чего не знаю я?

Она нахмурилась, и я заметил, какой грустной в этот момент она была.

— Не я должна рассказывать тебе, через что прошла Хлоя. Я думаю, что это ты должен услышать непосредственно от нее. Но я чувствую, что если не скажу, ты продолжишь сердиться на нее, не желая знать истиной причины.

Я хотел сказать ей, что она ошибалась, что я знал причину, по которой сержусь на Хлою. Я хотел сказать ей, что в тот день Хлоя объяснила, что у нее есть чувства к моему отцу. Хотел сказать ей, что Хлоя предпочла его мне, что Хлоя связана романтическими отношениями с ним, и никогда не задумывалась о том, чтобы рассказать мне об этом, никогда не принимала во внимание мои чувства. Но что-то мешало мне высказать свои мысли, словно высказавшись, я верну былую боль, которую чувствовал в тот день, когда узнал об их отношениях. Поэтому вместо того, чтобы высказать свое несогласие, я решил послушать то, что хотела сказать тетя Бетти.

— Что ж, вот что я скажу тебе: она занималась эскортом не для себя, не потому, что хотела этого. Совсем наоборот. Это был самый самоотверженный поступок, который она

только могла сделать, чтобы помочь мне и Тому, — последнюю часть она проговорила шепотом, слезы стекали по ее лицу.

Я уставился на нее в полном молчании, неспособный понять то, что она только что сказала.

— Эскорт? Что? Вы только что сказали, что она занималась эскортом? — наконец, удалось выдавить мне из себя. В моей голове кружилось миллион мыслей, но, честно сказать, я не мог ухватиться ни за одну, чтобы на ней сосредоточиться. *Я, должно быть, неправильно понял то, что она только что сказала.*

— Ты не знал? — она удивленно посмотрела на меня. — О, мой... Я...

Я покачал головой.

— Нет. Она не говорила мне. Она просто сказала, что ей нужны были деньги... — я сделал паузу, чувствуя, как чувство вины накрыло меня. — Но тогда я не стал ее слушать, — я чувствовал, как в горле рос ком. — Почему она не попросила у меня хотя бы помощи? Я мог дать ей деньги. Почему она должна была опуститься до чего-то подобного, как продажа собственного тела? — затем в голове пронеслась другая мысль. — Мой отец на самом деле был клиентом? — недоверчиво спросил я, неспособный поверить, что любое из моих предположений даже отдаленно не было верным.

Тетя Бетти отвела взгляд.

— Ты действительно должен поговорить об этом с ней. Я чувствую, что сказала уже слишком много, — она сделала паузу. — Но отвечая на один из твоих вопросов, я скажу, что на тот момент ей нужно было много денег, больше, чем, возможно, ты смог бы ей дать.

— Но все равно, это не весомая причина заниматься эскортом! — я слышал, что мой голос повысился, в то время как смесь гнева, растерянности и вины поглотила меня. — Почему она хотя бы не обратилась за помощью?

Она вздохнула.

— Ты знаешь Хлою большую часть своей жизни. Ты знаешь, что она очень гордая и не хочет обращаться за помощью. Прежде чем она начала жить у нас, она училась о себе заботиться и решать проблемы самостоятельно. Я не думаю, что этот инстинкт когда-либо покидал ее, даже когда она переехала к нам, и мы должны были ей помогать. Она всегда хотела быть независимой, быть в состоянии решить свои проблемы самостоятельно. Даже живя со мной и Томом, она всегда сопротивлялась нашей помощи и не хотела зависеть от нас. Я думаю, что один из ее самых больших страхов заключается в том, чтобы обременить кого-нибудь, — тетя сделала глубокий вдох. — Я думаю, из-за того, каким образом мать покинула ее, она всегда боялась, что станет для нас обузой и усложнит нашу жизнь, а она не хотела жить с чувством вины, если в результате с нами произойдет что-то плохое.

Все, что сказала тетя Бетти, было правдой. Я тоже это замечал в Хлое. Но это не освобождало от ненависти, которую я испытывал к ней из-за того, что она сделала мне больно.

— Но я... я был ее лучшим другом. Она должна была, по крайней мере, сказать мне, что собирается быть эскортом! Почему она скрыла это от меня? И почему из всех людей она спала с моим отцом? — воспоминания о том дне промелькнули перед глазами, и я почувствовал весь гнев и вернувшуюся боль. — Как я могу простить ей что-то подобное? Как вы можете просить меня сохранять объективность, когда она спала с моим собственным отцом?

Она кивнула, словно понимала, почему я был расстроен и злился.

— Я знаю, Джексон. Она должна была сказать тебе о том, через что мы проходили после той автомобильной катастрофы, почему она решила стать эскортом. Она должна была сказать тебе об отце. Я не думаю, что это было дело, о котором она не хотела сказать тебе. Думаю, она хотела рассказать. И она планировала сообщить тебе задолго до того, как все произошло.

— Тогда почему не рассказала? У нее, очевидно, был целый год, чтобы сделать это, — я оборвал ее, разбитый тем, что услышал. Как тетя Бетти могла полагать, что Хлоя хотела мне рассказать все, когда она осознанно молчала больше года?

Тетя Бетти покачала головой.

— Это именно то, что ты должен узнать у нее. Я практически не знаю этой части. Все, что она сказала, что это заставило ее передумать, и она решила не говорить тебе. Но она не сказала мне, почему передумала.

Я нахмурился, неудовлетворенный ее ответом. Этого мне было недостаточно.

Словно прочитав мои мысли, тетя Бетти продолжила:

— Просто подумай об этом, Джексон. Ты знал ее с тех пор, как ей было семь. Ты действительно думаешь, что это похоже на нее — держать что-то втайне от тебя по непонятной причине? Ты действительно веришь, что она такой человек, который намеренно причинил боль своему лучшему другу — мальчику, которого любила с семи лет?

Ее последние слова застали меня врасплох.

— Тогда она меня не любила. Она никогда не говорила мне этого.

Тетя Бетти тихо засмеялась и покачала головой.

— Джексон, я знаю, что ты любил Хлою так долго, как и она любила тебя. Ты ей когда-нибудь говорил?

Я не ответил ей, но ее слова остались со мной. Как бы я не хотел злиться на Хлою, я почувствовал, как крепость ненависти, которую я построил вокруг своего сердца, начинала давать трещины и разрушаться.

К моему удивлению, появилась и другая эмоция, которую я вовсе не ожидал — облегчение. Возможно, было бы естественно чувствовать себя расстроенным, зная, что Хлоя занималась эсортом и за деньги спала с мужчинами, включая моего отца. Но, что удивительно, я был скорее спокойным, чем расстроенным. После всего случившегося, я всегда думал, что меня держали за дурака, лгали мне, что ее чувства ко мне были фарсом. Я думал, что Хлоя была не тем человеком, каким, как я думал, она являлась. Я думал, что вообще ее не знал.

Но теперь я задавался вопросом, что, если я был неправ все это время. И именно тогда меня осенило. С того дня, девять лет назад, я эгоистично построил вокруг себя эту ненависть, основываясь на собственных эмоциях и на том, какую боль она мне причинила. Я судил ее, как незнакомца в суде. Так или иначе, я обесценил те четырнадцать лет, что знал ее, те четырнадцать лет, что она была моим лучшим другом, те четырнадцать лет, что я ее любил. Я всегда думал, что она спала с моим отцом, потому что у нее были чувства к нему, сходные с теми, которые я испытывал к ней, и неприятие этого ослепило меня. Я продолжал искать причины ее связи с отцом, ни разу не задаваясь вопросом, была ли это та Хлоя, которую я знал, без права когда-либо предоставить ей возможность рассказать ее версию этой истории. Прошедшие девять лет я ненавидел ее, но никогда не задумывался, было ли у нее веское основание для того, что она сделала, если эти ее причины не имели ко мне никакого отношения, и насколько сильно она мне сделала. Вместо этого, я просто ее ненавидел, и та ненависть просачивалась через каждую частичку меня, которой я ее любил.

Когда полчаса спустя я вышел из больницы, я был пронизан чувством вины, поскольку позволил разговору с тетей Бетти впитаться в меня. Мои мысли вернулись ко всему, что произошло в те годы, приведя к тому дню, когда я занялся с Хлоей любовью. Я помнил Хлою, испытывающую некоторые трудности после несчастного случая, но я был слишком связан со своим братством и колледжем, чтобы действительно обратить на это внимание или быть там ради нее. Я знал, что несколько раз расстраивал ее, особенно тогда, когда она внезапно приезжала навестить меня. Но тогда я ни о чем не думал. Она пыталась сказать мне, но я был слишком занят собственной жизнью, чтобы понять? Она переживала тяжелые времена, а я не был там для нее?

Тетя Бетти была права. Хлоя была моим лучшим другом, и я знал ее лучше, чем кого-либо еще. Я использовал тот день как причину, чтобы убедить себя, что я ее вообще не знаю. Но если бы я не спешил и обдумал все рационально, то должен был понять, что что-то из этого не имело смысла. Это не походило на то, что она сделала бы без серьезной причины.

Я сжал кулаки, когда начал чувствовать, что гнев во мне нарастает. Но на сей раз он не был направлен на Хлою. Он был направлен на ситуацию, в которой мы находились. Я

чувствовал себя раздосадованным, меня поглотила вина и досада за то, что я не знал о том, что происходило с Хлоей в колледже, и за то, что не понял, что что-то было не так.

Когда-то я думал, что моя любовь к ней незыблема, что я любил бы ее до своего последнего вздоха. Но тогда я понял, что был неправ. Моя любовь к ней была незрелой и эгоистичной. Я никогда не говорил ей о своих чувствах. И все же, как трус, спал с другими девушками только потому, что хотел проверить ее, и потому, что думал, что она во мне не заинтересована. Я даже поощрял ее спать с кем угодно.

Сегодня, после всех этих лет, я, наконец, понял, что объяснение ее предательства, которое я поселил у себя в голове, может быть, и не соответствовало действительности. Теперь я спрашивал себя, как же отчаянно и мерзко она себя чувствовала, занимаясь тем, чем занималась.

Когда я вернулся домой, то разрывался из-за чувств к Хлое — девочке, которая была моим лучшим другом большую часть жизни, девочке, которую я любил больше, чем кого-либо еще, девочке, которая разбила мое сердце. Теперь, когда я знал, что на самом деле в этой истории было больше, чем известно мне, было ли ее причин достаточно для меня, чтобы простить и забыть то, что произошло девять лет назад? Действительно ли я мог перебороть то, что видел в тот день? Могли ли мои чувства к ней быть когда-нибудь такими же чистыми и верными, какими они были до того дня?

Я не знал.

Но что я действительно знал, это то, что я должен увидеть Хлою и на сей раз выслушать ее версию этой истории.

Глава 4

*Ноябрь, 2000 год
Шестнадцать лет*

Хлоя

Я не могла перестать усмехаться, глядя на пластиковую карточку, зажатую в руках. Наличие ученических прав значило не просто то, что теперь я могла перейти к практике по вождению автомобиля, это означало, что я еще на один шаг приблизилась к свободе. Джексон беспощадно дразнил меня, когда получил права раньше меня, и я не могла дождаться, чтобы показать ему, что ничуть не хуже.

— Ставлю на то, что ты облажаешься! — насмехался он надо мной, уплетая гамбургер и картофель фри, после того, как я сказала ему, что на следующий день собирались сдавать экзамен в Управлении регистрационной и экзаменационной работы. — Этот экзамен жесткий! Все вопросы логические! Большинство ребят не сдают с первого раза, но я, конечно, сдал, ведь ты знаешь, что я долбаный гений! — он одарил меня ребяческой улыбкой, которая только дополняла его естественное очарование.

— Бред! Ты меня не запугаешь, — сказала я и игристо бросила в него пакетик с кетчупом.

Но это было правдой, он сдал с первого раза. Той ночью я не ложилась спать в течение нескольких часов, штудируя учебник по подготовке к экзамену. Если он был прав, и я потерплю неудачу, это было бы сверхуниверсально, потому как означало бы, что он всегда будет иметь преимущество надо мной, и я знала, что он не даст мне проходу.

Когда тетя Бетти на следующий день привезла меня в управление регистрационной и экзаменационной работы, меня тошнило, а глаза горели из-за недостатка сна прошлой ночью. Во-первых, вопросы казались размытыми на странице, и я несколько раз должна была моргнуть, вынуждая себя сконцентрироваться. Когда я, наконец, добралась до середины опросного листа, то заметила, что вопросы стали сложнее. Но благодаря Джексону, я знала практически все ответы. Экзаменатор вручил мне обратно мой тест, который я сдала на девяносто пять баллов. Я визжала от восторга, подпрыгивая на стуле.

— Очень хорошо, юная леди. Лучший результат, который я видела за всю неделю, — сказала экзаменатор, когда направила меня за белую линию и велела улыбаться на камеру. Всего несколько минут спустя она вручила мне карточку, новеньющую, только что из ламинатора. Я улыбнулась сама себе, прикоснувшись к моему еще теплому водительскому удостоверению.

Штат Пенсильвания

Разрешение на вождение

Хлоя Синклер

Я прочитала каждую строчку удостоверения и почувствовала, как бабочки в моем животе превращаются в возбужденное биение сердца. Я сделала это. Это было первым шагом к тому, чтобы стать независимой от тети Бетти и дяди Тома. Я была так благодарна за все, что они сделали для меня после того, как я переехала к ним восемь лет назад, что я не желала становиться бузой и дополнительным расходом, прежде чем они смогли уйти на пенсию. Их сын, Чарли, который был на одиннадцать лет старше меня, содержал себя самостоятельно. До этого я слышала, как тетя Бетти и дядя Том говорили о пенсии, и знала, что они пытались накопить немного сбережений, чтобы можно было уйти на пенсию на несколько лет раньше. Я не хотела быть причиной, по которой они не смогут этого сделать. Я знала, что водительские права делали меня на один шаг ближе к моей способности самостоятельно позаботиться о себе.

— Поздравляю, дорогая! — тетя Бетти обняла меня прямо в лобби Управления регистрационной и экзаменационной работы, и я покачала плечами в ее объятиях.

— Не у всех на виду! — я закатила глаза, смущаясь из-за повышенного внимания к себе.

— Могу я идти домой к Джексону? — немедленно спросила я, зная, что он был первым человеком, которому я хотела показать свое новое удостоверение.

— Конечно, — улыбнулась тетя Бетти.

Когда мы добрались до дома Пирсов, я помахала на прощание тете Бетти и удостоверилась, что она уехала, прежде чем позвонить в дверь. Я любила ее, но иногда она очень смущала меня. Несомненно, если бы Джексон или его родители открыли дверь прежде, чем она уедет, она бы продолжила говорить им, как она гордится мной за то, что я с первого раза сдала экзамен, и как усердно я к нему готовилась. Как только она свернула за угол, я позвонила в дверь и быстро спрятала удостоверение за спину, ожидая с нетерпением. Джексон обделается, когда увидит, что я тоже сдала экзамен с первой попытки.

Но, к моему удивлению, дверь открыл его отец. Он крайне редко находился дома в середине дня.

— Привет, Хлоя. Всегда рад видеть тебя, — он улыбнулся мне и открыл дверь шире, чтобы я смогла войти.

— Джексон дома? — спросила я, уже направляясь в его комнату.

— Нет, он еще не вернулся с футбольной тренировки.

Должно быть, на моем лице было разочарование, потому что он тут же добавил:

— Хотя, я надеюсь, он скоро вернется. Ты можешь подождать его, если не против повести несколько минут в компании такого старого парня, как я.

— Вы не старый, — засмеялась я. Помню, что когда была младше, я думала, что отец Джексона был древним. Но сейчас, чуть повзрослев, я думала, что он был немного похож на Харрисона Форда. Что-то общее было в глазах и усмешке. Он был забавным, добрым, и у него было некое очарование, по крайней мере, для такого взрослого мужчины. Я задавалась вопросом, будет ли однажды Джексон так же красив, как его отец, и улыбнулась при мысли, что он уже красавец.

— Что у тебя за спиной? — спросил он, и я вспыхнула, когда вспомнила, что планировала увидеть Джексона.

— О, ничего. Только это, — сказала я и почувствовала, как начали гореть мои щеки. Я протянула руку из-за спины, и он осторожно взял карточку и прочитал ее. Улыбка тронула уголки его губ, а глаза загорелись от радости при виде моего имени.

— Поздравляю! Это грандиозное событие — получить водительское удостоверение, — он подошел ко мне, словно хотел обнять, как это делала тетя Бетти. Я почувствовала, как мое сердце заколотилось, и замерла от этой мысли. Но я зря паниковала. Он просто потянулся ко мне, чтобы вернуть удостоверение. Когда я с облегчением выдохнула, часть меня была немного разочарована. Возможно, это было бы не так уж и плохо, если бы меня обнял человек, столь же умный и зрелый как мистер Пирс. *И все же, это глупо.* Я быстро отбросила все эти мысли.

— Давай, присядь со мной, и расскажи мне, что еще нового у тебя произошло? — он удобно расположился на диване в их гостиной и похлопал по подушке рядом с собой. — Последнее время я столько работал, что почти никогда вас не видел, ребята. Пожалуйста, расскажи мне, как ты поживаешь.

Я чувствовала себя плохо из-за мистера Пирса. Он действительно много работал и каждый раз, когда я его видела, видела, что он одинок и скучает по своей семье. Было очевидно, что он чувствовал себя плохо из-за отсутствия возможности проводить больше времени с Джексоном. К сожалению, Джексон не видел этой стороны медали и жаловался мне на своего отца в тех редких случаях, когда упоминал его. Может, если я немного посижу с отцом Джексона и поговорю с ним о его сыне, то это поможет сблизить их. Это наименьшее, что я могла сделать.

— Дела хорошо. Джекс и я практически во всех классах вместе в этом году, за исключением математики и физкультуры. Он делает большие успехи в футболе. Даже при том, что он новичок, тренер позволил ему играть три последние игры. Последний раз был потому, что один из основных игроков получил травму, и им нужен был полузащитник. Он отлично справился, и с тех пор тренер дал ему возможность играть, — я хвасталась бы Джексоном в течение нескольких часов, но его отец остановил меня дружеским смехом.

— Это замечательно — слышать такое о Джексоне, но я спрашивал о тебе. Как у тебя дела, Хлоя?

Никто не интересовался мной по-настоящему, особенно взрослые. Это было странно, но, отчасти, мило. Джексону повезло с отцом: он милый, чувствительный и действительно заботливый.

Я хотела ответить, но поняла, что действительно не знаю, что рассказать о себе. Я чувствовала себя неловко, потому что пыталась придумать что-то, что можно было рассказать и не выглядеть совершенно глупо.

Отец Джексона пытался растопить лед, небрежно спросив:

— Как твои занятия?

— Хорошо, я думаю. У меня почти все «А», только несколько «В», — я старалась не звучать так, словно хвасталась, и добавила: — О, и одна «Д».

Это было то, в чем я больше никому не призывалась, но по каким-то причинам я чувствовала себя достаточно комфортно, чтобы рассказать это отцу Джексона. Полагаю, я просто хотела прощупать почву и посмотреть, психовал бы он, как дядя Том, и провел ли мне лекции о важности успеваемости или же, напротив, он был бы невозмутимым, каким и казался.

— Какой предмет? — спросил он, и я почувствовала, как лекция началась.

— Математика, — сказала я, кусая нижнюю губу. — Это алгебра, учитель рассказывает все так быстро, что я не успеваю за ним.

— Могу я открыть тебе секрет? — Джон наклонился ко мне, словно собирался прошептать секрет мне на ухо.

Любопытствуя, я кивнула.

Он приблизился ко мне очень близко и мягко сказал:

— Алгебра — ерунда. Это просто пустая трата времени.

Я не могла поверить в это. Папа Джексона на самом деле был спокоен! Огромная улыбка появилась на моем лице, и я изо всех сил старалась не засмеяться.

— Я не стал бы волноваться о необходимости учить ее, если ты не планируешь быть инженером, ты никогда не воспользуешься ей в реальной жизни. Но если ты хочешь сохранить свою успеваемость, если тебе нужна будет помочь, я могу помочь тебе с уроками.

— Спасибо, мистер Пирс.

Он нахмурился.

— Джон, помнишь?

— Ох, точно. Простите, — я сделала паузу и выдавила улыбку. — Спасибо, Джон. Очень любезно с вашей стороны это предложить, но я знаю, что вы очень заняты.

— Не глупи, Хлоя. Я не настолько занят, — заверил меня Джон и обнял за плечи в утешительном жесте. Его ладонь была теплой на моей коже и, по какой-то причине, это заставляло меня нервничать. Дядя Том любил меня, но он не был таким плюшевым мишкой, как тетя Бетти, и редко проявлял нежность. Своего отца я никогда не знала. Поэтому, когда отец Джексона прикоснулся ко мне, я позволила себе облокотиться на него и задумалась о том, каково это, когда есть собственный отец.

— Хлоя, к настоящему времени тебе следует уже знать, что ты ничего не могла бы сделать, чтобы быть обузой. Ты уже так много сделала, будучи таким хорошим другом для Джексона. Ты особенный человек, и я надеюсь, ты знаешь, как много ты значишь для нас.

— Спасибо, — я почувствовала, как вспыхнули щеки, а сердце забилось быстрей. Это были те слова, которые девушке просто необходимо услышать от образцового мужчины в своей жизни, независимо от того, насколько она была уверена в себе или какая у нее была самооценка. Я подумала о Джексоне, и почувствовала зависть от того, что у него есть отец.

Именно в этот момент, словно он знал, что я думаю о нем, Джексон вошел через парадную дверь и бросил свое футбольное снаряжение у основания лестницы.

— Хэй, Джексон. Как тренировка? — выкрикнул с энтузиазмом Джон. Он резким движением убрал руку с моих плеч, чтобы поприветствовать Джексона. Но, на самом деле, я этого не заметила. Это заставило меня улыбнуться, потому что я увидела возможность их воссоединения. Я по личному опыту знала, насколько это изматывает, когда ты чувствуешь

себя брошенной собственными родителями, и было прекрасно стать свидетелем такого приятного момента между ними.

— Нормально, — просто ответил Джексон, затем, когда наши взгляды встретились, его лицо засветилось. — Привет, Хло? Что ты здесь делаешь?

Что я здесь делаю? Я знала, было что-то, что я хотела сказать, но именно в этот момент все вылетело у меня из головы.

Папа Джексона заступился за меня.

— У Хлои проблемы с математикой, и поэтому я предложил позаниматься с ней пару уроков.

— Алгебра? — спросил Джексон, и я кивнула. — Кто твой учитель?

— Мистер Филлипс, — ответила я.

Джексон сочувственно вздохнул.

— Он ужасен! Говорит миллион слов в минуту и никому не позволяет задавать вопросы. У меня Бейдермен, она намного лучше. Они оба используют один и тот же учебник и план урока. Тебе следует знать, что я могу помочь тебе, если хочешь. Пойдем, мы пробежимся по материалу, с которым у тебя сейчас проблемы.

Я повернулась к отцу Джексона и послала ему благодарную улыбку.

— Спасибо за предложение, мистер Пирс, но похоже, что наставник мне не нужен. У меня есть Джекс!

На лице Джона было написано разочарование, и я себя плохо чувствовала из-за этого, потому что уводила на это время от него сына. «Я удостоверюсь, что занятие не будет слишком долгим, поэтому у них появится время», — подумала я про себя, когда на прощание помахала отцу Джексона.

Когда я последовала за Джексоном в его комнату, то внезапно вспомнила, зачем приехала. Протянув Джексону удостоверение, я вскрикнула от радости:

— Зацени, что я сегодня получила!

— Не может быть! Кого ты подкупила, чтобы получить это? Это фальшивка? — Джексон вырвал удостоверение из моей руки и проверил его на подлинность, все время усмехаясь.

— Никого, придурок. Я получила его сама, и леди из управления регистрационной и экзаменацационной работы сказала, что у меня один из лучших результатов, которые она видела на этой неделе. Это, вероятно, лучше твоего, так что выкуси! — я дразнила его, и мы оба смеялись, играво борясь друг с другом, сражаясь за мое удостоверение.

Когда мы дошли до его комнаты, Джексон вернул мне удостоверение, и я видела, что его глаза сияли гордостью.

— Я знал, что ты успешно справишься с этим.

— Нет, ты не знал, — я закатила глаза. — Ты был абсолютно уверен, что я провалюсь. Но я не провалилась, — я не смогла сдержаться и бросила ему в лицо тот факт, что вчера он ошибся в своем предсказании.

— Нет, не так. Я просто знал, что сказанное мной заставит тебя учиться усерднее. Но я знал, что ты сдашь тест и получишь удостоверение. Ты — одна из самых умных девушки, которых я знаю.

— Да, ну, а ты один из самых больших придурков, которых я знаю, — сказала я, но он знал, что это было кодовым словом, говорящим о том, как сильно он мне нравился в действительности. Он реально был самым удивительным лучшим другом, о котором я могла только мечтать.

— Говоря о придурках, прости, что застряла здесь с моим отцом, — сгримасничал Джексон, когда искал в своей комнате учебник по математике и карандаш. — Тренер заставил нас всех дополнительно разрабатывать колени, поэтому, тренировка закончилась позже обычного.

— О, все в порядке. Твой папа действительно хороший.

— Ты не должна притворяться со мной, — в его голосе была резкость, которую я редко слышала.

— Я не шучу, — настаивала я. Не знаю почему, но я почувствовала сильную необходимость заступиться за его отца. — Ты просто не видишь ситуацию ясно, потому что ты слишком к ней близок.

— Какая же это ситуация? — Джекс казался раздраженным.

— Я знаю, что это отстой, когда твой папа так много работает, и его никогда не бывает с тобой и твоей мамой, но тебе когда-нибудь приходило в голову, что ему тоже тяжело?

— Без разницы, — сказал он презрительно, но по его голосу я могла сказать, что он больше не хочет говорить об отце.

— Очевидно, что он скучает по тебе, — настаивала я, немного завидуя Джексону и немного раздражаясь от того, что он так предвзято относился к отцу.

— Откуда тебе знать? У тебя нет ни одного родителя, чтобы знать, на что это похоже! — выстрелил он в ответ.

Его слова потрясли меня, они попали прямо в самое сердце. Я точно знала, что он пожалел о них, как только они вылетели у него из рта. Его лицо побледнело, рот исказился от осознания собственной жестокости.

Моя кожа, должно быть, тоже побледнела, и я могла чувствовать, как обжигающие слезы переполняли глаза. Так или иначе, я не могла сдерживать их долго, и повернулась к нему спиной, чтобы он не видел, как они стекают по щекам.

— Хло, прости меня! Я не это имел в виду, — я слышала муку в его голосе и знала, что он переполнен раскаянием.

Отлично! Он заслужил это гадкое чувство за то, что сказал нечто столь ужасное. Отсутствие родителей было тем, к чему я всегда была чувствительна. Совсем не то, когда тетя Бетти и дядя Том ходили на родительские собрания или Родительские Ночи. Так что то, что мой лучший друг практически бросил мне это в лицо, было невыносимым. Я хотела возненавидеть его за это.

Но следующее, что произошло, заставило меня поменять свое мнение и сразу же его простить.

— Хло, я не это имел в виду. Слышишь? Я не это имел в виду! Прости меня. Ты должна простить меня. Скажи, что прощаешь меня, — в голосе Джексона была незнакомая дрожь, которая умоляла меня обернуться.

Когда я обернулась, то увидела, что его лицо покраснело, и он был полон раскаяния, его глаза блестели от слез, чего прежде я никогда не видела. Я едва могла поверить в то, что он был так расстроен от мысли, что причинил мне боль, доведя себя до слез. Это был первый раз, когда я это увидела, и это затронуло мое сердце так, как ничто другое.

— Я прощаю тебя, Джекс, — сказала я мягко, и он схватил меня в объятия: быстрые и крепкие.

— Правда? Ты прощаешь меня? — он шмыгнул носом, зарываясь лицом в мои волосы грубым, но все же нежным движением.

— Да, ты придурок, но нет ничего такого, что бы ты сделал, а я не смогла простить.

Он обнял меня еще крепче.

— Так же, как и я. Независимо от того, какие ошибки мы совершим в будущем, я всегда буду тебя прощать и буду твоим лучшим другом, — поклялся Джексон.

Я улыбнулась и решила сменить тему на что-нибудь менее серьезное.

— Ну, ты собираешься мне помочь с алгеброй или нет?

Глава 5

**Ноябрь, 2001 год
Семнадцать лет**

Хлоя

— Забудь об этом. Я передумала! Я не буду поступать в колледж. Это не стоит усилий! — выкрикнула я в отчаянии. Я чувствовала себя заживо погребенной под горой бланков. Оказалось, что заполнение бланков на поступление в колледж было гораздо сложнее, чем мне думалось, и я была полностью разбита.

— Если я смог, то и ты сможешь, — Джексон успокаивающим жестом погладил меня по спине, и карандаш снова заскользил по форме заявления.

— Результаты экзаменов, эссе, ссылки, внеурочная деятельность? Тыфу. У меня и половины из этого списка нет! А ведь я еще не смотрела документы для стипендии, — я раздраженно выдохнула, когда он сел за обеденный стол напротив меня и открыл «Маунтин Дью».

— Это не значит, что ты не должна попытаться. Как насчет твоих планов путешествовать по миру? Я думал, что ты собираешься получить степень бакалавра, если, конечно, не собираешься в армию, — Джексон одарил меня одной из своих ребяческих улыбок. — И, я думаю, ты будешь слишком отвлекаться на солдат, вместо того, чтобы служить родине, — жестоко упрекнул он меня, смеясь. Иногда его правота раздражала и сводила меня с ума.

— Заткнись, умник! — я попыталась свирепо посмотреть на него, но все, что смогла, это улыбнуться. Это рассмешило его, и прежде, чем я осознала это, тоже начала смеяться. Он всегда находил способ поднять мне настроение, когда я была утомлена.

— Хорошо, тогда прекрати меня отвлекать. Я должна заполнить эти заявления, если хочу поступить в Пенн (*Примеч. Пенн — сокращенно от Пенсильванский университет*). Ты сказал, что если я приду, ты поможешь.

— Фактически, я сказал тебе прийти и заставить моего отца помочь тебе. Он — тот, кто там работает, не я, — поправил меня Джексон с той самой дерзкой усмешкой.

— Я слышал, кто-то говорил обо мне? — мистер Пирс внезапно вошел на кухню с радушной улыбкой. — Привет, Хлоя. Смотрю, вы заполняете заявления в колледж. Как продвигается?

— Ужасно, — застонала я. — Я неучаствую в спортивных состязаниях. Не занимаюсь никакой общественной деятельностью. Мои оценки достойные, но не потрясающие. С чего бы им меня принимать?

— Ты умная, старательная и способная ученица. У тебя много других качеств, которые любой университет оценил бы, если он не идиотский. Просто ты должна знать, как показать себя в лучшем свете, — пояснил он.

Я покраснела от его похвалы и почувствовала себя лучше, услышав это. Он дал мне надежду, что все это не так уж и невозможно, как я думала.

Джексон посмотрел на часы и сказал:

— Эй, пап, Сара придет с минуты на минуту. Мы должны вместе поработать над нашими линиями в игре в следующем месяце. Ты сможешь помочь Хлое, пока мы будем заниматься с Сарой?

«Тыфу», — подумала я раздраженно. Если бы я знала, что сюда придет Сара, чтобы болтаться с Джексоном, я бы, скорей всего, не пришла. Сара была новой подружкой Джексона. Недавно они играли вместе в школьной пьесе «Ромео и Джульетта» и проводили много времени вместе, после чего она пригласила его на свидание. Она была белокурой, с прекрасным телом, и всегда надевала короткие юбки черлидерши в школу. Она мне не нравилась, я думала, что она была самым раздражающим человеком. Однако казалось, что она делала Джексона счастливым, поэтому я пыталась хранить свое отвращение втайне от него.

Мистер Пирс увидел, как я закатила глаза, и положил свою руку мне на плечо, любезно ответив:

— Конечно, я всегда здесь, чтобы помочь.

Именно в этот момент Сара объявилась на пороге. Она поприветствовала Джексона поцелуем и прижалась к нему всем телом. Когда она что-то прошептала ему на ухо, Джексон резко сказал:

— Ладно, мы пойдем в мою комнату, чтобы позаниматься. Увидимся позже, Хло! Еще раз спасибо, папа!

Он взял Сару за руку и повел ее в свою спальню, ее блондинистый конский хвост покачивался позади нее, она хихикала. Ее бедра с намеком покачивались, когда она шла, а ее хихиканье было слышно наверху, когда дверь в комнату Джексона закрылась за ними.

От этой сцены мне хотелось заткнуть рот кляпом. Я подумывала крикнуть «Практикуйте безопасный секс!», только чтобы смутить Джексона. Но я не думала, что это было хорошей идеей, так как рядом стоял его отец.

Мистер Пирс, видимо, подумал о том же, потому что покачал головой и сказал:

— Думаю, что я совершаю ошибку, оставляя этих двоих наедине. Скажи мне, все девушки твоего возраста этим занимаются?

— Нет, не все девушки, — решительно ответила я. — Не позволяйте Саре произвести на вас неправильное впечатление. В школе много девушек, которые не похожи на нее, но парни, кажется, уделяют больше внимания популярным девочкам, таким, как она.

— Ой, да ладно тебе, Хлоя. Такая красивая девушка, как ты, с такими красивыми глазами и удивительной улыбкой? Ты заслуживаешь, чтобы каждый парень в школе приглашал тебя на свидание.

Я почувствовала, как заливаюсь румянцем от комплимента. Я не привыкла к тому, чтобы меня замечали и хвалили. Это ощущалось замечательно, когда тебя называют красивой, но часть меня сожалела, что я не услышала это от парней моего возраста, таких, как Джексон.

— Спасибо, но я не такая, как Сара. Я слишком неуклюжая, чтобы быть черлидером, я и довольно проста и совсем не популярна.

— Я уверен, что твой парень не считает тебя простой, — сказал он с ободряющей улыбкой.

Я посмотрела вниз, почувствовав себя некомфортно.

— На данный момент у меня нет парня, — у меня было несколько свиданий с двумя парнями, с которыми я дружила. Но я никогда не относила к ним слишком серьезно.

— Ну, погоди, ты далеко не простая. Однажды ты будешь с настоящим мужчиной, которым заставит тебя почувствовать себя женщиной. Ты невероятная, Хлоя, — умная, забавная, очаровательная. Однажды перед тобой выстроится толпа мужчин, которые захотят быть с тобой.

Что-то было в его взгляде, когда он смотрел на меня и говорил все эти вещи, от чего я почувствовала себя неудобно, от чего у меня пересохло во рту. Это были приятные комплименты, и мне нравилось слышать их, но внезапно я осознала, что мы были одни.

— Ну, не знаю, насколько я умна. Мне нелегко даются эссе для этих заявлений, — сказала я, сделав небольшой шаг назад и попытавшись вернуть разговор к заявлениям в колледж. Я откашлялась и продолжила: — Если у вас есть какие-нибудь рекомендации, я была бы вам очень благодарна.

Он моргнул, и, как будто выйдя из транса, выпрямился и улыбнулся.

— Да, — он откашлялся. — Конечно, — затем он снова сделал паузу, словно вел дебаты сам с собой. Несколько секунд спустя выражение его лица изменилось, и он снова одарил меня широкой улыбкой, прежде чем сказать. — Знаешь, что?

— Что? — я нахмурилась, смущенная его поведением.

— Ты — лучшая подруга моего сына. Он практически видит в тебе младшую сестру, — улыбнулся он.

Я не была уверена, что почувствовала, но волна разочарования накрыла меня, когда он упомянул слово «сестра». *Действительно ли Джекс думает обо мне как о сестре?* Я заставила себя отодвинуть эту мысль и снова переключила свое внимание на мистера Пирса.

— ...и как самый выдающийся преподаватель в Пенн, я не должен давать тебе какие-либо рекомендации. Я должен сделать больше. Хорошее рекомендательное письмо от меня принесет больше пользы, чтобы поддержать твое заявление на поступление.

— Вы так думаете? — я посмотрела на него, полная надежд, совершенно забыв о неловкости, которую испытывала несколько минут назад.

— Определенно, — он уверенно мне улыбнулся. — Хлоя, я скажу тебе, что могу сделать для тебя. Я напишу рекомендательное письмо, которое так востребовано, что это практически гарантирует тебе поступление в Пенн.

— Вы сделаете это для меня? — с восторгом вззвизгнула я. — Это больше, чем я могла просить. Это было бы потрясающе, если вы сможете, — я говорила быстро, даже не пытаясь скрыть волнение. Я чувствовала, что часть тревог относительно моего будущего как будто сняли с моих плеч.

— Конечно. Для меня это будет удовольствием. Пойдем ко мне в кабинет, и я позабочусь об этом, — его улыбка была теплой, и я нетерпеливо последовала за ним через холл, сжимая в руках заявления.

Его кабинет был впечатляющим, с красивым резным столом из дуба, на полках стояли книги, у окна кожаный диван и современный компьютер на столе.

— У вас красивый кабинет.

Он закрыл за нами дверь и направил меня к дивану. Я ожидала, что он сядет в свое рабочее кресло, но он удивил меня, сев на диван прямо возле меня.

— Что ж, я знаю тебя с тех пор, как ты была ребенком, но в последние годы мы не очень много говорили, — начал он, нежно положив свою руку мне на колено и изучающе глядя мне в глаза. — Чем ты действительно увлечена? Каковы твои цели и мечты?

Я не знала, как ответить на его вопросы. Это были те вопросы, которых я не ожидала. Все, о чем я могла думать, это то, что его рука находится на моем колене, чуть ниже того места, где заканчивалась юбка, и я чувствовала себя невероятно неловко. Я знала, что он просто пытается мне помочь, знала, что он очень нежный человек (он больше походил на тетю Бетти в этом отношении, чем на дядю Тома), но я не привыкла к такой близости с взрослым мужчиной. Я помню, как Джексон однажды упомянул, что его отцу было двадцать, когда он родился. Тридцать семь лет казалось мне слишком солидным возрастом.

Внезапно, я услышала голос Джексона, кричащего снизу:

— Эй, пап! Сара может остаться на ужин?

Не знаю, почему, но мой живот свело, когда я увидела, как поворачивается ручка на двери. Спустя секунду дверь распахнулась, и появился Джексон.

Мистер Пирс встал с дивана, и, казалось, стряхивал невидимые пылинки с рубашки.

— Да, конечно, Сара может остаться на ужин. Твоим друзьям здесь рады в любое время.

В течение доли секунды на лице Джексона застыло странное выражение, когда он переводил взгляд с меня на своего отца. Но потом оно исчезло.

— Отлично! Ты тоже должна остаться, Хло! Мы закажем несколько больших пицц. Мой отец закончит помогать тебе с твоим заявлением, а затем мы с Сарой разыграем для вас сцену, которую репетировали. Это будет похоже на ужин и шоу.

Я встала и потянулась за бумагами.

— Я не могу остаться сегодня вечером. Прости. Я обещала тете Бетти, что на ужин буду дома, — я быстро двинулась к двери, где стоял Джексон. — Вообще-то, мне уже пора уходить.

— Что насчет твоего рекомендательного письма? — спросил мистер Пирс.

Мне было необходимо это письмо, но в данный момент мне хотелось выбраться оттуда. Я не была уверена, но интуитивно знала, что делала что-то не так и была поймана на месте преступления.

— Спасибо за предложение, но я не представляла, что уже так поздно. Думаю, что вынуждена отказаться.

— Не будь смешной. Я напишу его для тебя, и ты сможешь забрать его завтра. У тебя есть все основания идти вперед, Хлоя. Нет никакой причины, по которой ты не должна поступить в Пенн, и воспользоваться своей жизнью по максимуму.

— Спасибо, — вспыхнула я. Внезапно я почувствовала себя плохо из-за мистера Пирса. Он не был плохим человеком. Может быть, я просто была расстроена из-за Джексона и его занятий сексом с Сарой наверху. Думаю, то, что произошло между мной и мистером Пирсом, не что иное, как плод моего воображения. Однако мысль вернуться и взять у него рекомендательное письмо казалась мне крайне неудобной. *Если бы только можно было удостовериться, что Джексон тоже будет здесь.*

— Звучит замечательно. Во сколько ты будешь завтра после футбола, Джекс? Может, мы сможем потусоваться вместе, когда я приду, — я в ожидании смотрела на Джексона, надеясь, что слова прозвучали вскользь.

— Прости, Хло, — он пожал плечами. — Не могу. У нас завтра последняя тренировка перед плей-офф. Если хочешь, я могу взять письмо с собой в школу и отдать его тебе по пути?

— Замечательно! — выдохнула я с облегчением.

На следующий день, во время классного часа, когда Джексон вручил мне рекомендательное письмо от мистера Пирса, я чувствовала себя самым ужасным человеком в мире, потому что не забрала его лично. Каждая строчка рекомендательного письма изображала меня гораздо лучше, чем я была на самом деле. То, что он потратил время, чтобы написать эту рекомендацию, было очень щедро с его стороны, и я знала, что должна выразить признательность и благодарность за его помощь.

Когда я сложила рекомендательное письмо и положила его между страницами учебника по биологии, я дала себе обещание: *если поступлю в Пенн, то должна буду должным образом отблагодарить мистера Пирса за помошь. Я буду в долгу у него долгое время.*

Глава 6

*Июнь 2003
Восемнадцать лет*

Хлоя

Я помахала Джексону, когда увидела, что он ищет меня в толпе у здания школы. Когда наши взгляды встретились, его лицо засияло, и он сразу направился туда, где я стояла с тетей Бетти, дядей Томом и моим кузеном Чарли.

— Это была замечательная речь по случаю вручения диплома, Джексон, — похвалил Джекса дядя Том, когда тот подошел.

— Гарварду повезло, что ты будешь там учиться, — вмешалась тетя Бетти, притягивая Джексона в теплые объятия.

Джексон улыбнулся, излучая гордость.

— Спасибо. Я взволнован, что наконец-то окончил среднюю школу и поступаю в колледж, — затем он посмотрел на меня со своей ребяческой усмешкой и подмигнул. — Поздравляю, Хло.

— Поздравляю, Джекс, — ответила я и улыбнулась. — Дядя Том прав. Это было великолепно, мистер Прощальная Речь. Ты заставил меня плакать.

— Ты из-за всего плачешь, — поддразнил он.

Я стукнула его по руке, сильнее, чем обычно.

— Я не плачу. Осел.

Он засмеялся.

— Я буду скучать по твоим ударам, когда буду в Гарварде, а ты в Пенне.

— Я тоже, — мы пристально смотрели друг на друга, и я задалась вопросом, всегда ли мы будем лучшими друзьями, как сейчас.

— Поздравляю, мужик, — мой кузен Чарли пожал руку Джексону, а затем улыбнулся мне.

— Кто ж знал, что у Хлои в лучших друзьях будет гений?

— Уверена, что должна принять это как оскорбление, Чарли, — сгримасничала я в ответ.

— Эй, ты же знаешь, что я просто дразню, — застенчиво улыбнулся Чарли и заключил меня в медвежьи объятия. — Ты поступила в Пенн, детка. Это очень хорошо, в какой-то степени ты сама гений. Ты знаешь, что я горжусь тобой.

Я улыбнулась, когда отстранилась от него.

— Так приятно видеть тебя, Чарли. Спасибо, что приехал на мою церемонию вручения диплома. Это для меня много значит.

Чарли — сын тети Бетти и дяди Тома. Ему недавно исполнилось двадцать девять, и он уже примерно год работал юристом в престижной фирме в Чикаго. Перед этим он три года проучился в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе. Но даже при том, что был постоянно занят, он всегда выкраивал время, чтобы прилететь домой, навестить родителей и увидеть меня. Я всегда любила моменты, когда он приезжал. Мало того, что он был забавный и общительный, мне нравилось видеть его дома. Любовь, которую он дарил тете Бетти и дяде Тому, была тем, что я всегда представляла в прекрасной семье. Так что я всегда улыбалась, когда видела, как они общаются между собой, подобно единому целому.

Мы все смеялись и разговаривали в течение нескольких минут о церемонии вручения дипломов и наших планах относительно колледжа. Затем тетя Бетти и дядя Том ушли, чтобы поговорить с некоторыми учителями, а Чарли пошел в уборную. Джексон воспользовался возможностью и потянул меня в сторону, чтобы поговорить.

— Хло, у меня есть кое-что для тебя. Ты сможешь уйти через час?

— Что это?

— Просто то, что, я думаю, тебе понравится, — неопределенно ответил он.

Я с подозрением посмотрела на него.

— Я думала, что мы согласились не обмениваться подарками в честь вручения дипломов? Он ухмыльнулся.

— Кто сказал, что это подарок в честь вручения дипломов?

Я закатила глаза.

— Что это?

— Это сюрприз. Давай встретимся на нашем месте через час?

Я сделала вид, что раздражаюсь.

— Прекрасно. Полагаю, что всегда происходит так, как ты того хочешь, — поддразнила я. Он усмехнулся.

— Иногда, — затем сделал короткую паузу. — Но не все, — он посмотрел на меня так, что сердце у меня в груди забилось быстрей, и я задалась вопросом, почему он производит на меня такой эффект.

Прежде, чем я могла спросить, что он хотел сказать своим комментарием, и пока пыталась взять под контроль свои чувства, кто-то подошел к Джексону и прервал нас.

— Отличная речь, мистер Умник. Можешь подписать мою программку вручения дипломов, и тогда она у меня будет до того, как ты станешь знаменитым, — пошутила Эмбер, когда взволнованно обвела рукой плечо Джексона.

Как только я увидела Эмбер, я почувствовала, как счастливое мгновение исчезло.

— Спасибо, Эмбер, — ответил ей Джексон с улыбкой, намеренно сделав от нее шаг в сторону.

Я увидела вспышку в глазах Эмбер, когда она улыбнулась Джексону, и я знала, что была не единственной, кто заметил движение Джексона. Вынуждая себя сохранить серьезное выражение лица, я почувствовала маленький триумф и интенсивное желание броситься к Джексону и крепко обнять.

Даже при том, что Джексон говорил, как я остро реагирую и с детства держу дистанцию, он знал, как я недолюбливала Эмбер, и поддержал меня. В глубине души я держала злость на Эмбер, но также знала, что иногда смущение и боль, которое испытывал человек в молодости, может оставить след и на самом деле никогда не уйдет. Именно это я чувствовала к Эмбер. Она была девочкой, которая высмеивала сигаретные ожоги, случайно оставленные мамой на моем комбинезоне в мой первый день в школе после того, как я переехала к тете Бетти и дяде Тому. Эмбер тогда была приветлива ко мне и пригласила сесть на ланче с ней и ее друзьями, но потом назвала меня грязнулей и высмеяла мою одежду. Она была той девочкой, которая заставила весь кафетерий надо мной смеяться в тот день. И с того первого дня, как мы встретились, она никогда ко мне хорошо не относилась. Иногда она провоцировала меня, даже когда рядом был Джексон, но я знала, что она провоцирует его. Я думаю, она всегда винила меня в том, что Джексон высмеял ее в тот день в школе, когда пришел мне на помощь после того, как я упала в кафетерии.

— Привет, Хлоя, — Эмбер одарила меня сияющей улыбкой, обнажая прекрасные белые зубы.

Я вовремя выбралась из своих мыслей, чтобы вернуть ей вежливую улыбку.

— Привет, Эмбер.

— Поздравляю с окончанием. Я никогда не думала, что мы все доживем до этого дня, а ты? — спросила она, посмеиваясь. На ее лице была ухмылка, когда она осматривала меня с ног до головы.

Я почувствовала, как начала закипать кровь, потому как мне было известно, что она подразумевала под этими словами. Так как мы были не на высшей ступени социальной лестницы, она думала, что она лучше, чем я, и никогда не стеснялась высказывать свое мнение обо мне в тонкой снисходительной манере.

Я хотела ответить и поставить ее на место, но Джексон остановил меня и заговорил первым:

— Поздравляю с поступлением в Гарвард, Эмбер. Я понятия не имел, что ты собралась туда и что они приняли твоё заявление после первого января, — по его голосу я могла сказать, что он ее дразнит.

— Фактически они не приняли. Я пропустила срок подачи на несколько месяцев. Но это было наименьшим, что мог сделать Гарвард, увидев моего папу, выпускника Гарварда и щедрого спонсора университета, — Эмбер пожала плечами так, словно это не было большим делом.

Именно тогда я улыбнулась. Я сразу поняла, к чему вел своим комментарием Джексон. Это его собственный способ защитить меня от Эмбер, вынуждая Эмбер признать собственные неудачи. Но его попытка не произвела эффекта на Эмбер, когда та невозмутимо призналась, что Гарвард не был номером один в списке ее приоритетов.

Тогда она повернулась ко мне и прищурилась.

— Очень жаль, что ты не сможешь присоединиться к нам в Гарварде, Хлоя. Это было бы так забавно!

Полное отсутствие искренности в ее голосе уже выводило меня из себя. Но прежде, чем я смогла что-либо ответить, Джексон снова остановил меня.

— Эй, Хло. Внизу мои родители. Пойдем, поздороваемся, — он схватил меня за руку и увел от Эмбер. — Увидимся позже, Эмбер, — бросил он через плечо.

— Увидимся в Гарварде, Джексон, — монотонно ответила она позади нас. Даже спиной я могла чувствовать самодовольную ухмылку Эмбер, когда Джексон уводил меня подальше от нее.

— Почему ты продолжаешь меня перебивать, Джексон? — я чувствовала себя раздраженной, потому что мне не выпал шанс выместить гнев на этой сучке.

— Хло, я понял, как ты расстроена и, на самом деле, оно того не стоит.

— Это настоящие чувства, которые вредят мне, — парировала я, не соглашаясь с ним и предполагая, что буду чувствовать себя лучше, если выскажу все это Эмбер. Может быть, если бы она пролила больше желчи, я смогла бы дать ей кулаком по лицу.

— Да ладно тебе, Хло. Это наша церемония окончания школы. Не надо устраивать сцену перед всеми и тратить на нее время. Мы оба собираемся в колледж. Давай возьмем по максимуму от нашего досуга, прежде чем покинем школу.

Я раздраженно вздохнула. Я ненавидела, когда Джексон был прав, особенно когда я ужасно хотела, чтобы он был неправ.

— Кроме того, — продолжил он. — Эмбер безвредна. Я знаю, что она провоцирует тебя. У нее сильный характер. Но, на самом деле, она не так уж плоха. Я думаю, что вы обе еще с самого начала не с того начали. Она не так плоха, как раньше.

Я закатила глаза, раздражаясь тому, что Джексон защищал человека, который был моим заклятым врагом.

— Джекс, как ты можешь говорить такое? Она такая же, если не хуже, чем была в первом классе. Она просто более тонко говорит об этом, а когда ты рядом, она общается совсем иначе. Но она всегда одаривает меня злобным взглядом.

Джексон приобнял меня за плечи и ухмыльнулся.

— Ты уверена, что это не Синдром Стервозного Лица?

Я не смогла не услышать смех в его вопросе.

— Да, я уверена, что это Синдром Стервозного Лица, только если рядом нет Хлои, — ответила я шуткой.

Он засмеялся, даже при том, что моя шутка была неудачной.

— Кажется, народ уже начинает разъезжаться. Пойдем, поздоровавшись с моими родителями, прежде чем отправиться домой.

— Конечно, — я улыбнулась ему, чувствуя себя счастливой, потому что его рука покоялась на моем плече, пока мы шли к родителям.

— Поздравляю, сын, — мистер Пирс похлопал Джексона по спине, и они обменялись восторженным рукопожатием.

— Мы так гордимся тобой, Джексон! — миссис Пирс обняла Джексона и поцеловала. Затем с улыбкой повернулась ко мне. — И тебя, Хлоя, тоже поздравляем! Это замечательное событие, — воскликнула миссис Пирс, когда нежно обняла меня.

— Спасибо, миссис Пирс, — я одарила ее широкой улыбкой. — Очень приятно слышать это от вас.

Миссис Пирс по многу часов работала партнером в юридической фирме, так что я действительно редко ее видела. Я была рада, что она смогла выкроить время, чтобы быть здесь и увидеть, как Джексон получает диплом и произносит речь. Я знала, что Джексон был бы разочарован, если бы ее не было.

— Определенно, Хлоя, ты должна гордиться, — сказал мистер Пирс, положив руку мне на плечо и сжав его. — Пенн должен быть рад, что заполучил тебя.

Я улыбнулась и отступила назад.

— Спасибо, мистер Пирс. Я действительно ценю вашу помощь с заявлением в Пенн, — независимо от того, сколько раз отец Джексона настаивал на том, чтобы я называла его по имени, я всегда чувствовала себя более комфортно, когда называла его мистером Пирсом. Это было тем, что я ощущала более правильным. Поэтому, когда я слышала, что называю его мистером Пирсом, я ждала от него его неизменное исправление «зови меня Джон».

Но, к моему удивлению, он меня не исправил.

— Ким и я всегда рады помочь друзьям Джексона, как только можем, — я наблюдала, как он положил руку на талию своей жены и нежно поцеловал в щеку.

— Спасибо. Это очень мило с вашей стороны, — улыбнулась я вежливо.

— Иногда колледж может быть пугающим, Хлоя. Не забывай, что я преподаватель в Пенн. Поэтому, если тебе будет нужна помощь или совет относительно чего-либо, или тебе просто нужно будет поговорить с кем-нибудь, моя дверь для тебя всегда открыта, хорошо?

— Конечно. Спасибо, мистер Пирс. Очень щедро с вашей стороны, — с благодарностью улыбнулась я. Я не знала, почему, но что-то мне подсказывало, что этим предложением я никогда не воспользуюсь.

Примерно через час я встретилась с Джексоном на «нашем месте» — в парке с небольшим озером, который был недалеко от наших домов.

Подойдя, я застала его сидящим на пышной зеленой траве.

Незаметно и тихо подкравшись к нему сзади, я накрыла его глаза руками.

— Угадай кто?

— Ммм, это тяжело. Кажется, этот голос я вообще не узнаю, — ответил он задумчиво.

Мне не нужно видеть его улыбку, чтобы знать, что он дразнится.

— Задница, — поддразнила я.

— Ладно. Ладно. Ты победила, — он вскинул руки в воздух, признавая поражение после такого давления. — Это Пеппи Длинный Чулок, да? — он схватил меня за руки и убрал их от своих глаз, чтобы встать передо мной.

Когда он увидел, как вытянулось мое лицо, он начал безудержно смеяться.

— Да! — кричал он возбужденно. — Я оказался прав!

— Ха-ха-ха. Очень смешно, — закатила глаза. — Я не выгляжу как Пеппи Длинный Чулок.

— Действительно? — казалось, что он не был уверен в этом, оглядывая меня с головы до ног. — Хм-м. Хорошо, может ты и права. Ты немного милее, чем Пеппи, — он сделал паузу. — Плюс, в данный момент твои волосы не заплетены в косичку.

Я посмеялась над его комментарием, но почувствовала, как мое сердце пропустило удар, когда он сказал, что я милее.

— Итак, зачем ты попросил меня встретиться с тобой здесь? — спросила я, меняя тему.

— Ладно, давай пройдем по парку. Сегодня здесь прекрасно. Я, правда, буду скучать по нашим встречам здесь.

Когда он встал, то согнул руку в локте, предлагая мне за нее ухватиться. Я улыбнулась и обвила его руку своей, и он повел нас по траве к тропинке, ведущей к озеру.

Я осмотрела парк, втянула в себя воздух через нос и закрыла глаза.

— Ты прав, Джекс. Я тоже буду скучать по этому месту.

— И я.

Казалось, что настроение между нами становилось тосклившим, когда мы в привычной для нас обстановке, в тишине, гуляли рука об руку.

— Ты знаешь, по кому я действительно буду скучать? — спросил Джексон, нарушая тишину. По тону его голоса я могла сказать, что он хотел приукрасить момент.

— По кому? — я выжидающе посмотрела на него.

Он усмехнулся.

— На самом деле, я буду скучать по тете Бетти.

— Оу, — я нахмурилась, потому что не ожидала, что он это скажет. — По кому еще ты будешь скучать? — спросила я с улыбкой, ожидая ответ, который надеялась услышать.

Я посмотрела на его задумчивое лицо.

— Хм-м. Вообще-то, больше никого не могу придумать.

— Придурок, — я уставилась на него и свободной рукой стукнула его по груди.

— Что? — он сделал невинное выражение лица. — Это правда. Я чувствую, что испорчен ее блудами. Я, правда, буду по ней скучать, — он сделал паузу, делая преувеличенный вздох. — Ты знаешь? Она — главная причина, по которой мы дружим, — он подавил смешок, когда отвел взгляд. Могу сказать, что он говорил полуслухом.

Я фыркнула и попыталась ответить серьезным тоном:

— Ну, должно быть, это конец, потому у меня нет причин дружить с тобой.

— Ауч! — Джексон положил руку на грудь, будто страдал от физической боли. Но через несколько секунд он взорвался от смеха, отчего я потеряла самообладание и присоединилась к нему в безудержном припадке веселья.

Спустя несколько минут, мы, наконец, успокоились. Тогда я поняла, что хочу кое-что попробовать. Я повернулась к Джексону, не говоря ни слова. Я могла сказать, что он смущен моими действиями, но он молчал. В наступившей тишине я пристально смотрела ему в глаза. Внезапно, по непонятным причинам, я почувствовала, как мою кожу начало покалывать от нервного возбуждения, это было не то, чего я ожидала или планировала.

Он изучал меня, потом его губы растянулись в ребяческой улыбке.

— Что? — он посмотрел сначала налево, потом направо, прежде чем снова обратить свой взгляд на меня. Думаю, он немного нервничал.

— Ничего, — прошептала я, одаривая его скромной улыбкой. Я сдерживала смех. Он выглядел так мило, смущаясь и чувствуя себя неловко.

— Хорошо... — он сделал паузу и нахмурился. — Тогда почему ты на меня так смотришь?

В конце концов, я не могла больше сдерживаться и начала смеяться.

— Ты знаешь, насколько восхитителен, когда нервничаешь?

Он прищурился.

— Ты — задница, ты знаешь это? — подразнил он. — Пеппи Длинный Чулок.

— Эй! — я игриво ударила его в грудь. — Ты знаешь, что мне не нравится, когда ты меня так называешь. Будь паниккой!

Джексон засмеялся.

— Только если и ты ею будешь.

Я закатила глаза.

— Ладно. Ладно. Ладно. Ты такой чувствительный, — саркастично ответила я.

— Итак, почему ты смотрела на меня, не моргая.

Я хихикнула.

— Хорошо, я скажу тебе. Что ж, этим утром я прочитала одну научную статью....

— Ботаник, — перебил он меня, ухмыляясь, прежде чем я смогла закончить.

— Сам дурак, — ответила я. — Ненавистник.

— Я просто говорю правду, — его мальчишеская улыбка вернулась. — Ты — ботаник. Я игриво его толкнула.

— К твоему сведению, ты не становишься автоматически ботаником, если читаешь, — Джексон любил дразнить меня из-за того, как я люблю читать.

— Все ботаники так говорят, чтобы убедить окружающих, что они не ботаники, — смеялся он.

— Ты раздражаешь, — я начала дуться, чувствуя волнение из-за его постоянных насмешек.

Словно ощущив мое нетерпение, выражение его лица смягчилось.

— Да ладно, не делай так. Ты же знаешь, что я просто дразню.

Я скрестила руки на груди.

— Ну, иногда ты заходишь слишком далеко, и это начинает раздражать.

— Ты права. Иногда меня уносит, и я начинаю еще больше дразнить и не знаю, когда остановиться, — он невинно пожал плечами. — Прости.

На Джексона было сложно долго сердиться. Я знала, что у него доброе сердце, и он никогда не хотел, чтобы я чувствовала себя опустошенной.

— Все нормально.

— Так что было в научной статье?

— О, точно, — на мгновение, я забыла о статье. — Ну, в статье было сказано, что люди, которые друг друга любят, могут синхронизировать свой сердечный ритм, глядя друг другу в глаза. Я думала, что это довольно здорово, и хотела проверить, — когда я услышала свое объяснение, я поняла, как глупо это, должно быть, прозвучало.

— О, — Джексон выглядел озадаченным, когда услышал мое пояснение. У него было нечитаемое выражение лица, и я тут же почувствовала панику, по позвоночнику побежали мурашки.

— Да, — торопливо добавила я. — Поэтому я хотела проверить, работает ли это на людях, которые не любят друг друга, — я не была уверена, почему выболтала свой последний комментарий, но, так или иначе, я себе не помогла.

— Точно, — это было все, что он сказал мне в ответ, прежде чем мы снова замолчали, продолжая прогулку.

Когда я снова заблудилась в собственных мыслях, я была поражена сильным наплывом ностальгии.

— Джекс? — мой голос походил на шепот.

Он повернул голову, чтобы посмотреть на меня.

— Да?

— Пообещай, что мы будем поддерживать отношения, — я повернулась, чтобы встретить его пристальный взгляд.

— Не глупи, Хло. Конечно, мы будем поддерживать отношения.

— Просто пообещай мне, — настаивала я.

Он улыбнулся.

— Хорошо. Я обещаю тебе, что мало того, что мы будем поддерживать наше общение, но мы и останемся лучшими друзьями. Не волнуйся, Хло. Почему ты подумала, что мы не будем поддерживать связь? — я слышала намек на беспокойство в его голосе.

Я отвела взгляд, притворяясь, что пылинка попала мне в глаз, когда вытирала выступившие слезы. Мне потребовалось несколько минут, чтобы совладать с собой, дабы совсем не расклейтесь перед ним.

— Просто самые важные в моей жизни люди, как и те, кто должны быть таковыми, бросают меня и больше не возвращаются, — я думала о своих родителях.

— Перестань, Хло. Ты знаешь, что я не брошу тебя.

— Да, — я снова отвела взгляд, пытаясь перебороть эмоции. Я знала, что вела себя драматично, глупо, и, возможно, болезненно, но это было похоже на конец дружбы между мной и Джексоном. Я волновалась, что хоть фактически мы еще не уехали, все изменится, мы изменимся, и от нашей дружбы останутся одни воспоминания, неосызаемые части нас, тень из прошлого, и мы будем в состоянии лишь вспоминать об этом, но никогда не вернемся назад.

— Не думай так, Хло, — Джексон сжал мою руку, останавливаясь. Он улыбнулся мне, когда наши взгляды встретились.

— Почему мы здесь остановились? — спросила я, когда оглянулась. Мы шли по одному из мостов, которые проходили над узкой частью озера.

Вместо того чтобы ответить мне, он усмехнулся и ответил вопросом на мой вопрос.

— Ты помнишь день, когда ты была добра по отношению ко мне?

— Ты имеешь в виду тот день, когда ты был добр по отношению *ко мне*? — исправила я его, зная, что он вернулся к моему первому дню в школе во время учебы во втором классе.

— Давай сойдемся на этом, — засмеялся он. — Ну, это был первый день, когда ты взяла меня за руку, а я помог тебе подняться с пола в кафетерии.

— И? — я не была уверена, к чему он ведет своим вопросом.

— Ну, то, что ты взяла меня за руку, означало, что ты мне доверяла, и уже тогда я знал, что мы станем лучшими друзьями.

Я выгнула бровь, глядя на него с сомнением.

— Ты узнал это, просто взяв меня за руку?

— Ну, когда ты взяла меня за руку, я понял, что ты мне доверяешь, — он сделал паузу и заглянул в глаза. — Я знаю, что ты волнуешься о будущем, Хло. Я тоже. Поэтому я прошу тебя закрыть глаза и снова взять меня за руку.

Я с подозрением смотрела на него, неуверенная в его планах.

— Давай, Хло. Покажи, что ты доверяешь мне. Закрой глаза и возьми меня за руку.

— Хорошо, Джекс. Но все это довольно смешно. Не вздумай выбросить меня в озеро, — предупредила я его прежде, чем закрыла глаза.

Он ухмыльнулся.

— Это не то, о чём я думал... но спасибо за идею, — игривый тон расслабил меня, когда я закрыла глаза и вытянула руки перед собой.

Я почувствовала, как его теплые руки коснулись моих, и мощный разряд электричества прошел по моему телу. Прежде, чем я смогла разобраться с тем, что это было, Джексон перевернул мои руки и сложил их ладонями вверх так, чтобы они образовали форму чаши. Через несколько мгновений я почувствовала, что он положил мне в руки что-то прохладное и металлическое.

— Это мой сюрприз для тебя, — от звука его низкого приглушенного голоса я почувствовала, как близко ко мне он находился.

— Это то, что ты мне даришь? — спросила я в замешательстве. *Похоже на замок — возможно, замок, но почему он дарит мне замок?*

— Открой глаза.

Я открыла глаза, и увидела, что он смотрит на меня с блеском в глазах и нетерпеливым волнением. Я заставила себя оторвать свой взгляд от его теплых изумрудных глаз и посмотрела на предмет в своих ладонях. К моему удивлению, я оказалась права. Это был замок.

Он не был похож на замок, который я использовала на своем шкафчике в школе. Этот замок был покрашен красным цветом и был в форме сердца.

— Что это? — я с надеждой посмотрела на Джексона.

Он радостно засиял.

— Это замок любви.

— Замок любви? — в животе у меня свело, когда я это услышала.

— Помнишь договор, которые мы заключили, когда нам было тринадцать?

Мои глаза округлились. Я была слишком шокирована, чтобы ответить, поэтому просто кивнула.

Конечно, я помню ночь, когда мы заключили договор. Я ее так отчетливо помню, будто это произошло вчера. Помню сияние мягких, красочных огней, которые освещали мою спальню, повторяя Северное сияние, которое создал Джексон. Я помню слова, которые он говорил мне, обещание, которое дал, и незабываемый поцелуй. Но, по некоторым причинам, после той ночи мы никогда не говорили о договоре или о том поцелуе. Через некоторое время я убедила себя, что Джексон забыл о договоре и поцелуе, или, что еще хуже, сожалел и хотел, чтобы я забыла об этом.

Поэтому, услышав, как он поднял тему договора, который мы приняли той ночью пять лет назад, я испытала шок.

— Ну, — продолжил он. — Я знаю, что ты нервничаешь из-за того, что мы будем учиться в разных колледжах, и что это как-то затронет нашу дружбу. Знаю, что ты боишься остаться одна. Я просто хочу сказать, что чувствую то же самое. Именно поэтому я придумал это для тебя — для нас. Я хотел напомнить тебе о нашем уговоре и моем обещании тебе. Даже при том, что мы не говорили об этом после того, как пять лет назад договорились, я имел в виду каждое слово, которое произнес. Если к тому времени мы будем одиноки, то я обещаю жениться на тебе.

На моих глазах появились слезы, когда я изучала его глаза.

— О, Джекс. Я тоже имела это в виду, — прошептала я. — Ты мой лучший друг, и я не могу еще больше быть счастливой, чем когда ты рядом.

— Я чувствую то же самое. Недавно я услышал про эту традицию с замками любви, где два человека цепляют замок на мосту, а затем выбрасывают ключ. Предполагается, что это символизирует необъятную любовь, — он приблизился ко мне, оставив между нами расстояние в несколько сантиметров. — Я сделал этот замок для нас, потому что хотел сказать, что всегда буду рядом, и ты никогда не должна волноваться о том, что останешься одна.

Он взял этот красивый замок в форме сердца из моих рук и перевернул его.

— Я подписал его для нас. Смотри.

Полностью потрясенная его трогательным жестом, я молча посмотрела на замок и увидела надпись, сделанную на обратной стороне:

*Джекс и Хло
Июнь 2003
Нерушимая дружба и любовь
Обещание жениться в 2014 году*

— Джекс, это самая милая вещь, которую кто-либо делал для меня, — слезы ослепляли меня, когда я бросилась в его объятия, спрятав лицо в изгибе его шеи и вдыхая его аромат.

— Хло, — прошептал он мне на ухо. — Я так рад, что тебе понравилось.

Я отстранилась, чтобы посмотреть на него, и улыбнулась.

— Нравится? Джекс, я люблю его. Я волновалась по поводу того, как все изменится в нашей дружбе, когда начнется колледж. Но ты сделал то, в чем я нуждалась.

Он радостно засиял.

— Так это значит, что ты все еще согласна на наш уговор? — он с надеждой посмотрел на меня.

Я хихикнула, удивляясь тому, как он мог подумать, что я могу сказать «нет».

— Конечно, глупый, — я посмотрела на замок любви. — То есть, это то, что мы, предполагается, сделаем?

Он взял замок и мы подошли к краю моста. Затем взял меня за руку и посмотрел мне в глаза.

— Хло, ты была моим лучшим другом на протяжении прошедших одиннадцати лет, и я знаю, что будешь им всю оставшуюся жизнь. Я не знаю, куда приведет нас жизнь, но знаю, что мы всегда будем рядом друг с другом. Мы заключили договор, что если в тридцать оба будем

свободны, мы поженимся. Сегодня мы запечатлеем это соглашение замком любви, который будет символизировать нашу нерушимую дружбу, любовь и обещание жениться.

Он вручил мне замок любви.

— Не окажешь мне честь?

Я кивнула, взяла замок и приготовилась закрепить его на мосту.

— Обещаешь? — я изучала его бездонные изумрудные глаза, те самые глаза, которые заставляли меня чувствовать себя как дома.

— Обещаю, — он улыбнулся мне и положил свою руку поверх моей, когда мы оба закрешили замок на мосту.

Я вытащила ключ из замка. Мы посмотрели на крошечный ключик, потом друг на друга и улыбнулись. Он кивнул мне, прежде чем я выбросила ключ, и тот беззвучно исчез в озере.

— Похоже, что ты застряешь со мной, если через двенадцать лет мы оба будем одиноки, — пошутила я.

Вместо того чтобы засмеяться, он удивил меня, потянув меня к себе за руку и прошептав на ухо:

— Ты мой лучший друг, Хло. Ты никогда не должна волноваться о том, что останешься одна. Я всегда буду здесь для тебя, когда буду нужен.

Он немного отступил назад, оставляя между нами небольшое расстояние, но так, чтобы мы могли смотреть друг другу в глаза. Рукой он мягко отвел прядь моих волос за ухо, и я почувствовала, как от его прикосновения кожу приятно закололо. Он нежно поцеловал меня в лоб, и мое тело задрожало от переполнявших эмоций. Поскольку его лицо все еще было напротив моего, я подумала, что он собирается поцеловать меня.

Но он не сделал этого.

Я знала, что должна чувствовать облегчение, что он не поцеловал меня, мы же просто друзья, не думаю, что нравлюсь ему в этом смысле, но я не могла сдержать чувство разочарования, когда он так и не сделал этого.

Поскольку он притянул меня к себе, и я оказалась в его объятиях, чувство разочарования сменилось счастьем, которое наполнило меня теплом, подобно теплому пледу в холодный день. Несмотря на все произошедшее в моей жизни, я чувствовала себя полной надежд. Я знала, что, несмотря на то, что уготовило нам наше будущее, Джексон всегда будет рядом.

— До твоего тридцатого дня рождения, — сказал он игриво, наконец, отстраняясь от меня.

— И твоего тоже, — добавила я.

— Ну, не совсем, — он сделал паузу и усмехнулся. Это была все та же ребяческая усмешка, как в первый день, которую я знаю уже одиннадцать лет, та самая, от которой мое сердце всегда трепетало.

— Что ты имеешь в виду? — я нахмурилась, слишком хорошо зная, какой он хитрец.

— Ну, смотри, я на восемь месяцев старше тебя, следовательно, наше соглашение не начнется, пока мне не исполнится тридцать, — он самодовольно ухмыльнулся. — Поэтому, я поддерживаю твоё тридцатилетие.

Я засмеялась и мягко хлопнула его ладонью по груди.

Когда мы медленно шли обратно по той же дороге, и я следовала за ним вдоль озера, теплое темно-красное солнце начало исчезать за горизонтом. Но вместо того, чтобы чувствовать прохладный воздух на коже, по моему телу, казалось, распространилось безумное тепло счастья, и я чувствовала себя более живой и счастливой, чем когда-либо.

Глава 7

*Сентябрь, 2003
Восемнадцать лет*

Джексон

— Ты не мог ей этого сказать! — истерически хохотала она на другом конце провода.

— Я просто сказал как есть, — усмехнулся я, когда растянулся на своей кровати. Было приятно слышать смех Хлои.

— Так, у вас, ребята, не было секса, да? — в ее вопросе было колебание, что я нашел тревожным.

— Черт, нет! — я скривился от отвращения, а затем почувствовал волну разочарования, когда понял, что Хлоя не могла увидеть мою реакцию.

— Но я думала, что все парни у тебя в общаге считают Меган доступной?

— Она, возможно, и сексуальная, ты же видела ее. Она довольно дикая и любит внимание. Я уверен, что в течение последних четырех недель с начала занятий она переспала с половиной всех парней с моего этажа и, возможно, с парнями с других этажей общаги.

Хлоя встретилась с Меган — девушкой с моего курса, которая жила со мной в общежитии на одном этаже — когда приезжала навестить меня четыре недели назад. Ее занятия начинались неделей раньше моих, и в свои первые выходные, она села на поезд и приехала ко мне в Гарвард на неделю заселения, прежде чем наши занятия официально начались. Во время ее визита мы столкнулись с Меган на одной из скандально известных «Добро пожаловать» вечеринок. Она подошла к нам поздороваться и сказала, что видела меня утром в нашей общаге. Я довольно быстро понял, что Меган ей не понравилась. Мне показалось, что Хлоя просто приревновала и увидела в ней угрозу, хоть и не признавала это. Конечно, причины для ревности не было, ведь Меган не могла соревноваться с ней, так как ничего для меня не значила. Но, тем не менее, было приятно увидеть Хлою, желавшую меня сильнее, когда другая девушка проявляла ко мне интерес. По этой причине, пусть даже Меган меня и не заботила совершенно, я любил упоминать при Хлое таких девочек. И наслаждался ее реакцией.

— Но что, если ты задел ее чувства, когда отверг ее? — в голосе Хлои я мог слышать смесь любопытства и веселья.

— Ну, думаю, она это заслужила, — ответил я откровенно. — Если она прямо спросит меня, хочу ли я затащить ее в свою комнату на ночь, я скажу, что хочу, но не смогу забыть, как парни в подробностях рассказывали о ночи с ней.

— Джекс, ты иногда можешь быть таким придурком!

Я улыбнулся.

— Туше. Я никогда не отрицал этого.

— Ну, так ты встречал других девушек в Гарварде? — спросила она. Интерес и любопытство в ее голосе заставили меня улыбнуться.

— Не-а. Я на самом деле не заинтересован ни в одной девчонке.

— Правда? Так тебя интересуют парни? — поддразнила она.

Я рассмеялся. Знал, что на самом деле она так не думает.

— Черт, нет! Я предпочитаю девушек.

Она захихикала.

— Как ты можешь это утверждать, если ни в ком не заинтересован?

— Я никогда не говорил, что ни в ком не заинтересован, — поправил я. — Я просто не заинтересован ни в одной девчонке из Гарварда, — я улыбнулся, когда закрыл глаза и представил образ Хлои.

— Тогда кто тебя заинтересовал? — спросила она.

— Я сохраню свой секрет, — поддразнил я. — Но все, что ты должна знать, это то, что ты ее знаешь и она невероятная.

Я слышал ее смех, она знала, что я говорю о ней. Но я задался вопросом, не думала ли она, что я просто шутил над ней. С тех пор, как мы замкнули на мосту наш замок, мы постоянно дразнили друг друга, и наша главная шутка состояла в том, кто из нас первым нарушит это обещание, будет с кем-то встречаться и вступит в брак, а кто сдержит обещание.

Словно прочитав мои мысли, она поддразнила:

— Не говори мне, что ты дразнишь меня так, потому что можешь сдержать обещание?

— Не-а, — ответил я небрежно. Даже при том, что я смеялся, я чувствовал себя смущенным ее вопросом. Я знал, мы все время друг друга этим дразним. Но это стало постоянным напоминанием о том, что она действительно не знает о моих чувствах к ней.

— Это хорошо, — сказала она слишком быстро. — Я не хочу, чтобы ты чувствовал себя обязанным держать обещание и говорить мне, что никем не заинтересован, — ее тон был игристым и дразнящим.

— Ты это говоришь из-за договора?

— Да.

Пытаясь подделать ее игристый тон, я тоже поддразнил:

— Нет. Единственная причина, почему я заключил с тобой договор, это потому, что я хочу использовать свое тридцатилетие в качестве знака моей приближающейся старости. Это будет сигналом, что у меня есть еще восемь месяцев, чтобы найти жену, прежде чем я застряну с тобой на всю оставшуюся жизнь, — я выдавил из себя смешок.

— Что ты имеешь в виду? — пожаловалась она.

На долю секунды я задался вопросом, не было ли это тем, что она хотела услышать.

— О, ты знаешь, что я не это имею в виду, — поспешил добавил я. — Ты знаешь, что я был бы рад прожить жизнь с кем-то таким же классным как ты.

Она засмеялась.

— Ты такой подлиз! Я не верю ни единому слову, вылетающему из твоего рта.

Я засмеялся вместе с ней, но внутри хотел, чтобы она не думала так. Я желал, чтобы она знала правду.

Еще несколько месяцев назад, когда мы запечаттели наш заключенный еще в детстве договор замком любви, я хотел сказать Хлое, что хочу быть больше, чем просто другом. Но в последнюю минуту я струсил, потому как начал задаваться вопросом, было ли это время подходящим. Я знал, что жить на расстоянии шести часов друг от друга будет трудным этапом для нас как для лучших друзей. Я не был уверен, что отношения возможны во время такого нестабильного периода в нашей жизни. Если даже они и будут ей интересны, нам было бы сложно справиться с этим. Плюс, я не был полностью уверен, что она чувствует ко мне — любит ли она меня так же, как я люблю ее, или же просто относится как к лучшему другу. Итак, я знал, что говорить ей о том, что я реально чувствую и чего хочу на самом деле, значило бы пойти на риск, и на это у меня имелась только одна попытка. Ведь как только я признаюсь ей в своих чувствах, я не смогу забрать свои слова обратно, и, если она не чувствует того же, это изменит нашу дружбу навсегда.

— Так или иначе, шутки в сторону, ты в порядке, Джекс? — голос Хлои стал более серьезным.

Я знал, о чем она хотела поговорить, и на самом деле не хотел этого.

— Да. Все хорошо.

Она сделала паузу.

— Ну, ты знаешь, что если тебе надо поговорить, то я здесь для тебя.

— На самом деле, не о чем говорить, Хло. Классы отличные. Колледж большой. Ты знаешь, что я был занят, преодолевая множество препятствий, чтобы попасть в братство. Мне нравится один из корпусов, и я надеюсь получить от них предложение. Что может быть лучше.

На другом конце линии последовала пауза.

— Джекс... Твои родители просто сказали тебе, что они разводятся через месяц. Я знаю, что у тебя проблемы с отцом, но также мне известно, что ты не хочешь, чтобы брак твоих

родителей развалился. Знаю, тебе очень больно, и ты не хочешь в этом признаваться, думая, что это проявление слабости, но это не так, Джекс. Это...

— Стоп! — мой голос прозвучал громче, чем я планировал. — Я действительно не хочу говорить об этом.

— Хорошо, Джекс... я здесь, если понадоблюсь.

Я чувствовал себя раздраженным, и я знал, что, вероятно, она все еще думала об этом. Вероятно, она хотела бы, чтобы я был одним из тех парней, которые более открыты в чувствах и говорят о боли и печали, которые испытывают. Но я никогда не был таким парнем. Не хотел признаваться ей, что огорожен разводом родителей. Мне было известно, что между ними не все гладко, но я никогда не думал, что они разведутся. Никогда не думал, что они разлюбят друг друга. Они сообщили эту новость за несколько недель до моего отъезда в Гарвард. Мой отец уже нашел себе жилье в городе, поближе к университету. Через неделю он съехал. Я знал, что Хлоя беспокоилась обо мне. Она много раз звонила мне, чтобы проверить, все ли у меня в порядке. Пыталась заставить меня поговорить об этом. Она даже приехала ко мне после первой недели учебы. Она пыталась вести себя так, словно это было ее намерение — посетить меня и провести выходные вместе, но я знал, что она хотела посмотреть местные клубы и то, что происходит в кампусе. Она даже пропустила регистрацию в клубе и информационную встречу, которая проходила в те выходные, чтобы приехать ко мне. Я знаю, что она делала все это, потому что заботится обо мне. Но я просто не хочу говорить об этом. Развод еще слишком свеж в моей памяти. Это было тем, с чем я ничего не мог поделать. Разговор об этом ничего не изменит. Он только напомнит мне о том, что *это* уже произошло, а я не хотел думать об *этом*.

— Спасибо, Хло. Ты не должна волноваться. Что есть, то есть. Я покончил с этим.

— Ты уверен?

— Да, — категорично сказал я, раздраженный ее упорством. — О, угадай, что? — именно тогда я понял, что мог бы сказать, дабы отвлечь ее от разговора о моих родителях.

— Что?

— Эмбер передает привет.

— Эмбер? — я мог сказать, что она стала более внимательной при упоминании ее имени.

— Да. Оказывается, мы вместе посещаем английскую литературу.

— О, почему ты раньше не упоминал об этом? — в ее голосе зазвучали обвинительные нотки, которые мне не понравились, и я немедленно ощетинился.

— Ее имя никогда не всплыпало в разговоре, и я забыл. И, кстати, какое тебе до нее дело?

— я скривился, когда услышал собственный вопрос.

— Никакого, — быстро ответила она. — Я просто думаю, что она сука.

Я выдохнул.

— Прости, Хло. Я знаю. Получилось некрасиво. Знаю, что она тебе не нравится, но, думаю, что она повзрослела со временем средней школы.

— Да, может быть, — ответила она без энтузиазма.

Затем я зевнул. Посмотрел на часы на стене и понял, что уже почти утро. Мы проговорили по телефону больше двух часов.

— Эй, я собираюсь спать, Хло, — я снова зевнул.

— У меня занятия в восемь.

— Да, у меня тоже, — я подавил зевок.

— Я очень устала.

— Позвоню тебе позже на этой неделе? — предложил я.

— Да. Конечно. О, и не забудь подумать о ноябре.

Я улыбнулся.

— Хло, я уже сказал тебе. Не о чем думать. Сделка заключена.

— Джекс, просто проверь дважды свои занятия. Я знаю, что предстоит много экзаменов, и документы должны быть сданы в ноябре. Не хочу, чтобы твои оценки упали, если ты навестишь меня.

Я покачал головой и засмеялся.

— Хло, не будь смешной. Конечно же, я навещу тебя на выходных. Это твой день рождения. Мы никогда не отмечали дни рождения врозь с тех пор, как познакомились. Я ни за что его не пропущу.

— Хорошо, — я услышал волнение в ее голосе. — Обещаешь?

— Да, — засмеялся я. — Обещаю.

Глава 8

Ноябрь, 2003
Восемнадцать лет

Хлоя

Первый семестр в Пенн был тяжелым для меня — гораздо тяжелей, чем я думала.

В общежитии у меня появилось несколько друзей, но ни с одним из них я не сблизилась. На первом году обучения в Пенн классы были настолько большими, вмешая в себя более чем двести студентов, что подружиться с кем-либо было просто невозможно. Я пыталась завести разговор с несколькими девушками, которых встречала в классе, они все улыбались и вежливо отвечали, но никто из них не прилагал усилий продолжить разговор, прежде чем покинуть лекционный зал. В общежитии многие первокурсники с моего этажа собирались по какой-то греческой системе — если они хотели присоединиться к братству/сестринству — или через общественные клубы, членами которых они становились в первые недели учебы. Было несколько клубов, в которые я хотела вступить, но, в конечном итоге, я пропустила запланированные информационные встречи и регистрацию, потому как вместо этого ездила навестить Джексона. Две недели спустя я попробовала пойти на одно из повторных собраний клуба, но было похоже, что после первой вводной встречи люди подружились друг с другом и уже пару раз тусовались вместе. Я покинула встречу, чувствуя себя посторонней. Это возвращало мне ощущение ненадежности и одиночества, в котором я пребывала в течение всего первого дня учебы в школе, когда только переехала к тете Бетти и дяде Тому. Это не было тем, что я желала бы чувствовать, поэтому я не переставала проверять другие клубы, которые могли меня заинтересовать.

Спустя какое-то время я почувствовала, что становится все труднее и труднее подружиться с людьми, поскольку они уже начали формировать свои социальные группы и устанавливать порядок, тем самым неохотно заводя новых друзей и уделяя им внимание.

Что сделало первые несколько месяцев обучения в колледже хуже, так это отсутствие Джексона. Я действительно скучала по нему. Он начал посещать братство каждую неделю, и мы общались все реже и реже, а если и общались, то это было либо короткое сообщение или электронное письмо, либо, совсем редко, звонок. Несколько раз я едва ли успевала сказать ему пару слов, прежде чем он сообщал, что должен идти. Но я не винила его за то, что он был занят. Колледж, как предполагалось, был требовательным и довольно забавным. Даже при том, что мой семестр был не совсем таким, как я его представляла, было несправедливо винить в этом Джексона или ожидать, что он не будет наслаждаться собственной жизнью в колледже. Я помалкивала о том, что не завела друзей, и не была уверена, что смогла бы, даже если бы он был рядом. Я не хотела, чтобы он чувствовал себя плохо или винил в том, что, в отличие от меня, прекрасно проводит время.

Поэтому недели тянулись, а я слышала Джексона все реже и реже, и чувствовала себя еще более одинокой и изолированной. Но даже при том, что я ненавидела это ощущение и понимала, что мне необходимо выйти и приложить больше усилий для знакомства с новыми людьми, не могу сказать, что избегала отягощающего чувства одиночества и отчаяния. Единственное, чего я с нетерпением ждала, — свет в конце тоннеля — мой девятнадцатый день рождения, который наступит через две недели. Я была взволнована этим событием с тех пор, как начала планировать его несколько недель назад. Джексон приедет на поезде, а тетя Бетти и дядя Том приедут в течение дня. Даже Чарли взял выходные перед Днем Благодарения, поэтому он попадает на мой день рождения. Я уже распланировала весь день. Мы собирались провести день в «Цветах осени» и посетить фестиваль хризантем в садах Локвуда, прежде чем отправиться на ужин в «Ветри» — потрясающий итальянский ресторанчик, принадлежащий подающему надежды повару Марку Ветри. Я была взволнована тем, что увижу всех, а особенно Джексона, и проведу весь день с теми, кого люблю и о ком забочусь. Я знала, что их

присутствие сделает все ярче. Мой день рождения — как раз то, что поможет вылезти из хандры.

21 ноября, 2003 Девятнадцать лет

Сегодня мой девятнадцатый день рождения и, оказалось, что это самый худший день рождения.

В это утро я проснулась с опухшими красными глазами и мигренью. Я проплакала всю ночь. К счастью, соседка по комнате уехала раньше, чем начались каникулы в честь Дня Благодарения, и не видела моего полного психического расстройства. Я плакала потому, что прошлой ночью мне позвонил Джексон.

Я завизжала от радости, увидев его имя на экране телефона, оповещающего о входящем вызове вибрацией. Прошло почти две недели с тех пор, как мы в последний раз говорили по телефону. Мы были загружены и сконцентрированы на экзаменах и рефератах, а он, к тому же, был занят в братстве.

Я взяла телефон, чтобы ответить, и широкая улыбка озарила мое лицо от осознания, что сейчас я услышу его голос.

Но как только я ответила, то поняла, что что-то здесь не так.

— Хэй, Хло, — его голос был низким, словно он шептал и не хотел, чтобы его кто-нибудь услышал. Даже сквозь его приглушенный голос я поняла, что он не был счастлив.

— Хэй, Джекс, — с опаской поздоровалась я. Волнение, которое я чувствовала в голосе несколько секунд назад, испарилось. — Как ты? Мы не общались долгое время.

— Я в порядке. Ты как?

— Я в порядке, — я старалась казаться веселой, готовясь услышать то, что он собирается сказать. — Я на самом деле по тебе скучаю. И так взволнована тем, что увижу тебя завтра.

Как только я сказала это, дурное предчувствие скрутило мой живот. Это не насчет завтрашнего дня, так? Я хотела выпалить: «Ты же приедешь завтра, верно?», но прикусила язык, боясь задать этот вопрос вслух.

— Хло... пожалуйста, не надо ненавидеть меня...

Дурное предчувствие распространялось по моему телу.

— В чем дело? — наконец удалось выдавить мне.

— Я... я действительно ненавижу себя за то, что делаю с тобой, но... я не могу приехать к тебе завтра на день рождения.

Его слова словно холодный кинжал по сердцу.

— Почему нет? — потребовала я, пытаясь сохранить голос спокойным.

— У меня действительно нет времени объяснять это сейчас. Мне жаль! Я в самом разгаре клятвы первокурсника. Я выбрался, чтобы быстренько тебе позвонить и сообщить это. Мне действительно жаль, Хло. Я обещаю, что приеду к тебе! Ты знаешь, что я был бы там, если бы мог, — затем я услышала голос парня, который позвал его. — Черт! Мне нужно идти, Хло. Пожалуйста, прости меня. Я позвоню тебе утром и все объясню, хорошо?

Прежде, чем я успела ответить, в трубке повисла тишина, и он завершил вызов.

Я вылезла из кровати еще более уставшей, чем была накануне вечером, когда ложилась спать. Посмотрев из окна своей комнаты, я увидела, что пошел снег, а безлиное серое небо заполнено снежными вихрями, сплетающимися с ветром. Это первый снег, и я не могла не улыбнуться тому, как выглядел красивый и мирный город под белым ковром снега. Это был один из моих любимых моментов в начале зимы. Именно тогда я услышала звук, уведомляющий о новом текстовом сообщении. Чувствуя себя немного лучше, чем в момент пробуждения, я потянулась за телефоном. Сообщение было от Джексона и мое настроение

сразу улучшилось, когда я увидела его имя. Ночной разговор вторгся в сознание, вновь разочаровывая меня. *Разве он не сказал, что позовонит мне утром?* Испытывая страх, я открыла текстовое сообщение.

С днем рождения, Хло!!! Надеюсь, что у тебя будет незабываемый день! Мне очень жаль, что я не с тобой! Я хотел позовонить тебе, но братья из братства приехали без предупреждения и просто забрали мой телефон. Позовоню тебе, как только смогу, но не раньше воскресного вечера. Мне очень жаль! Люблю, Джекс.

— Ты, блядь, издеваешься надо мной, — произнесла я вслух, в недоверии уставившись на свой телефон. В гневе, я набрала его номер и стала ждать. Меня перебросило на голосовую почту. Я рухнула на кровать еще более расстроенная, чем раньше. *Как Джексон мог так со мной поступить? Все наши дни рождения мы проводили вместе, и он обещал, что приедет. Как он мог отменить все в последнюю минуту перед моим днем рождения ради братства? Как он мог проигнорировать мое отношение к этому?* Во мне кипели эмоции, и я не была уверена в том, что на самом деле чувствую. Гнев? Разочарование? Печаль? Одиночество? Негодование? Предательство? Отказ? Возможно ли испытывать все эти чувства одновременно?

Я вновь залезла под одеяло, испытывая желание не просыпаться этим утром. Как мог день, который я ждала в течение многих недель, принести мне столько разочарования? Должно быть, в какой-то момент жалости к себе я уснула, но следующее, что я услышала — это звук телефона, разбудивший меня.

После нескольких секунд выпутывания из-под одеяла, я схватила телефон и ответила на звонок.

— Привет, Чарли, — я была удивлена, насколько ужасно звучит мой голос.

— С днем рождения, малышка!

— С днем рождения, Хлои! — услышала я восклицания тети Бетти и дяди Тома на заднем плане.

— Спасибо, ребята, — я старалась казаться веселой.

— Мы тебя разбудили? Ты кажешься сонной.

— Да, но все в порядке. Я, должно быть, задремала, но уже пора вставать, — я потерла глаза и сделала глубокий вздох. — Так во сколько вы, ребята, собираетесь приехать? — я посмотрела на свои часы, стоящие на тумбочке и увидела, что уже почти десять утра.

— Вот почему мы звоним... — последовала короткая пауза, а затем какой-то шорох.

— Хэй, милая. Это я, — это была тетя Бетти, должно быть, она забрала телефон у Чарли.

— Привет, тетя Бетти. Что случилось? — я затаила дыхание, зная, что, вероятно, должна услышать нехорошую новость.

— О, дорогая, ты смотрела в окно утром?

Я подошла к окну и увидела снегопад, который видела ранее, но теперь снег валил крупными хлопьями, беспрерывно падая с неба.

— Да, идет снег, — затем я поняла то, что пытается сказать тетя Бетти. — Ты думаешь, что сады Локвуда будут закрыты сегодня из-за снега? — обычно снег не выпадал вплоть до самых последних дней декабря, а «Цветы осени» и фестиваль хризантем обычно заканчивались до первого снега.

— Не уверена, дорогая, вполне возможно. Но это не то, о чем мы волнуемся.

— Тогда в чем проблема? Это просто снег.

— В прогнозе погоды говорится, что снежная буря движется в нашу сторону и продлится до полудня завтрашнего дня. Обещают, что к завтрашнему утру у нас выпадет приблизительно шестьдесят сантиметров снега.

— Оу, — у меня было предчувствие, что мне не понравится то, к чему ведет разговор. — Так что насчет сегодняшнего дня?

— Ну, мы подумали, что, возможно, мы перенесем свой приезд на воскресенье или на следующую неделю. Чарли сказал, что сможет взять еще выходные, поэтому, тебе не придется волноваться.

— Перенести? Так вы, ребята, не хотите навестить меня? — я знала, что на тот момент вела себя как эгоистичный ребенок, но после того, как прошлым вечером Джексон забил на меня, я не была уверена, что смогу общаться со своей семьей, также бросившей меня.

— Все будет в порядке, милая? — я могла слышать вину в ее голосе. — Я хотела сказать, это один из вариантов, — быстро добавила она. — Я знаю, ты была взволнована сегодняшним днем, ведь это твой день рождения. Так что, если сегодня ты чувствуешь потребность в празднике, скажи только слово, и мы приедем, чтобы забрать тебя, и будем действовать по обстоятельствам, в том случае, если сады Локвуда закрыты. Что ты думаешь об этом?

Мне не нужно было думать, чтобы понять, чего я хочу в этот день. Впервые, сколько я себя помню, я пошла на поводу у своих эгоистичных желаний и, не сдерживаясь, все высказала тете Бетти:

— Тетя Бетти, сегодня я действительно хочу увидеть всех вас, ребята. Джексон кинул меня вчера вечером и не приедет. Мой день рождения сегодня, а не в воскресенье и не на следующей неделе. Меня не волнует, чем мы займемся сегодня, я просто не хочу провести свой день рождения в одиночестве.

— Ох, милая. Мне жаль насчет Джексона. Мы думали, что он сел на первый поезд этим утром до Бостона и уже с тобой. Ты права, ты не должна быть одна в свой день рождения, и мы всего лишь в сорока минутах от тебя. Мы можем приехать через час. Так сойдет?

— Это прекрасно, — улыбнулась я, тронутая тем, насколько они обо мне заботились. — Спасибо за понимание, тетя Бетти. Я надеюсь, что не показалась неблагодарной. Знаю, что эгоистична сегодня, но ваш приезд для меня многое значит.

— Милая, не глупи. В твоем теле нет ни одной эгоистичной косточки. Я рада, что ты говоришь о том, что хочешь. Ты должна делать это чаще. Ты же знаешь, что мы тебя любим. Я бы не предложила отложить сегодняшний праздник, если бы знала, что Джексона нет рядом.

Мои глаза наполнились слезами.

— Тетя Бетти, вы лучшие.

— Что ж, тогда увидимся примерно через час?

— Да, увидимся.

Когда я повесила трубку, то почувствовала, что мое настроение улучшилось. Я была полна решимости сделать этот день лучше. Я не собиралась позволить Джексону разрушить мой день рождения только потому, что он решил не приезжать.

— Я забуду тебя, Джекс, — сказала я вслух. — Меня не волнует, что ты не можешь больше приезжать. У меня и без тебя будет удивительный день рождения, потому как я проведу его со своей семьей.

Но тот день не стал удивительным. В конечном итоге, я не провела его с тетей Бетти, дядей Томом и Чарли.

Они так и не добрались до моего общежития в тот день. Я прождала их почти пять часов, и с каждой минутой была все больше взволнована и обеспокоена. Когда я, наконец, услышала звонок, он был не от них. Он был из больницы.

Глава 9

*Декабрь, 2003
Девятнадцать лет*

Джексон

Посвящение в братство «Альфа Сигма Дельта» было жестоким. Зря они не назвали это «Неделей Ада». Мои оценки наряду с другими обязательствами, безусловно, пострадали из-за этого. Из-за посвящения у меня ни на что не было времени, даже на Хлою. Из-за всех жертв, бессонных ночей и унизительных вещей, через которые меня заставляли пройти братья, я боялся, что не пройду посвящение. Ничто не было бы большим ударом по яйцам, чем если бы я прошел всю эту ерунду, не получив ничего, чем, возможно, расстроил бы Хлою. Но все это было не зря, и сегодня вечером я официально присоединился к братству «Альфа Сигма Дельта». Я не мог дождаться, чтобы рассказать Хлое эти грандиозные новости при следующем разговоре.

После церемонии посвящения была традиция — закатить адскую вечеринку. Это не походило ни на что, что я видел до этого! Выпивка была везде и текла рекой, словно вода. И как на любой сумасшедшей вечеринке, там была масса горячих цыпочек. В школе у меня был свой круг подружек, но эти были дикими ученицами колледжа. Красивыми, сексуальными и беззаботными. Не нужно было прилагать массу усилий, чтобы они начали раздеваться перед всеми. Это было забавно, хоть я и грелся в лучах славы, находясь в доме братства со всеми его преимуществами, мои мысли продолжали возвращаться к Хлое. Мысль о ней скручивала мой живой в тугой узел из-за вины. Я не мог не задаваться вопросом, чем она занималась в последнее время и все ли с ней в порядке. Мы были практически неразлучны с первого класса, а теперь мы в разных городах, учимся в разных колледжах на расстоянии шести часов друг от друга. Я не хотел скучать по ней так сильно, и иногда задавался вопросом, была ли она так же одинока и несчастна без меня, как я без нее. Часть меня хотела, чтобы она была счастлива, но я надеялся, что она тоже скучает по мне.

За исключением пары сообщений и электронных писем, прошло несколько недель с тех пор, как мы разговаривали. Я плохо себя чувствовал из-за того, что не смог приехать в Филадельфию на ее день рождения в предыдущем месяце. Это был первый день рождения, который мы провели не вместе с того времени, как познакомились. Я чувствовал себя отвратительно из-за того, что нарушил нашу традицию из-за своей чрезмерной занятости. Что еще хуже, так это тот факт, что я обещал Хлое, что буду там. Это было первое обещание, которое я нарушил. Чувствуя себя подобно дерму за то, что разочаровал ее, я думал, злилась ли она на меня за то, что меня не было рядом, хотя я и обещал обратное. Я надеялся, что как мой лучший друг, она не слишком расстроилась и поймет. Если же она злится, я надеялся, что она примет мои извинения, как только у меня появится шанс объяснить ей, что произошло. Когда за два месяца до этого я стал новичком братства, я не знал, на что подписывался. Никто не говорил мне, что посвящение в братство заберет у меня каждую свободную минуту. Я практически отписал свою жизнь братству и был рабом, который исполнял все прихоти по каждому мановению и зову.

В ночь перед днем рождения Хлои, когда братья сообщили мне и другим новичкам об обязательных выходных «отступлениях», начинающихся следующим утром, я должен был сказать Хлое о том, что не смогу приехать на ее день рождения. К этому моменту я был на полпути к завершению и пожертвовал слишком многим, чтобы уйти. Плюс, я действительно хотел быть частью братства. Все братья казались классными, и я действительно сдружился с некоторыми новичками. Я знал, что если хочу получить незабываемые впечатления от колледжа, то было бы прекрасно испытать все это в такой группе друзей. Но прежде, чем это произойдет, я должен был внести свой вклад, чтобы стать членом братства. Я был в самом низу иерархии, поэтому, как бы я ни хотел поехать повидать Хлою, к тому моменту я понял, что

отсутствие любого действия у новичка — нелепость. Наказание грозит не только мне, но и всем новичкам.

В то время как я продолжал думать о Хлое, я понял, что, фактически, в последний раз мы говорили по телефону в ночь перед днем ее рождения, когда мне пришлось сказать, что я не могу приехать. После этого я получил несколько пропущенных звонков от нее, но ни одного голосового сообщения, в которых она обычно говорила «привет». Я хотел перезвонить ей, чтобы узнать, чем она занимается. Спустя некоторое время я почувствовал сильное желание услышать ее голос. Я позвоню ей прямо сейчас! Думая, что это было отличной идеей, я достал мобильный телефон и огляделся в поисках достаточно тихого места, чтобы позвонить ей. Заднее крыльце показалось мне таким, и я направился к задней двери.

— Эй, куда ты собрался в одиночестве? — симпатичная полуголая рыжая окликнула меня, прежде чем я успел дойти до двери. Она, определенно, была навеселе, когда остекленевшим взглядом осматривала меня сверху до низу. Она обернула руки вокруг меня, прижав свою грудь к моему телу, и проговорила невнятно. — Дом братства такой огромный, — она схватила меня за промежность, когда сказала «огромный», и я почувствовал, как в предсказуемой реакции дернулся мой член. — Хочешь провести для меня приватную экскурсию и показать верхний этаж? — прошептала она мне на ухо.

— Прости, сейчас не могу, — произнес я невнятно, отдирая ее от себя, делая пару шагов назад и пытаясь удержать равновесие. — Я должен позвонить кое-кому, и... — я подался вперед и указал на нее пальцем, — ты не она.

— Оооо! Подружке? — она начала хихикать, прислонившись к дверному косяку для поддержки. — Я не против. Почему бы тебе не пригласить ее присоединиться к нам?

— Извини, меня это не интересует. И она не моя подружка. Она просто мой лучший друг.

Рыжая невесело рассмеялась.

— То есть, ты собираешься звонить девушки, которая просто твоя подруга, в то время как сам находишься на дикой вечеринке братства среди почетных гостей? — усмехнулась она. — Кажется, у кого-то стоит на ханжу! Она даже не твоя девушка, а ты сохнешь по ней, как какой-то неудачник!

— Ты понятия не имеешь, о чем говоришь, — я не был уверен, почему чувствую потребность обсуждать это с ней, но ее слова задели меня за живое. Чувствуя раздражение, я попытался пройти мимо нее, чтобы добраться до крыльца.

Она остановила меня и схватила за руку.

— Забудь о ней и дай мне возможность показать тебе, как можно хорошо провести время. Ты молод и ты в колледже. Сейчас то время, когда нужно жить и развлекаться! Почему ты тоскуешь по той, которая явно в тебе не заинтересована, иначе она была бы здесь с тобой?

Ее комментарий взбесил меня, и я захотел избавиться от нее для того, чтобы позвонить Хлое. Внезапно один из моих новых братьев, Тайлер, подошел сзади и хлопнул меня по спине в дружеском жесте. Он вручил мне в руки странный мутный стакан с темной жидкостью.

— Хэй, чувак, попробуй! Это подарит тебе кайф!

— Я в игре! — рыжая выхватила стакан у меня из рук и сделала глоток, прежде чем я смог остановить ее. Она вернула его Тайлеру, который выпил из него примерно половину, прежде чем передать стакан мне. Я не хотел быть похожим на неудачника в глазах своего нового брата, поэтому взял стакан и выпил оставшееся. Пахло отвратительно, а на вкус было еще хуже.

— Что это за дермо? — закашлялся я и попытался сплюнуть.

Он покал плечами.

— Кто знает? Кому какое дело? Кайл сделал его в химической лаборатории, пока препод не видел! — засмеялся Тайлер.

Тайлер не шутил, самодельное пойло жестко вставляло, и комната уже начала вращаться. И когда сотовый в моей руке начал звонить, я уже не помнил, что держал его в руках.

Прежде чем я сообразил, что мне нужно ответить на звонок, Тайлер выхватил телефон из моей руки и посмотрел на экран.

— Кто такая Хлоя Синклер?

Рыжая раскудахталась, вставая между нами.

— Это, должно быть, та подружка, по которой он тоскует! Дай угадаю, она звонит, и ты бежишь как влюбленный щенок? Между тем она тебя даже не замечает. Я права?

Я знал, что слова этой чокнутой ложь, но было трудно поспорить с тем, что они не задели меня.

— Это не так, — процедил я сквозь зубы, когда попытался забрать свой телефон у Тайлера.

Тайлер засмеялся, когда споткнулся, уворачиваясь от меня, чтобы я его не достал.

— Чувак, я думаю, эта цыпочка права. Ты попался, не так ли?

— Брось, бро, — даже в своем пьяном угаре я осознавал, что спорить с тем, кто пьянее тебя, было явно бессмысленно.

— Дай я с ней поговорю. Я скажу ей, что ты нашел настоящую женщину, которая умеет трахаться! — рыжая выхватила телефон у Тайлера и, прежде чем я успел ее остановить, она нажала на принятие вызова.

Чувствуя панику, я, наконец, выхватил у них телефон, но они уже приняли вызов, и я услышал голос Хлои на той стороне.

— Алло? Джекс?

— Эй. Да, это я. Как дела? — я старался, чтобы мой голос звучал отстраненно.

— Ты можешь сейчас говорить? Недавно кое-что произошло, и все это моя вина. Ты мне, правда, очень нужен сейчас, — ее голос дрожал.

Поскольку комната начала вращаться вокруг меня, я не совсем понимал, о чем она говорила, но чувствовал, что что-то было не так. Она казалась такой хрупкой и уязвимой. Все, чего я хотел, это приехать к ней, держать ее и говорить, что все будет хорошо. Но я не мог. Мое тело не слушало меня. Алкоголь проложил свой путь в моем теле, и я плохо чувствовал себя. Я опустился на пол, чтобы сесть, в надежде, что комната перестанет вращаться. Моя голова кружилась, я понимал, что не было вариантов уйти куда-либо. Также я знал, что не было ни единого шанса, что в ближайшее время я доберусь до Хлои. Я хотел сказать что-нибудь, чтобы успокоить Хлою, но заметил, что Тайлер и Рыжая привлекли толпу, и все слушают.

— Алло? Джекс, ты слышал, что я только что сказала?

— Да, я слышал. Прости, Хло. Мне жаль, что меня не было с тобой, — затем я услышал смех и хихиканье из толпы. — Но, слушай, я действительно не могу сейчас говорить. Я могу позвонить тебе завтра утром?

— Оооох! Я могу позвонить тебе завтра утром? — пропели саркастично парни. Для них это игра, но я точно мог сказать, что Хлоя страдала. Если бы я только мог сосредоточиться и прогнать туман, если бы я только мог встать и добраться до нее, то, может быть, я мог бы найти слова, чтобы успокоить ее.

— Наверное, — ее голос был едва слышен, а затем последовала мертвая тишина.

Я хотел перезвонить ей, потому что знал, так или иначе, я разстроил ее. Но вместо этого я почувствовал тяжесть в теле и распластался на полу. Когда сознание стало угасать, толпа и смех постепенно исчезли, и все мои мысли вернулись к Хлое. Меня окутало щемящее чувство, которое сжимало внутренности, и у меня было странное ощущение, что ей было плохо. *Первое, что я сделаю утром, позвоню ей. Она мой лучший друг, и я должен быть таковым для нее.* Это было последней мыслью, которая пришла мне ум перед тем, как я, наконец, отключился.

Но на следующее утро я так и не перезвонил ей.

Проснувшись утром в доме братства на одном из диванов, я сразу же вскочил, когда увидел время на телефоне. Я ринулся к двери, надеясь успеть добраться до своей комнаты, схватить свой рюкзак, а затем попасть на экономику. Класс 101 начался пятнадцать минут назад. Я понимал, что в этом семестре не мог больше пропускать занятия, иначе могу вылететь.

Учитывая развод родителей, я не хотел напрягать мать еще и тем, что после первого семестра вылетел из Гарварда.

В спешке, пытаясь успеть на занятие, я забыл телефон в доме братства. К тому времени, когда закончилось последнее занятие, и я вернулся за ним, в самом разгаре была уже другая вечеринка. К счастью, все были в другой комнате, играя в пиво-понг, и я нашел телефон там, где оставил его, на каминной полке рядом с диваном. (*Прим. Пиво-понг — алкогольная игра, в которой игроки бросают мяч для пинг-понга через стол, стремясь попасть им в кружку или стакан с пивом, стоящий на другом конце этого стола*). Чувствуя вину, я поежился, когда включил телефон и увидел пропущенные сообщения от Хлои.

Я быстро написал ей сообщение.

Я: Хэй, Хло. Прости, я забыл свой телефон в доме братства, только до него добрался и увидел твои сообщения. Ты в порядке?

К моему удивлению, Хлоя мне ответила.

Хлоя: Привет, Джекс. Много чего произошло, и мне нужно обсудить это с тобой.

Я: Прости за то, что на время пропал без вести. Я, наконец-то, присоединился к братству, и теперь буду свободнее, так как посвящение прошло. Что случилось? О чем ты хочешь поговорить?

Хлоя: Это здорово, Джекс. Знаю, что вступление в братство было важным для тебя. Я не хотела бы обсуждать это по телефону. Не хочу беспокоить тебя, если ты занят.

Я: Я не занят. Если хочешь, могу позвонить тебе сейчас.

Я чувствовал, как во мне росло чувство вины, когда писал и стирал сообщение для Хлои. Казалось, что с ней произошло что-то серьезное, раз она ждала, чтобы рассказать об этом. Затем от нее пришло еще одно сообщение.

Хлоя: Я заканчиваю работать через 15 минут. Через 30 минут должна быть дома, и после этого можем поговорить.

Я: Хорошо. Я позвоню тебе через 30 минут:)

В то время как я убирал телефон и делал мысленную пометку позвонить Хлое в шесть тридцать, я задался вопросом, почему она не упоминала о том, что работает. Я спрошу у нее, когда мы будем разговаривать.

Прежде, чем я смог поразмыслить об этом, я увидел Тайлера и рыжую, которую встретил прошлой ночью, направляющихся в мою сторону. То, что они переспали, было ясно по тому, как девушка обнимала Тайлера.

— Хэй, Джексон! У нас соревнования по пиво-понгу в соседней комнате. Как на счет того, чтобы сразиться со мной? — спросил Тайлер. — Джил хочет посмотреть, смогу ли я тебя уделать, — он бросил взгляд в мою сторону, и я понял, что он хочет произвести впечатление на девушку.

Я хотел свалить от них, вернуться в общежитие и позвонить Хлое, но я знал, что если бы отказался от пиво-понга в свой первый день в качестве члена братства, то больше никогда о нем не услышал бы. Оценив конкуренцию, я мог сказать, что Тайлер был близок к тому, чтобы проиграть. Я же был абсолютно трезв и хорош в пиво-понг. Я знал, что это не займет много времени, Тайлер вырубится, и я свалю. Мое общежитие было всего в пяти минутах ходьбы, поэтому у меня есть время, прежде чем Хлоя будет доступна для разговора.

— По рукам, бро. Всегда рад надрать тебе задницу, — я одарил его ухмылкой, когда последовал за ними в соседнюю комнату, где игра была в самом разгаре.

Прежде чем я осознал это, прошло три часа, а я смеялся и отлично проводил время как новый чемпион пиво-понга дома «Альфа Бета Сигма». Мне сделали корону из фольги, блондинка с одной стороны, а Джил, рыжая, с другой. Я чувствовал, что был на вершине мира, так как весь дом скандировал мое имя в честь победы. Только когда я проснулся следующим утром в одной из спален дома, я понял, что так и не позвонил Хлое. Я потер лоб, чувствуя себя дерьмом. Официально заявляю: я — наихудший в мире друг. Я посмотрел на блондинку и рыжую, лежавших голыми со мной. От них несло алкоголем. Блядь! Как все вышло из-под контроля вчера? Мне пришлось выбираться из-под обеих девушек, чтобы вылезти из кровати.

Я осмотрел комнату в поисках своего телефона, но так и не мог нигде его найти. *Что, черт побери, со мной? Второй раз за двадцать четыре часа.* Чувствуя раздражение, я оделся и пошел вниз, надеясь, что оставил телефон там, где проходили соревнования по пиво-понгу. К моему облегчению, он был там, на столе рядом с пивом.

Я тут же застонал, когда увидел, сколько пропущенных звонков и сообщений получил от Хлои. Злясь на себя, я ударил кулаком по стене в порыве злости. Я самый дерымовый в мире друг!

Когда я посмотрел список пропущенных звонков, то увидел, что один из ее звонков накануне ночью — последний, сделанный после десяти, — был принят, и длился почти полминуты. Но я не помню этот звонок, как и то, о чем мы говорили. Беспокойство скрутило мой живот, когда я схватил свои вещи и вернулся в общежитие. Я знал, что должен сегодня поговорить с Хлоей, удостоверившись прежде, что я трезв и далек от любых отвлекающих факторов.

Глава 10

*Декабрь, 2003
Девятнадцать лет*

Хлоя

В течение последних двух недель после моего девятнадцатого дня рождения все шло не так, как я планировала. Джексон нарушил обещание приехать ко мне в прошлые выходные. Ужасная снежная буря парализовала половину штата в день моего дня рождения, но только потому, что я не хотела быть одна в этот день, переполненные виной дядя Том, тетя Бетти и Чарли поехали в город, что провести его со мной. Я знала, что дороги занесены из-за метели. Я знала, что подвергаю их риску. Но в тот момент меня это не заботило. Это был мой день рождения, и я была так одинока, больше, чем когда-либо прежде. Я убеждала себя, что нет ничего страшного в том, что я повела себя эгоистично. Мы пережили это, как преодолевали и гораздо более серьезные проблемы. Но, конечно же, судьба доказала мне обратное. Чтобы увидеться со мной в этот день, они ехали слишком быстро по обледенелым дорогам, потеряли управление и врезались в дерево. Тетя Бетти и дядя Том отделались несколькими переломами, порезами и ушибами, но ничего серьезного. Однако Чарли был за рулем и не был пристегнут. Когда автомобиль врезался в дерево, его выбросило через лобовое стекло, и он получил тяжелые травмы. В течение нескольких недель после несчастного случая Чарли перенес достаточное количество операций, и сегодня должна была пройти последняя, где они будут проверять его спинной мозг. Тетя Бетти присыпала мне сообщения в течение всего дня, рассказывая, как проходит операция. После своей утренней смены в «МакДональдс», одной из двух моих подработок, на которые я устроилась неделю назад для помощи с оплатой больничных счетов, я ринулась обратно в больницу, чтобы быть там к окончанию операции. После десяти часов операции, один из хирургов вышел к нам, чтобы поговорить. Несмотря на все сложности, мы все еще были преисполнены надежд и молили о чуде. Но этого не произошло.

Вместо этого хирург сказал слова, которых мы все время боялись:

— Мы должны установить металлические стержни вдоль его позвоночника, чтобы укрепить его. К сожалению, мы убедились в том, что спинной мозг вашего сына действительно был задет во время аварии. В результате он потерял двигательную активность ниже пояса, и он никогда не сможет снова ходить. Мне очень жаль.

— Нет! — тетя Бетти испустила истерический вопль, когда рухнула на меня, рыдая, как никогда прежде.

Мои глаза наполнились слезами, когда я пыталась успокоить ее, пока она продолжала плакать в моих объятьях.

— Мне так жаль, — продолжала повторять я, поглаживая ее по спине.

Убитый горем дядя Том опустился на один из стульев в приемной. Сгорбившись и спрятав лицо в ладонях, он не издал ни звука, но я видела, как его плечи подрагивали, в то время как он плакал в полной тишине. Даже при том, что врачи готовили нас к такому результату, эти новости были для нас разрушительными.

Это все моя вина. Огромное чувство вины усугубляло всю боль, которую я испытывала, слушая новости. Я сделала это с Чарли, а он этого не заслужил. Тетя Бетти этого не заслужила. Дядя Том не заслужил. Чарли всегда был мне как брат, принял меня в семью, хотя я заняла его комнату и большую часть времени и энергии его родителей. Он никогда не жаловался и не возмущался. Вместо этого он относился ко мне как к родной и баловал каждый раз, когда приезжал на каникулы. Новость о том, что он парализован ниже пояса до конца своих дней, опустошила меня. Но я не заслуживала утешения от тети Бетти и дяди Тома. Жизнь их единственного сына — молодого, успешного адвоката, которым они так гордились, —

загублена, и все из-за меня, моего эгоизма, из-за моей неспособности любить кого-то без потерь.

В то время как я не заслуживала утешения, я все равно его хотела. Я хотела, чтобы кто-нибудь сказал мне, что все будет хорошо. Чтобы кто-нибудь сказал мне, что я не ужасный человек. Что я не виновата, даже когда я сама знала, что это не так. Джексон был единственным человеком, с которым я могла об этом поговорить. Он был единственным человеком, который мог меня успокоить. С самого дня рождения я неоднократно пыталась дозвониться до него, чтобы рассказать о случившемся, чтобы услышать его теплый знакомый голос. Но каждый раз, когда я звонила, он никогда не отвечал. Часть меня злилась, что он пренебрег мной и не был рядом. Но другая часть меня — та часть, которая возрастала с каждым днем, когда я ничего от него не слышала, боялась, что с ним что-то произошло. В связи с недавними событиями и тем, что произошло с моей мамой, меня пугало даже предположение, что с ним могло произойти что-то похожее. Поэтому по пути из больницы к общежитию я вновь решила позвонить Джексону. Я услышала несколько гудков, и на пятом гудке опять попала на голосовую почту. Вызов завершился. Но до того, как собралась отключиться, я услышала щелчок. Приложив телефон к уху, я услышала шелест ткани по трубке и что-то отдаленно напоминающее вечеринку на заднем плане, вместо голоса Джексона.

— Алло? Джекс?

Я услышала резкое движение и затем, к моему удивлению, голос Джексона.

— Привет. Да, это я. Как дела? — его слова резкие, но произнесены невнятно, и мне стало ясно, что он пьян.

— Ты можешь говорить? Кое-что произошло, и это моя вина. Ты мне действительно сейчас нужен, — с дрожью в голосе слова вылетали из моего рта.

Я ждала, что он хоть что-нибудь ответит, спросит меня, что случилось, дабы по-своему утешить меня. Но после долгого ожидания я услышала только его тяжелое дыхание и звук трения ткани о телефон, повторяющийся на заднем фоне. Чувствуя, как мое раздражение возрастает, я, наконец, попробовала еще раз:

— Алло! Джекс, ты вообще слышал, что я тебе сказала?

— Да, я слышал, — сказал он четко, почти защищаясь. — Прости, Хло. Мне жаль, что меня нет рядом с тобой.

Я почувствовала, как раздражение уменьшается после его слов. Я отчаянно хотела, чтобы он был рядом. Но затем я услышала шквал смеха, который становился все громче на заднем плане.

Джекс быстро продолжил:

— Слушай, я, правда, не могу сейчас говорить. Могу я позвонить тебе утром?

Я услышала, как народ повторяет:

— Ооооох! Я могу позвонить тебе утром? — затем снова раздался взрыв смеха.

— Наверное, — удалось мне вымолвить, так как я старалась сдержать слезы. После этого я повесила трубку.

Внезапная боль пронзила мою грудь. Я знала, что должна отпустить его, что с ним все хорошо — и он жив и здоров — но я не чувствовала облегчения. Я чувствовала себя раненой, особенно потому, что причиной его молчания были не занятия в колледже. Он был занят, проводя время с братством, напиваясь на вечеринках. Несмотря на свою боль, я все еще хотела поговорить с Джексоном. Я по-прежнему очень сильно по нему скучала. Поэтому утром я ждала его звонка. Но звонка так и не последовало. К часу дня я отработала свою смену в «Старбаксе», но он все еще не позвонил и не написал. В этот момент я почувствовала, что мое терпение достигло предела, и отправила ему сообщение. Затем, час спустя, еще одно. И еще одно через два часа после этого. Однако ответа не было. Только после шести, когда я закончила свою смену в «МакДональдс», я, наконец, получила от него известие. После обмена несколькими сообщениями, он сказал, что позвонит через полчаса. Я пыталась не питать надежд, но когда вернулась в комнату в общежитие, не могла не предвкушать разговора с ним. Затем время перевалило за шесть тридцать, а он так и не позвонил. Я написала ему, чтобы узнать,

планирует ли он звонить. Когда к семи часам я не получила от него ответа, я отправила ему еще сообщение и попробовала позвонить. Все равно ничего. Когда часы пробили восемь, я написала снова.

Тишина.

В какой-то момент я заснула на своей кровати поверх одеяла. Только в десять я проснулась и поняла, что уснула, ожидая его звонка. Я посмотрела на свой телефон, но была разочарована, не увидев ничего нового от Джексона. Чувствуя себя расстроенной и эмоционально опустошенной, я набрала его номер. Голосовая почта была отключена. Когда расстройство переросло в гнев, я набрала его номер еще два раза, думая, что на один из них ему придется ответить. Наконец, на четвертой попытке, кто-то ответил.

— Алло? — проорал парень в телефон. Я слышала громкую музыку и людей, говорящих и смеющихся на заднем плане.

— Привет! Джексон там? — прокричала я в телефон, надеясь, что он меня услышал.

— Кто?

— Джексон! Джексон Пирс! Ты ответил на его телефон!

— Аах, да, мой мальчик, Джексон! — затем услышала его смешок.

— Можешь его позвать?

— Прости. Ничего не могу поделать. Он развлекается. Я не буду его обламывать. Ну, ты знаешь, кодекс брата, все такое.

— О чём ты? Чем он занят? — я знала, каков будет ответ, но мазохистка во мне хотела услышать это.

— Господи, я должен тебе детально объяснить? Прямо сейчас он развлекается в комнате, трахая горячих цыпочек! — он снова засмеялся. — И, позволь сказать, что дикая рыжая — наша резидентская шлюха. И она, определенно, покажет ему и этой блондинке всю свою дикость. Он будет иметь сегодня столько кисок, что, будем надеяться, его член не отвалится.

— Эй, Тайлер! — услышала я, как кто-то его позвал. — Убери чертов телефон! Мы все выпили, правда немного пива еще осталось.

— Прости. Должен идти, — быстро проговорил парень, которого, как я поняла, звали Тайлер, прежде чем на линии наступила тишина.

Глава 11

Декабрь, 2003
Девятнадцать лет

Хлоя

Полчаса спустя, решительно настроившись весело провести время и оторваться, я отправилась в ближайший бар, который находился рядом с общежитием. *Я забуду тебя, Джексон!* Он не был единственным, кто знал, как напиться и повеселиться. Сегодня вечером я чувствовала себя беззаботной и хотела причинить Джексону ту же боль, которую он причинил мне.

Я надела свое сексуальное маленькое черное платье с низким вырезом и разрезом на бедре. Добавила немного косметики, надеясь, что смогу обмануть бармена, заставив его думать, что мне двадцать один, таким образом он не попросит моего удостоверения личности. Я сидела на стуле в конце бара, пытаясь выглядеть так, будто соответствую. Бармен демонстративно побарабанил пальцами по знаку, сообщавшему, что «*Алкоголь могут приобрести клиенты, которым исполнился двадцать один год*», и я поняла, что меня раскусили.

— Могу я чем-то помочь? — спросил бармен с ноткой понимания в голосе.

— Нет, спасибо, я здесь просто, чтобы встретиться кое с кем, — блефовала я, приподняв подбородок и показывая, что не была напугана, хотя знала, что он вышвырнет мою задницу отсюда, унизив перед всеми.

Мужчина, сидящий в одиночестве за соседним столиком, подошел и улыбнулся мне.

— Я верю в то, что ты ждешь меня. Привет, я — Майкл Дэвисон.

— Майкл! Я действительно с нетерпением ждала личной встречи с тобой, — я ослепительно улыбнулась, в то время как он вел себя как друг, с которым мы договорились встретиться.

Его ложь о свидании в слепую была прекрасным прикрытием, и я была благодарна ему за готовность помочь мне в этой неловкой ситуации.

— Могу я угостить тебя выпивкой? — спросил Майкл. Он был милым парнем с красивым лицом. На нем был надет дорогой костюм, в котором он выглядел как успешный предприниматель. Возможно, он приехал в Филадельфию по делам. На вид ему было около тридцати и то, как он осмотрел меня сверху вниз, убедило меня в том, что этим вечером он искал способ хорошо провести время.

«Он идеален для того, чего я хочу сегодня вечером», — подумала я, пытаясь активно вытеснить мысли о Джексоне из своей головы.

Я взглянула на бармена, который все еще с подозрением наблюдал за мной, затем перевела взгляд на Майкла и покачала головой.

— Что ты скажешь на то, если мы выпьем в другом месте?

— Конечно, — он одарил меня ослепительной улыбкой. — Я остановился в отеле напротив. Мы могли бы пойти туда, если хочешь.

Я не была девственницей, но и не была также девушкой, которая ходит по гостиничным номерам с сомнительными мужчинами. Я ничего не знаю об этом парне. Он может быть женат, преступник или еще хуже. *Может, я просто должна пойти домой и лечь спать.* Внезапно я осознала — это просто волнение, Джексон всегда говорил мне, что я из всего раздуваю проблему. Сегодня я вышла, чтобы выпустить пар и напомнить себе, что я одинока, что я не должна была ждать звонка от своего лучшего друга и что у меня была своя собственная жизнь. Сегодня вечером мне нужно было бессмысленное незамысловатое веселье, и это именно то, что предложил этот незнакомец.

Я одарила Майкла сексуальной улыбкой и прикусила нижнюю губу.

— Звучит неплохо.

Отель, в котором он остановился, был очень хорош, швейцар стоял на входе и в лобби на всех столах в викторианских вазах стояли великолепно составленные букеты. Мне было неловко в своей одежде, я ощущала себя явно неуместной в своем распутном платье и с ярко накрашенными глазами. Я быстро последовала за ним через вестибюль в лифт и в его гостиничный номер.

— Чувствуй себя как дома, а я позвоню в обслуживание номеров, чтобы нам принесли напитки, — сказал он. Взяв телефон, набрал номер и заказал бутылку водки и бутылку «Бакарди 151». (*Примеч. «Бакарди 151» — является самым крепким ромом (иногда до 70-80 %). Из-за своей крепости этот ром горюч.*)

Расположившись на краю гигантской двуспальной кровати, стоявшей в центре комнаты, я рассматривала номер, но быстро одернула себя, осознав, насколько смелой была и как это нехарактерно для меня. Так что я решила пересесть на диван, расположенный у дальней стены.

Когда я села, подол платья задрался опасно высоко. Я поймала взгляд Майкла, который был сосредоточен на оголенном участке кожи, когда я сидилась. Он подошел с подносом «Бакарди» и водки, сел рядом со мной и поставил поднос на журнальный столик. В тот момент, когда он налил нам по шоту «Бакарди» и водки, я занервничала из-за своего первого распития спиртного. «Подумай о Джексоне. Он точно бы наслаждался собой и алкоголем», — ободряюще сказал мой внутренний голос.

Я сделала глубокий вдох и поняла, что не могу теперь отступить. Мы чокнулись рюмками, наполненными «Бакарди», и я сказала:

— За веселую ночь!

— За веселую ночь! — повторил он, и мы опустошили наши шоты.

Раньше я никогда не пила ничего крепче пива и не была готова к разнице в градусах. «Бакарди» обожгло горло, и я подумала, что сейчас умру. Отчаянно пытаясь потушить пожар в горле, я схватила водку и проглотила прозрачную жидкость, которая была похожа на воду. Но я быстро поняла, что ошиблась, и это совсем не было похоже на воду. Майкл достал бутылку воды из мини-холодильника и предложил мне, но я покачала головой, исполненная решимости действовать спокойно и собранно.

— Нет, спасибо, я в порядке.

— О, ты лучше, чем просто в порядке, — сказал он и его губы скривились в улыбке.

Значение его слов было ясным по тому, как он с горящей в глазах похотью осмотрел меня сверху донизу. Я покраснела, а мое лицо запыпало, и я подумала, были ли это последствия алкоголя. Я улыбнулась Майклу, внезапно чувствуя себя сексуальной, раскрепощенной и раскованной.

— Итак, расскажи мне о себе, Майкл Дэвисон. Кто ты? — обольстительно спросила я, когда наклонилась к нему.

К моему удивлению, Майкл протянул мне свою визитку, и я громко присвистнула, показывая, насколько была впечатлена. Он был адвокатом одной из крупнейших фирм Нью-Йорка.

— И что привело тебя в Филадельфию? — бесстыдно спросила я, переместившись и скрестив ноги так, как делали в фильмах женщины. Это вызвало тот эффект, на который я надеялась, увидев, как растет выпуклость в его брюках.

— Я здесь на неделю, по поводу свидетельских показаний по делу, над которым мы работаем, — он неловко поерзal на диване, пытаясь сесть удобней.

— Это кажется захватывающим! Должно быть, ты чрезвычайно умный, раз стал адвокатом.

— А, это не настолько захватывающе, как кажется, — отмахнулся от комплимента Майкл, но могу сказать, что он его проглотил. Улыбнувшись от уха до уха, он налил нам еще по рюмке. Протянув мне рюмку, он наклонился и прошептал мне на ухо:

— Я больше заинтересован в тебе.

— О чём ты хочешь узнать? — я опрокинула очередную порцию «Бакарди», а затем рюмку водки. На этот раз они прошли легче, и я почувствовала, как в голове загудело. К моему

удивлению, алкоголь заставил меня почувствовать себя расслабленной, счастливой и невероятно возбужденной.

Майкл посмотрел на меня.

— Ты самая сексуальная женщина, которую я когда-либо встречал, а я даже не знаю твоего имени, — я видела, как взглядом он скользнул по моей шее и остановился на груди.

— Ну, я могу это исправить, — я взяла блокнот отеля с журнального столика и сделала из листка визитную карточку, соблазнительно пропуская бумагу сквозь пальцы, когда делала ее, и, блядь, его похотливые глазки чуть ли не вылезали из орбит. Затем я написала свое имя и номер телефона, и вручила ему псевдо-визитку так, словно мы были партнерами.

— Понятно. Приятно с тобой познакомиться, Хлоя, — усмехнулся он, убирая бумагу в карман пиджака. — Что ж, чем бы ты хотела заняться сегодня вечером? Есть в городе место, в котором ты бы хотела оказаться сегодня вечером?

Мое тело запылало от выпитого алкоголя. Все, что я хотела сделать, это выпустить накопившуюся энергию и стресс, который я перенесла в последние несколько недель.

— Майкл, — я медленно произнесла его имя, облизывая нижнюю губу, — я думаю, мы должны остаться в номере и устроить нашу собственную вечеринку.

Затем я приблизилась к нему подобно кошке, готовящейся атаковать добычу. Второй раунд шотов определенно уничтожил мои барьеры, и мне необходимо было доказать себе, что я могла весело провести время, как подстрекал меня Джексон. Сегодня вечером я собиралась трахнуть этого незнакомца и получить наслаждение.

Я набросилась на Майкла, заставив его откинуться на спинку дивана, и сняла с него брюки. Его член с готовностью выпрыгнул, и я, не мешкая ни секунды, жадно взяла его в рот. Я была полна решимости подарить ему лучший в его жизни минет, который у него когда-либо был, и я взяла его глубоко, до самой глотки, пока перекатывала его яйца в ладони.

— О, Господи, — застонал он. Он глубже толкнул свой член мне в рот, запуская руки мне в волосы, поощряя меня. — Это невероятно, Хлоя!

Спустя несколько секунд я почувствовала, как его член запульсировал, и поняла, что он скоро кончит. Вытащила его член изо рта и устроила для него мини стриптиз. Я не была готова к тому, что должно было произойти. Майкл таращился на меня во все глаза, когда я избавилась от платья и руками начала ласкать свое обнаженное тело. Его глаза были широко распахнуты, пока он наблюдал за тем, как я двигала рукой по внутренней поверхности бедра к местечку между ног и начала удовлетворять себя, мастурбируя перед ним, пока он поглаживал свой член.

— Ты так возбуждаешь меня! Не могу дождаться, когда войду в тебя! — он задыхался, когда схватил презерватив с тумбочки и надел его. Я видела бусинки пота, выступившие у него на лбу, и я знала, что он готов даже больше, чем я.

— Ну, давай же, не жди, — парировала я, когда оседлала его на диване, сжимая его рвущийся ко мне член своими влажными складками.

— Блядь, — зарычал он от удовольствия, когда я полностью приняла его. — Ты самая сексуальная женщина, которую я когда-либо встречал. Ты такая тугая, влажная и великолепная!

— Майкл застонал, в то время как я дико объезжала его, подстегнутая необходимостью избежать своих собственных проблем и доказать, что могу позволить себе бессмысленный секс. Мое тело реагировало на физическую стимуляцию, и это начинало ощущаться очень хорошо, действительно хорошо! Не потребовалось много времени для того, чтобы я бурно кончила, вскрикивая от каждого сокращения мышц и растущего в моем теле удовольствия. Майкл опустил свой взгляд на меня и застонал, когда сам дошел до кульминационного момента.

Той ночью мы еще дважды сделали это: в душе и в постели, прежде чем, наконец, погрузиться в глубокий пьяный сон.

Когда я проснулась следующим утром, моя голова гудела, и я чувствовала себя больной. Мне потребовалась минута, чтобы вспомнить причину моего странного состояния, и когда я осознала, почувствовала себя еще хуже. *О чём я думала прошлой ночью? Действительно стоило так вести себя прошлой ночью с незнакомцем, просто, чтобы доказать что-то Джексону?* Я поняла, что должна выйти отсюда и поговорить с Джексоном. Меня не волнует,

занят он или нет. Это было смешно, и мне необходимо было увидеться с ним. У меня никогда раньше не было секса на одну ночь или чего-то хотя бы отдаленно напоминающего нечто грязное, потому мне и неизвестно, что в таких случаях нужно делать перед тем, как уйти.

Я повернулась к нему и прошептала:

— Спасибо за прошлую ночь, Майкл, но боюсь, я должна уйти.

Когда он не ответил, я попыталась его потрясти. Но затем я поняла, что фактически тело, находящееся рядом со мной, было грудой подушек под простынями.

Я села в кровати и поняла, что Майкл уже ушел. Затем что-то на тумбочке привлекло мое внимание.

Это был простой конверт.

Сконфуженная, я взяла его и открыла, ожидая найти там прощальную записку. Но, к своему удивлению, обнаружила, что конверт заполнен стодолларовыми купюрами. Тридцать, если быть точной. Это были три тысячи долларов наличными.

— Черт возьми! — воскликнула я, и от громкости моего собственного голоса голова загудела еще сильнее. Не думаю, что когда-нибудь так страдала от похмелья. Это не имело смысла. Почему Майкл оставил наличку? Должно же быть какое-то объяснение деньгам. Какая-то деталь, которую я упустила, потому что моя голова дико болела.

Затем я перевернула конверт вверх тормашками, и из него выпал листок бумаги. Это была визитка, на которой значилось «*Эскорт услуги госпожи Селин, привлекательные товарищеские отношения для занятого делового мужчины. Всегдадержанно. Всегда приятно. Клиент Кончает Первым*».

— О, Боже мой! Он думал, что я из эскорта, — ахнула я. И в этот момент я почувствовала себя еще хуже, я опрометью бросилась в ванную, где меня рвало до тех пор, пока в животе ничего не осталось.

После этого я должна была почувствовать себя лучше, но этого не произошло. *Почему он принял меня за эскорт?* Я мысленно вернулась к прошлой ночи и попыталась вспомнить все, что говорила и делала в ответ. Поскольку каждая смущающая сцена стала объектом пристального внимания, все стало ясно: он пришел в бар, чтобы встретиться с девушкой из эскорта-услуг, и когда я сказала, что кое-кого жду, он принял меня за ту, которую, как предполагалось, должен был встретить.

Я обошла комнату, пока не нашла его визитную карточку, которую он мне дал. Мне необходимо было вернуть ему деньги. Я чувствовала себя грязной просто от того, что находилась в комнате с этим конвертом и деньгами. Я набрала номер на визитке Майкла и нарвалась на администратора в юридической фирме. Когда она предложила оставить сообщение, я повесила трубку с такой скоростью, с какой только могла, отрезвевшая после слов оставить сообщение тому, кто оставил деньги за мое тело. Вот что я могу сказать такому парню? «Эй, помнишь меня? Ну, я не эскорт, я просто шлюха. Перезвони мне, я верну тебе три штуки. Спасибо».

Я взяла конверт и снова посмотрела на деньги. Может, я должна была отдать эти деньги полиции или пожертвовать на благотворительность? *Тете Бетти и дяде Тому эти деньги сейчас были бы кстати.* Я быстро выкинула эту мысль из головы. Нет, абсолютно неправильно оставить эти деньги и отдать их им. Это, по сути, превратило бы меня в эскорт.

А я не была эскуортом. Это была всего лишь ошибка. Я искала секс на одну ночь, и произошло простое недоразумение. А если бы я преднамеренно оставила эти деньги у себя в руках, то это уже не было бы ошибкой, это была бы проституция.

Глава 12

*Декабрь, 2003
Девятнадцать лет*

Хлоя

Я поняла, что мне нужно покончить со всей этой неразберихой, чтобы чувствовать себя в безопасности и комфорте. Я решила съездить домой, чтобы увидеться с тетей Бетти и дядей Томом.

Сорокаминутная поездка помогла. Я открыла окно, позволив холодному воздуху, обдувшему мое лицо, помочь избавиться от похмелья и прочистить голову. К тому времени, как я добралась до места, я практически почувствовала себя снова человеком.

Но затем я ахнула, когда подъехала и увидела дом. На лужайке перед домом появилась табличка «Продается».

— Привет, милая. Какой приятный сюрприз. В колледже все хорошо? — тетя Бетти заключила меня в материнские объятия.

Я заглянула в гостиную и была удивлена, увидев там дядю Тома, сидевшего в своем большом кресле. Рядом с ним на подлокотнике кресла стояла полупустая бутылка виски и грязный пустой стакан. По запаху алкоголя, парившему в воздухе, я поняла, что он выпил достаточно, чтобы опьянеть.

— В колледже все нормально, — я сделала паузу, не уверенная, с чего начать разговор. — Тетя Бетти, почему во дворе стоит табличка «Продается»? — я решила неходить вокруг да около.

Тетя Бетти посмотрела на свои руки, спрятав от меня полные слез глаза.

— Этот дом стал слишком большим для нас с тех пор, как ты уехала в колледж.

Я знала, что это не главная причина.

— Да ладно, тетя Бетти. Я знаю, как сильно вы любите этот дом. Этот дом хранит в себе столько замечательных воспоминаний. Я знаю, что вы никогда бы не выставили его на продажу только потому, что он слишком большой для вас. Пожалуйста, скажи мне, что на самом деле происходит?

Она шумно вздохнула.

— Ты права, дорогая. Нет смысла скрывать от тебя правду, — она встретилась со мной взглядом, и, заметив, насколько уставшими и впалыми оказались ее глаза, я тут же почувствовала вину, которая постоянно грызла меня изнутри. — Наша страховка не покрыла все медицинские счета Чарли. Некоторые операции не оплачены. Также врачи сказали, что процесс восстановления Чарли после аварии будет долгим. Какое-то время ему необходимо находиться в больнице, и, возможно, ему понадобится беспрерывная физиотерапия в течение многих лет, чтобы он мог приспособиться к...

Она не смогла закончить предложение, но я знала, что она собиралась сказать, и в моем горле образовался комок.

— Ты уверена, что нет других вариантов? Продажа дома кажется безвыходным решением.

Ее плечи поникли, а глаза наполнились слезами. Она покачала головой.

— Не думаю, дорогая. Я просто не знаю, как мы справимся со всем, не продавая дом. Даже если мы продадим большую часть наших вещей и заложим дом, этого все равно будет недостаточно. С учетом того, что мы выручим с продажи, получится сбратить, по крайней мере, полмиллиона долларов, чтобы оплатить счета за первый год. Даже если бы мы досрочно сняли свои пенсионные накопления, все равно у нас недостаточно сэкономленных средств, чтобы все покрыть. Том волнуется, что нам придется признать банкротство, — из ее горла вырвались рыдания, когда она спрятала свое лицо в ладонях.

— Ох, тетя Бетти, мне так жаль, — я крепко держала ее, пока она беспомощно плакала в моих объятиях. Я видела ее рыдающей только один раз — когда умерла мама, но в этом случае

было еще хуже, ведь я знала, что это моя вина. — Я бы хотела, чтобы этого никогда не происходило, — я желала сказать ей, что это моя вина и мне жаль, что я не могла присутствовать вместо них в той машине. Сказать, что с удовольствием бы поменялась с ними местами, только чтобы они прожили нормальную жизнь, какой она и была до аварии. Именно это я чувствовала.

Но я не могла озвучить ни одну из этих мыслей ни ей, ни дяде Тому. Я знала их достаточно хорошо, чтобы понимать, что они просто утешат меня и скажут, что я не должна так думать, ведь я не сделала ничего плохого, и что никто не виноват в случившемся. И как бы я не хотела услышать эти слова, они были последними людьми, которые должны были мне сказать о том, что это не моя вина, что я не сделала ничего плохого.

— Если мы продадим дом, тогда мы с твоим дядей сможем переехать в небольшую квартиру. Коммунальные услуги будут дешевле, и мы сможем использовать деньги, чтобы оплачивать необходимые медицинские счета. Мы надеемся, что с помощью нашего совместного дохода, за вычетом ежемесячных расходов, мы сможем оплатить длительную физиотерапию для Чарли, — она вздохнула. — Думаю, что это самый лучший план из всех, что у нас есть.

Тогда во мне что-то щелкнуло.

— Тетя Бетти, ты, дядя Том и Чарли любили меня, заботились обо мне и так много мне дали. Я хочу помочь вам, чем могу. Я вам должна, ребята, — с сердцем, бьющимся у горла, я достала кошелек, вытащила и отдала ей три тысячи долларов, что находились внутри. — Я приехала, чтобы отдать вам это. Может быть, это покроет хоть какие-то расходы. У меня есть еще две тысячи на сберегательном счете. Я привезу позже на этой неделе.

Она с шумом выдохнула и крепко обняла меня. Новый поток слез стекал по ее лицу на меня.

— Это чудо. Это на несколько месяцев позволит нам оставить все так, как есть. Но откуда у тебя столько денег?

— Я копила, откладывая с зарплаты от двух работ.

Я ожидала, что она будет расспрашивать дальше. Она знала, что спустя две недели после аварии я нашла работу на неполный рабочий день. Но, к моему удивлению, она не стала расспрашивать. Возможно, со всем напряжением последних недель ей просто не пришло в голову задавать вопросы. Или, может быть, она была в том состоянии, что верила во что угодно, если это могло сделать жизнь чуть проще.

Когда она взяла у меня деньги, по ее лицу прошла волна облегчения, которая тронула мое сердце. Это было удивительное ощущение, когда ты в состоянии дать все женщине, которая любила и воспитала тебя, словно ты была ее собственным ребенком. И в этот момент меня даже не беспокоило то, как именно у меня оказались эти деньги.

Тем же вечером, после ужина, лежа в своей комнате, которая в свое время была комнатой Чарли, я предавалась драгоценным воспоминаниям, которые она хранила. Я думала о том, насколько счастливой была моя жизнь, когда я жила в этом доме. С каждым воспоминанием я все больше понимала, как эмоционально привязана к этому дому и этой комнате. Я не могу представить, как скажу этому дому «прощай».

Именно в этот момент зазвонил мой телефон, и, к моему удивлению, это был неуловимый Джексон. В течение секунды я подумывала проигнорировать его звонок, пусть попробует свое же блюдо, но поскольку телефон все еще продолжал звонить, я сдалась.

— Привет, — просто сказала я, разрываясь между злостью на него и тоской по нему.

— Привет, Хло. Прости, что не перезвонил раньше. На самом деле, это был сумасшедший месяц, с посвящением и всем прочим. Я надеюсь, ты не злишься.

— Ты хочешь, чтобы я сказала правду, или же ты хочешь, чтобы я заверила тебя в том, что не злюсь? — прямо спросила я его, давая пассивно-агрессивный ответ.

— Я заслужил это, — голос Джексона был полон сожаления. — У тебя есть все основания злиться на меня, Хло. Я знаю, что в течение последних нескольких недель был для тебя действительно паршивым другом. Ты заслуживаешь лучшего. Ты всегда была рядом, даже когда я отталкивал тебя. Я должен был ответить тем же, когда ты нуждалась во мне. Надеюсь, ты сможешь простить меня.

Я молчала, в то время как слезы текли по моим щекам, когда я слушала его извинения. Хотя какая-то часть меня хотела злиться на него, но я знала, что это не стоит нашей дружбы. Я была расстроена из-за Джексона, из-за того, что он нарушил обещание приехать ко мне на день рождения. Я была расстроена из-за того, что он пренебрегал мной и не отвечал на мои звонки и сообщения. Но какой смысл злиться, когда он только что извинился? Что я хотела от него? Преимущественно владеть его временем в колледже? Заставить его отказаться от свиданий с девушками, оставаться одиноким и несчастным? Отрываться, весело проводя время, напиваться и быть счастливым? Ничто из этого не имело смысла. Он был моим лучшим другом. Это не его вины, что я не обзавелась друзьями в колледже. Не его вина, что я чувствовала себя одинокой и несчастной. И, определенно, не его вина, что я чувствовала себя виноватой в том, что разрушила всю оставшуюся жизнь тети Бетти и дяди Тома, отчего они вынуждены теперь продать дом.

Ошибочно приняв мое молчание за гнев, Джексон продолжил:

— Хло, я знаю, что не заслуживаю твоего прощения. Я нарушил обещание и не приехал на твой день рождения. Я действительно чувствую себя ужасно из-за этого. Я не перезванивал и не писал тебе, как обещал. И даже когда ты сказала, что тебе нужно со мной поговорить, потому что что-то случилось, я все еще не уделил тебе внимания и времени, которое ты заслужила и в котором нуждалась. Я был худшим другом для тебя, и мне, правда, жаль. Я...

— Джекс, — перебила я его, наконец, — ты ничего не должен объяснять. Я знаю, что ты просто наслаждаешься своим первым годом в колледже, и я действительно рада, что у тебя все хорошо. Но проблема в том, что у меня все не так хорошо, а тебя не было рядом, чтобы поддержать меня или хотя бы узнать, что произошло. Поэтому, даже при том, что я расстроена твоим отсутствием на мой день рождения, я больше расстроена тем, что ты не был рядом, чтобы просто поговорить. В течение последних нескольких недель мне действительно нужен был друг, а тебя не было.

— Хло... я даже не знаю, что сказать. Я чертов придурок и относился к тебе дерьямово. Я был так охвачен событиями, связанными с колледжем, что относился к тебе, как к чему-то само собой разумеющемуся и пренебрег нашей дружбой. Мне так жаль. Ты нуждалась во мне, а меня не было рядом с тобой. Но, может, ты сможешь простить меня за то, что я был таким турицей, и расскажешь, что произошло? Я весь во внимании.

Мои губы изогнулись в улыбке, когда я представила, как Джексон ерзает и ожидает дольше обычного. Но потребность рассказать ему о Чарли и о моем чувстве вины была сильнее. И я рассказала ему о том, что произошло в день моего рождения, о снежной буре, о предложении тети Бетти перенести визит из-за плохой погоды, о том, что я чувствую себя виноватой в том, что, так или иначе, из-за меня произошла авария и теперь Чарли парализован.

Когда я добралась до части про Чарли, Джексон перебил меня:

— Хло, это не твоя вина. Ты не могла знать, что это случится. Ты не можешь во всем винить себя и не можешь думать, что все это твоя вина, ведь это не так.

Слезы покатились по моему лицу, когда я, наконец, услышала то, чего ждала.

— Если бы они не сделали этого ради меня, ничего бы не произошло...

— Хло, не делай этого с собой. Если ты руководствуешься такой логикой, тогда можно сказать, что это я виноват в том, что не приехал, вследствие чего ты настояла на их приезде. Ты можешь винить тетю Бетти, которая не настояла на том, чтобы не ехать из-за непогоды, Чарли, который не пристегнулся ремнем безопасности и не был более осторожным во время поездки, — он вздохнул. — Я пытаюсь сказать, что мы можем потратить весь день, обвиняя кого-то в том, что произошло, но плохие вещи случаются, правда, и мы не может предугадать будущее и

узнать, что там произойдет. Ты не можешь винить себя за это, ведь ты не хотела, чтобы это произошло.

— Спасибо, Джекс... мне действительно было это нужно.

Я хотела, чтобы он был со мной в этот момент, хотела, чтобы он просто был рядом, как в старые времена, чтобы я могла подойти к нему и обнять. Затем события прошлой ночи вспыхнули перед глазами, и я съежилась от мысли, что сделала это.

— Джекс, кое-что произошло вчера вечером, — внезапно я почувствовала, что нервничаю, признаваясь в содеянном.

— Что? — я услышала беспокойство в его голосе.

— Ну, я вчера была действительно очень расстроена, я вышла и... встретила парня, и мы немного перебрали, переспали и...

— Хло, я могу остановить тебя на этом? — перебил он меня.

— Эээ. Хорошо? — не уверена, почему он перебил меня. *Он знает что-то, чего не знаю я?* Я мыслила нерационально, чувствуя, как паника покалывает мою кожу.

— Я думаю, это здорово, что ты наслаждаешься колледжем и выпускаешь пар. Не думаю, что ты должна переживать о том, что немного развлеклась после произошедшего с Чарли. Мы лучшие друзья, Хло. Я собираюсь быть рядом с тобой, но, может, мы не будем рассказывать друг другу некоторые вещи, которые с нами происходят, — затем он захихикал, что показалось довольно неуместным. — Встречи с людьми и случайный секс происходят везде и повсюду. Может, мы не будем делиться друг с другом каждой красочной подробностью наших завоеваний?

— Но... — я хотела сказать ему, что это совсем не то, что я планировала рассказать о прошлой ночи.

— Хло, мы оба свободны, и спать с кем-то — это просто часть студенческой жизни. Случайный секс — совсем не грандиозное событие. Сейчас самое время для экспериментов. Это годы, в течение которых мы, предполагаю, будем совершать ошибки и учиться на них. Я получил свою долю удовольствия, но сомневаюсь, что ты захочешь, чтобы я вдавался в подробности этих похождений. Поэтому, может, мы лишим себя неловкости и просто согласимся на то, что не будем вдаваться в подробности нашей сексуальной жизни?

— О, ладно. Прекрасно, — я не знаю почему, но его слова жалили. Это из-за того, что он не давал мне возможности сказать то, что я должна была сказать? Из-за того, что он спит со всеми подряд и поощряет к этому меня? Или потому, что он сказал, что у него своя львиная доля случайного секса?

Я не знаю, каким образом, но его слова подвигли меня ступить на эту кривую дорожку. Поэтому, после нескольких минут, в течение которых мы разговаривали о посещаемых нами занятиях, наверстывая упущенное, я солгала, сказав, что устала из-за утреннего занятия и мне пора идти спать.

Было только восемь тридцать, и я совсем не была уставшей. Но после телефонного разговора я в тишине лежала в постели, думая о его словах, и в какой-то момент уснула.

Я не была уверена, сколько проспала, но мой телефон внезапно вытащил меня из сна. Я схватила телефон, думая, что, возможно, вновь звонит Джексон. Но это был не он. Нахмурившись, я посмотрела на незнакомый номер, но решила все же ответить, возможно, это звонили из больницы, где лежал Чарли.

— Алло?

— Мисс Хлоя, — раздался незнакомый голос на другой линии. — Меня зовут мадам Селин, и мне только что звонил чрезвычайно довольный клиент. Он дал мне информацию о вас и спросил, может ли он заказать еще одну встречу с вами.

— Правда? — я была шокирована. Часть меня была польщена, другая — оскорблена, и все же я чувствовала себя странно взволнованной.

— Я хотела бы предложить вам стать частью моего эскорт агентства. Если решите согласиться, я готова предложить вам премиальные привилегии.

Мой инстинкт кричал о том, что я должна немедленно отключиться и выбросить номер Майкла, но затем мой взгляд остановился на метках возле моей кровати, фиксировавших рост Чарли, пока он рос, и я заколебалась. Я поняла, что дядя Том и тетя Бетти не могли потерять этот дом, здесь было слишком много воспоминаний. Это было очень важно. Несмотря на утешения Джексона, они потеряли бы этот дом по моей вине.

Я знала, что должна найти способ сохранить этот дом, и, возможно, он только что появился. Я выслушала ее предложение, и когда она закончила, все, что я могла видеть, это то, насколько проще все станет для дяди Тома и тети Бетти, если у нас появятся эти деньги. Однако я сказала ей, что мне нужно время, чтобы все обдумать.

— У вас есть двадцать четыре часа, чтобы рассмотреть мое предложение, после чего мы должны будем решить вопрос с сопровождением господина Дэвисона, — деловито сказала мадам Селин, и связь прервалась.

Я не спала полночи, пытаясь найти решение. Я почувствовала себя дешевой и грязной, обнаружив деньги на прикроватной тумбочке и поняв, что Майкл принял меня за эскорт. Еще мне было стыдно за то, что я разрушила жизнь удивительных людей, которые любили и воспитывали меня. Итак, что же вызывало большую ненависть к себе? Единственное, от чего я могла почувствовать себя лучше, это оплата больничных счетов, которые исправят то, что я натворила. Заработать три штуки за вечер было, конечно, довольно легко, и не так уж плохо. Я не хотела этого признавать, но довольно забавно притворяться кем-то другим — тем, у кого нет никаких проблем или чувства вины. Сексуальной, страстной и свободной женщиной. Плюс, после нескольких напитков легко было отаться сексу без обязательств и заставить Майкла думать, что я хотела его так же, как он хотел меня. Единственное, что я знала наверняка, — если я приму это предложение, никто не должен узнать об этом. Я не могла сказать тете Бетти и дяде Тому, не могла рассказать об этом никому в колледже. И, самое главное, я не могла сказать Джексону. Я поежилась от мысли, что бы он подумал обо мне, если бы узнал. Он вырос в достатке. Понял бы он, как я себя сейчасчувствовала? Понял бы, чем я готова пожертвовать, чтобы дядя Том и тетя Бетти не потеряли дом? Не думаю. Уверена, что он никогда больше не посмотрел бы на меня. И он нарушил бы свое обещание жениться на мне. Мысль, что я могу потерять Джексона, если приму это предложение, вызвала такую боль в сердце, что я почувствовала необходимость все ему рассказать. Это был тот момент, когда мне больше, чем когда-либо, нужен мой лучший друг. *Возможно, мне следует рассказать ему о прошлой ночи и о финансовых проблемах тети Бетти и дяди Тома. Рассказать ему все. Понял бы он, что мне необходимо принять это предложение?* Я взглянула на будильник на прикроватной тумбочке. Было три утра. Он, наверно, уже спит. Утром я первым делом позвоню ему.

На следующий день, как только я открыла глаза, сразу схватила телефон и набрала Джексона.

К моему удивлению, ответил не он. Это сделала девушка.

— Джексон там? — спросила я, мысленно интересуясь, не ошиблась ли я номером.

— Да, Джексон здесь, Он только что вышел из душа, — захихикала она. — Подождите, — я услышала шуршание на заднем плане.

— Да? — раздался голос Джексона в трубке.

— Хэй, Джекс. Это я.

— Хэй, Хло, — я услышала, как он тяжело вздохнул. — Я немного занят сейчас. Могу я перезвонить тебе позже? — он казался запыхавшимся, и я подумала, не прервала ли я большее, чем просто душ.

— Не уверена, что могу ждать еще одного *не-перезвоню* от тебя, — парировала я. — Это займет пару минут, — я была удивлена собственным словам, но я не позволю ему снова

положить трубку и не перезвонить. У меня всего двадцать четыре часа, чтобы принять решение, и я должна поговорить с ним об этом. Мне нужен мой лучший друг.

— Хорошо, но только давай по-быстрому, — пробубнил он себе под нос. — У меня здесь друг.

Его замечание немного задело меня, но я решила проигнорировать это. Пришло время приступить к самой сложной части. Я не думала о том, что скажу ему, или как все это преподнесу. Но сейчас уже не было времени, чтобы все продумать.

Глубоко вздохнув для храбрости, я спросила:

— Итак, парень, с которым я напилась и переспала прошлой ночью... Я никогда прежде его не встречала, у меня нет к нему чувств. Но все это произошло настолько быстро, и...

— Хло, прости, но я действительно не могу говорить прямо сейчас. Как я сказал вчера вечером, спать со случайными партнерами — часть ценного опыта в колледже. Это не имеет большого значения. Не будь такой серьезной все время, Хло. Ты не должна рассказывать мне о каждом парне, с которым спишь, и, если честно, я на самом деле не хочу этого знать.

— Но...

— Слушай, не хочу звучать как мудак, но в средней школе мы никогда не разговаривали друг с другом о тех, с кем встречались. Тебе, казалось, никогда не нравились девочки, с которыми я встречался, и я перестал рассказывать тебе о них. А теперь я чувствую то же самое. Я не хочу слушать про парней, с которыми ты меришь. Это не значит, что мы не лучшие друзья, и я не забочусь о тебе.

— Ты хочешь сказать, что все будет хорошо и ты не осудишь меня за секс со всеми парнями подряд, к которым у меня нет чувств? — спросила я с долей раздражения, чувствуя себя задетой сухим тоном, которым он говорил со мной.

— Нет, конечно, я не буду осуждать тебя. Нет ничего плохого в том, чтобы развлекаться в колледже. Ты слишком сильно переживаешь, Хло, и всегда переживала. Делая вывод из того, что ты мне вчера сказала, я думаю, что ты нашла выход и развлеклась, что было для тебя неплохо. Не будь так серьезна все время.

Я вспомнила последние несколько раз, когда пыталась дозвониться до него, и поняла, что у него было много развлечений в колледже. Так почему я чувствовала себя так плохо после секса с тем парнем? Я же не знала, что он решил, что я — эскорт. И почему это вообще так важно? Было ясно, что Джексон спал со всеми девушками подряд, и даже, как сказал Тайлер, занимался сексом с двумя девушками сразу. Если у него мог быть секс без каких-либо обязательств, почему этого не могло быть у меня? Джексон ясно дал понять, что мы свободны и ни перед кем не должны отчитываться. Так почему я чувствовала потребность получить одобрение от Джексона? Он когда-нибудь нуждался в моем одобрении?

— Хло? Ты все еще здесь? — голос Джексона прорвался сквозь мои мысли, впервые зазвучав обеспокоенно с начала нашего разговора. *Просто слишком мало и слишком поздно.*

— Да, Джекс. Я все еще здесь. Я уже давно борюсь с важным решением, но думаю, что ты только что все упростили. Так что, спасибо за это. Надеюсь, ты хорошо отдохнешь со своим другом.

— Все в порядке? Ты хочешь, чтобы я приехал, и мы могли поговорить?

Я была так смущена из-за того, как быстро он может переключаться из нормального в придурка, оставаясь моим лучшим другом. Но я поняла это слишком поздно. Он ничего не мог сказать, что изменило бы мое мнение. Просто он дал понять, что колледж был временем для веселья, ошибок и экспериментов. Если после того, как он узнает настоящую причину моего звонка, он поменяет свое мнение и скажет, что мы не должны спать в колледже со всеми подряд, я пойму, что он просто меня обманывает.

— Нет, Джекс, ты сказал мне все, что я хотела услышать. Тебе не надо приезжать ко мне. Я в порядке. Возвращайся к своим девочкам и удовольствиям. Мы поговорим позже.

Прежде чем он успел что-либо ответить, я завершила вызов. Я почувствовала странный прилив уверенности и убежденности в правильности своего решения. Прежде, чем смогла бы передумать, я быстро набрала другой номер.

— Алло?
— Мадам Селин?
— Да, говорите.
— Это Хлоя.
— Аааа, мисс Хлоя. Так вы приняли решение?

Мгновение я колебалась. Правильное ли я принимаю решение? Как бы отвечая на мой вопрос, я услышала голос Джексона в своей голове: «...спать со случайными партнерами — часть ценного опыта в колледже. Это не имеет большого значения. Не будь такой серьезной все время, Хло». Я вспомнила слезы облегчения тети Бетти, когда вчера отдала ей конверт, полный денег, и уже знала ответ.

— Да. Я берусь за эту работу, — смело ответила я.

— Это именно то, что я хотела услышать, дорогая, — ее голос был таким сладким и густым, словно мед.

В течение следующего получаса она пробежалась по всему, что я должна была знать, чтобы быть эскортом, — все, кроме того, как жить с таким позором. Когда разговор был завершен, я чувствовала себя разбитой и оцепеневшей. Когда я вошла в душ и горячая вода полилась на тело, я резко упала на пол, рыдая под напором воды. Но даже несмотря на слезы и страх, я была согласна с одним. Пути назад теперь не было. Теперь то, что подумает обо мне Джекс или кто-либо еще, было неважно. Мнение окружающих больше не было в списке моих приоритетов. Сейчас самое важное заключалось в том, чтобы сделать все, что в моих силах, и удостовериться, что мой эгоизм, проявленный в день рождения, не полностью разрушил жизни тех, кого я любила больше всего. Я собиралась удостовериться, что тетя Бетти и дядя Том не потеряют дом, даже если это будет последним, что я сделаю.

Глава 13

*Декабрь, 2003
Девятнадцать лет*

Джексон

Мы лежали рядом на лугу среди высокой травы и желтых полевых цветов под безоблачным прекрасным голубым небом. Я сразу понял, где мы находились. Это было одним из наших любимых мест, где мы проводили время, — парк с небольшим озером. То место, где при помощи замочка любви мы заключили договор о женитьбе друг на друге.

— Я люблю тебя, Хлоя. Всегда любил, — прошептал я ей и погладил ее лицо ладонью. В горле пересохло, и я затаил дыхание, ожидая ее ответа. Я знал, если она не ответит мне, будет так больно, что я не смогу этого вынести.

Обняв меня за шею, она притянула меня к себе. Хлоя улыбнулась мне, прежде чем поцеловать своими сладкими мягкими губами. На вкус они были как мед и ощущались такими мягкими, словно лепестки нежного цветка. Когда она посмотрела мне в глаза, то прошептала в ответ:

— Я тоже люблю тебя, Джекс. Я просто ждала, чтобы ты сказал это.

Почувствовав, как грудь распирает от счастья, я подумал, могла ли она слышать, как громко и только для нее сейчас бьется мое сердце.

Затем, к моему удивлению, она рассстегнула молнию на своей толстовке и показала мне свою обнаженную грудь. Это было самое красивое, что я когда-либо видел.

— Займись со мной любовью, Джекс, — попросила она, и я увидел потребность в ее глазах. Это была та самая потребность, которую я так долго держал в себе. Решив не тратить времени даром, я наклонил голову, чтобы впервые попробовать ее грудь.

Внезапно я был вырван из своего сна ревом моего звонящего будильника.

— Отключи эту проклятую штуку, детка, — застонала безымянная брюнетка, лежавшая рядом со мной. Она перекатилась на меня сверху, шлепнув своими огромными сиськами мне по лицу, и нажала кнопку выключения будильника. Она практически задушила меня, и мне пришлось открыть рот, чтобы сделать вдох.

— Ммм, детка. Так хорошо. Я люблю, как твой рот ощущается на мне. Хочешь по-быстрому перепихнуться перед занятиями?

Мой член был все еще твердым после сна о Хлое, но идея заняться сексом с другой девушкой, в то время как единственная, кого я хотел, была Хлоя, казалась неправильной. Убирая ее руки от себя, я произнес:

— Не сейчас. Профессор Билмен раздает задания в начале лекции. Я не могу опоздать.

Я попытился в душ, заперев за собой дверь, чтобы она не смогла последовать за мной. Не знаю, почему я позвал ее вчера вечером. Это была первая ночь, когда у меня было время, и первый раз, когда в доме братства ничего не происходило. Так что я был трезв. Мне даже удалось поймать Хлою. Я чувствовал себя дертым, слушая, через что она проходила, и ненавидел себя за то, что не был рядом, когда она звонила и писала. Я собирался сказать ей, что хочу навестить ее на этих выходных до начала финала. После развода моих родителей я вместе с мамой переехал в дом бабушки и дедушки в Вермонт и собирался провести зимние каникулы там, поэтому я не планировал вообще видеться с ней. Но когда я собрался приехать к ней, она напилась и переспала с каким-то парнем. Я никогда не думал, что она была той, кто напивается и спит со всеми подряд. Но, возможно, у нее была та же забава, что и у меня. Поэтому во время разговора с Хлоей я вспомнил о брюнетке, которая дала мне свой номер накануне вечером, и позвонил ей.

В какой-то момент, разговаривая с ней, у меня появилось желание сказать Хлое, что я чувствую к ней, что я люблю ее. Но я сдерживался точно так же, как все это долгое время. Я

хотел, чтобы она знала, но когда пришло время сказать, я просто не смог признаться. Что, если она сказала бы, что не любит меня. Или, что еще хуже, сказала бы, что любит только как друга. Я не был уверен, что смог бы принять отказ. Плюс, как только бы она узнала, что я чувствую, в нашей дружбе возникло бы напряжение. В конечном итоге, эта неловкость могла бы отдалить ее от меня, и я остался бы даже без друга. Все это не стоило риска. Было лучше оставить все, как есть. По крайней мере, мы остались лучшими друзьями, и она все еще была в моей жизни. И по-прежнему существовал наш уговор. Когда нам обоим исполнится тридцать, она обещала, что выйдет за меня. Я не мог представить, что полюблю кого-нибудь еще. Я знал, что могу продержаться до тех пор, пока мне не исполнится тридцать. Я просто надеялся, что она тоже сможет.

Глава 14

*Весна, 2005
Двадцать лет*

Хлоя

— Было так здорово встретиться с тобой на этой неделе, Чарли, — я улыбалась, отходя от своей машины.

— Взаимно, малышка! Не могу поверить, что тебе необходимо работать на весенних каникулах.

Я подарила ему легкую улыбку.

— Я не против. Все равно ничего не запланировано на весенние каникулы.

— О? А что делает Джексон?

— Его весенние каникулы начались на прошлой неделе, и он вместе с братьями из братства рванул в поездку в Канкун.

Чарли удивленно приподнял брови.

— Как так получилось, что ты не проводишь сумасшедшие весенние каникулы?

— Работа, помнишь? — я равнодушно пожала плечами.

— Тебе следовало закончить все дела на неделю раньше и провести каникулы с Джексоном, — дразнил он. — Ты не должна просто из-за какой-то работы пропускать все веселье.

— Девушка, находящаяся вместе с парнями из братства в поездке в Канкун, — засмеялась я. — Я так не думаю. Совершенно уверена, что в поездке они собираются вытворять такое, что не должны видеть девичьи очи.

— Вероятно, ты права, — засмеялся Чарли. — Ах, вот бы снова стать молодым и беззаботным.

— Да, — я знала, что в колледже у меня не было нормальной студенческой жизни, какая была у Джексона. Я не могу вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя молодой и беззаботной.

— Так как дела у вас с Джексоном? — он посмотрел на меня, и в его глазах я увидела намек на беспокойство.

— Что ты имеешь в виду?

— Вы, ребята, все еще лучшие друзья?

— Да. На первом курсе в нашей дружбе началась черная полоса, потому что мы не были на одной волне, когда уехали в разные университеты, но, я думаю, что с тех пор мы усвоили урок. Каждые пару недель мы пытаемся нагнать все, но очень трудно каждый день быть в жизни друг друга.

Он понимающе кивнул.

— Да, огромное расстояние только все усугубляет.

Я нахмурилась, задаваясь вопросом, говорил ли он о себе. Дядя Том упоминал, что его юридическая фирма в Чикаго позволила ему уйти, поскольку не было возможностей создать условий для работы на дому.

— Так или иначе, я свободно владею навыком помогать маме загружать посудомоечную машину.

— Ладно. Было так здорово встретиться с тобой на этой неделе, Чарли, — я остановилась возле него и обвила руками, крепко обнимая.

— Взаимно, Хлоя. Так, когда я увижу свою любимую кузину вновь?

— Может, через две недели? И для справки, я — твоя единственная кузина, но сочту это за комплимент, — я сморщила носик.

— Исправляюсь, — он не уступал мне в споре. — Ты моя единственная и *неповторимая* кузина. Но я должен тебя предупредить, у меня много дальних родственников, с которыми ты можешь посоревноваться за первенство. Поэтому не сильно обустраивайся на первом месте.

Я захихикала.

— Черт, это означает, что в следующий раз, когда увижу тебя, мне нужно продолжать быть милой с тобой? — поддразнила я его.

— Стоп, быть милой со мной? — его слова прозвучали с преувеличенным удивленным тоном.

— Ха, очень смешно, — с сарказмом ответила я. — Ну, скоро увидимся. И я надеюсь, что дома все будет хорошо.

Он пожал плечами.

— Не плохо. Жизнь довольно проста, особенно когда находишься в бессрочном отпуске.

Я улыбнулась ему, но внутри ощущала вину, которая постоянно жила там — в глубокой яме внутри меня. С момента несчастного случая прошло более года, и Чарли покинул больницу пять месяцев назад. С тех пор он проходит физиотерапию, приспосабливаясь к жизни в инвалидном кресле и вернувшись обратно в дом тети Бетти и дяди Тома.

После несчастного случая был период, когда Чарли не волновало его собственное состояние. В это время он был в глубокой депрессии. Он не хотел никого видеть и где-либо бывать. Это убивало тетю Бетти и дядю Тома — видеть его в таком состоянии, которое только усиливало вину, с которой я пыталась жить.

Но в какой-то момент он принял свою судьбу, и вернулся тот веселый и оптимистичный Чарли, с которым я росла. Он не сдавался, какие бы плохие вещи не происходили с ним. Тогда я была рада вновь видеть веселого Чарли, и его первые попытки сделать то-то полезное, несмотря на его состояние, только укрепили мое намерение продолжать свою работу в эскорте.

После того, как я попрощалась с Чарли и отогнала свой автомобиль с подъездной дорожки, я посмотрела на часы, чтобы проверить время. Я должна работать сегодня вечером в городе, и это новый клиент, поэтому я не хотела опоздать.

Прошел почти год с тех пор, как я стала официально работать в эскорте у мадам Селин. В то же время я не любила то, чем занималась, и после этого всегда нуждалась в горячем душе. Каждый раз, когда клиент уезжал, становилось все легче от осознания того, что я с ними делала. Самое важное, и я всегда буду себе это повторять, это то, что я делаю все это ради того, чтобы оплатить счета Чарли, сохранив при этом дом тети Бетти и дяди Тома. И то облегчение, которое я видела на их лицах, когда они получали ежемесячные почтовые переводы, заставляло меня двигаться дальше.

Когда я остановилась перед Отелем «Времена года» в центре Филадельфии, швейцар открыл для меня дверь моего автомобиля. Я отдала ему свои ключи и схватила сумочку с заднего сидения. В лобби я быстро заскочила в туалет, чтобы подготовиться, прежде чем подняться на лифте в гостиничный номер, следуя инструкциям мадам Селин, которые она послала мне электронной почтой.

Когда я добралась до номера 509, я заметила, что дверь была прикрыта на цепочку. В инструкции было указано, что мой новый клиент любит внедрять таинственность в свои фантазии, и я должна была удостовериться, что мы играем на равных.

— Привет? — позвала я мягким обольстительным голосом, когда легонько толкнула дверь и вошла внутрь. Комната была слабо освещена, на заднем плане играл джаз. Я увидела маленькую белую карточку и черную шелковую повязку для глаз на пульте. Я подошла к нему и прочитала записку:

Хлоя,

Я хочу, чтобы ты чувствовала все, что я сделаю с тобой этой ночью. Надень эту повязку на глаза и жди меня на кровати. Когда будешь готова, просто скажи мне, насколько ты готова для меня, и я выйду из ванной.

Йен.

Я устремила взгляд на закрытую дверь ванной. Вероятнее всего, мой клиент уже здесь.

Я почувствовала, что три глотка водки, которые я несколько минут назад сделала в туалете, начинают свое действие, ослабляя мое нежелание и пробуждая чувства. Я сделала глубокий вдох и мысленно приготовилась.

Как сказал Джекс. Мы оба свободны. Секс — просто часть студенческих экспериментов. Случайный секс не имеет большого значения. Не будь такой серьезной все время, Хло.

Я про себя повторила слова Джекса. За весь прошлый год это стало чем-то вроде мантры, которую я повторяла, прежде чем встретиться с клиентами.

Выдыхая, взяла повязку и пошла к кровати. Прежде чем надеть повязку на глаза, я эротично легла на кровать. Понимавшая прохладную ткань, я полностью «ослепла», и не могла не почувствовать себя напуганной и уязвимой. Но я быстро оттолкнула эти чувства и попыталась вернуть свой образ. *Это может быть немного не то, что сделала бы нормальная Хлоя, но сексуальной, предприимчивой и свободной Хлое нравится немного таинственности и веселья, и она планирует насладиться этим вечером.*

— Эй, малыш. Выходи и почувствуй, насколько я готова для тебя, — промурлыкала я самым сексуальным голосом.

Я услышала, как он вошел в комнату, и внезапно его дыхание прервалось, я знала, что ему понравилось то, что он увидел.

— Черт, ты красивей, чем я представлял.

Я удивленно вздохнула, почувствовав, как его грубые руки коснулись моего тела, словно я принадлежала ему.

— Что ты хочешь сделать со мной этой ночью? — спросила я, пытаясь оставаться в образе.

— Сегодня, детка, я собираюсь показать тебе, как настоящий мужчина трахает такую красотку, как ты. А сейчас, скажи мне, как ты хочешь трахнуться с настоящим мужчиной.

Что-то в его голосе заставило меня напрячься, и внезапно я почувствовала себя неловко. Но я быстро отодвинула тревогу в сторону и пожелала, чтобы действие водки как можно скорее начало играть во мне.

— Я хочу трахнуться с таким настоящим мужчиной как ты, малыш, — я улыбнулась Йену, показывая жестом, чтобы приблизился ближе. — Теперь покажи мне, что ты можешь.

Его не пришлось просить дважды, потому что секунду спустя я почувствовала его горячий влажный рот на своей голой шее и плечах. Он целовал мою грудь, медленно избавляя меня от платья, пока моя грудь не оказалась на свободе. Я задохнулась от удивления и удовольствия, когда он взял мои полные груди в свои крепкие руки и начал их ласкать.

Затем я почувствовала, как его голодный рот охватил мою грудь и по очереди всосал соски, щелкнув по ним нетерпеливо языком, когда застонал от удовольствия.

Я откинула голову назад и выгнула спину, приглашая его исследовать меня дальше.

— Блядь, ты восхитительна на вкус, — сказал он между рваными вдохами, и я знала, что он близок к потере контроля.

— Малыш, ты делаешь меня такой влажной, — промурлыкала я. Я коснулась его руки, притянула его вниз к своим бердам и провела его пальцем вдоль влажной ткани трусиков.

— Ты такая влажная для меня, сводишь с ума так, что я не могу ждать больше ни секунды, чтобы оказаться в тебе.

— Дай мне это, Йен. Покажи мне, как трахается настоящий мужчина, — поощрила я.

— Как только я тебя трахну, Хлоя, ты никогда этого не забудешь, — застонал он, и затем я услышала, как он разрывает обертку презерватива.

Я застонала в ожидании и выгнулась, показывая ему свое нетерпение.

Я вскрикнула, когда одним резким движением он широко раздвинул мои ноги и стянул мои трусики.

— Скажи мне, как сильно ты этого хочешь, — потребовал он, когда я почувствовала, как он водит членом вверх и вниз по моей влажности между бедер.

— Я хочу почувствовать тебя внутри себя, — выдохнула я.

Я услышала, как он застонал от удовольствия, погружаясь в меня одним быстрым толчком.

— Черт, малыш, ты такой твердый и большой, — вскрикивала я в такт его толчкам.

Он быстро вколачивался в меня, и, к моему удивлению, это не продлилось долго. Менее чем за минуту он достиг кульминации, когда погрузился в меня последний раз, прежде чем бурно кончить.

Секундой позже я услышала, как он, удовлетворенный, лег на кровать рядом со мной.

— Малыш, это было изумительно.

Он засмеялся.

— Не могу поверить, что твоя киска настолько тугая. Я хотел продержаться дольше, но ты свела меня с ума, и я полностью потерялся в тебе.

Я улыбнулась.

— Я здесь, чтобы сделать тебя счастливым, Йен.

— Теперь сними повязку с глаз, Хлоя. Это сделает меня счастливым.

Его просьба прозвучала резко, но я не думала об этом. Я повиновалась и сняла повязку.

Я повернулась, чтобы одарить Йена сексуальной улыбкой, но, когда увидела его взгляд, я ахнула и отскочила от него.

— Этого не может быть! — чувствуя тошноту, я не могла дышать.

Мужчина, который улыбался мне в ответ, мужчина, который был во мне, мужчина, который стал моим новым клиентом — Джон Пирс. Отец Джексона.

Он широко мне улыбнулся, затем встал и приблизился ко мне.

— Не играй со мной, Хлоя. Ты знала, что это я.

— Нет! — яростно покачала головой, не веря его заявлению, не веря, что он мой клиент и что он стоит прямо передо мной. — Я не знала, что это вы! Как вы можете говорить такое? — я быстро схватила свою одежду, чувствуя, как узел в моем животе становится все больше.

— Но мы были так близки в течение трех лет, ты должна была узнат звук моего голоса сейчас, — на его лице появилась почти злая усмешка, и я не была уверена, насмехался он надо мной или этот бред происходил на самом деле.

— Мистер Пирс, мы не можем этого делать, — я яростно потрясла головой, желая, чтобы последних пятнадцати минут не было.

— Хлоя, что я говорил тебе насчет того, что ты называешь меня мистер Пирс? Для тебя я Джон, — он засмеялся, — или Йен — это мое второе имя, в конце концов. Но после того как мы стали так близки, особенно за последние полчаса, я не думаю, что мистер Пирс звучит так уж уместно.

Внезапно я почувствовала, как скрутило живот, и рванула со всей скоростью, на которую была способна, в ванную. Я закрыла за собой дверь, прежде чем вывернуть свои внутренности наизнанку, чувствуя себя еще более больной, чем минуту назад.

Слезы текли по моему лицу и застилали глаза, я рыдала, пытаясь понять, как это произошло, почему это произошло.

Затем послышался стук в дверь.

— Хлоя, давай поговорим об этом. Впусти меня, — звал меня мистер Пирс по другую сторону двери.

— Мы можем поговорить и через закрытую дверь, — ответила я.

— Да ладно тебе, не веди себя так. Я не понимаю, почему ты так расстроилась. Мы не сделали ничего плохого.

Мы не сделали ничего плохого?

Я прокричала через зарытую дверь:

— Вы отец Джексона! То, что произошло, неправильно. Это запрещено.

Я услышала его смех.

— Запрещено? Запрещено кем? Мы — два одиноких взрослых человека, которые хорошо проводят время. И до того, как ты сняла повязку, я не думаю, что был единственным, кто хорошо проводил время сегодня. Что же произошло?

— Но вы отец Джексона... он... он мой лучший друг, — я почувствовала, как мое тело сковал шок.

— И? Кого волнует, что я отец Джексона. Это к нему не имеет никакого отношения.

— Но все это связано с ним! — услышала я свой крик.

— Почему? Джексон твой парень, а я не получил открытку? — в его тоне слышалась насмешка, которая причинила боль и в то же время возмутила меня.

— Нет, но...

— Ну, тогда продолжим. Вы с Джексоном просто друзья. Из того, что сказала мадам Селин, ты свободна. Поэтому объясни мне, что из всего этого является неправильным?

Я открыла рот, но тут же его закрыла. Я не была уверена в ответе, потому что у меня не было четкого ответа. Даже при том, что в юридическом смысле все это не было неправильным, я чувствовала, что очень неправильно заниматься сексом с мистером Пирсом.

— Спроси себя: если бы Джексон был девушкой, и вы бы были лучшими подругами с моей дочерью, ты бы так же думала, что наше взаимодействие было бы запретным или неправильным?

— Я... — я не знала, что сказать. В его словах была доля правды. Было что-то, что ощущалось неправильно в том, что мы сделали, потому что Джексон парень, и, возможно, я не ощущала бы этого так сильно, если бы он был девушкой. Но было так сложно понять, почему это что-то меняет.

— Тебе нравится Джексон или что-то типа этого?

Его вопрос должен был заставить меня чувствовать себя неловко. *Нравится Джексон? Как мой лучший друг?* Я не думала об этом ранее.

— Ну, должен тебе сказать, что ты должна остановиться и не тратить время впустую. Джексон видит в тебе сестру и друга, ничего больше.

Мысль, что Джексон относится ко мне как к сестре, расстроила меня больше, чем должна была.

Затем другая мысль пришла мне в голову.

— Как вы все это подстроили? Как вы нашли меня? И почему? Почему я? — вопросы сыпались из моего рта очень быстро, мой мозг пытался осознать то, что произошло сегодня. *Как жизнь могла все так перевернуть?*

— Ну, я недавно вышел на мадам Селин и ее услуги. После развода я на самом деле был одинок, и, откровенно говоря, возбужден. Поэтому я изучал портфолио девушек, и не мог поверить своим глазам, когда увидел твое фото на страницах, — он сделал громкий вздох удовлетворения, я была уверена, что он прислонился к двери, которая отделяла нас друг от друга, пока говорил.

— Но почему я? — повторила я вопрос. — Есть много других, намного более популярных у мадам Селин, чем я. Почему вы выбрали меня? Вы знаете меня с тех пор, как я была ребенком. Это был решающий момент в выборе девушки из портфолио?

— Хлоя, сейчас это глупый вопрос. Ты должна была знать, что я наблюдал за тобой с тех пор, как тебе исполнилось шестнадцать. Мой сын идиот, что ничего не предпринял по отношению к тебе. Я пытался показать тебе, что чувствую, но ты была так невинна, чтобы это понять. Ты понятия не имеешь, как эта невинность сводила меня с ума. Я реально был разочарован, что ты не приезжала проведать меня, когда училась в Пенне. Думаю, ты не поняла моих намеков. Поэтому, я был приятно удивлен, когда искал на длительное время девушку без каких-либо условий у мадам Селин и увидел твое фото. Черт, Хлои, должен сказать, что те фото, которые есть у мадам Селин в портфолио, удивительные, но ничто не сравнится с тем, чтобы видеть тебя во плоти и чувствовать, как ты отвечаешь на мои прикосновения и мое тело.

Слушая его, я почувствовала слабость, и все воспоминания о его странном поведении, когда мы были вдвоем, нахлынули на меня и пролили свет на те давние события. Я обвила

руками колени, прижимая их к себе, и начала раскачиваться на полу, пытаясь навсегда это все стереть из памяти.

— Почему вы хотели, чтобы я не видела вас? Почему вы заставили меня заниматься с вами сексом, не говоря мне о том, кто вы есть на самом деле?

— Потому что хотел показать тебе, как может быть нам здорово вдвоем, чтобы ты отпустила чувства к Джексону и не судила себя строго. Если бы он действительно был в тебе заинтересован, он бы уже давным-давно сделал хоть что-то. Поэтому, раз ты одна и развлекаешься, предоставляя свою тугую киску другим мужчинам, почему не позволить полакомиться ею и мне?

Больше я не могла этого слушать. Я хотела, нет, я нуждалась в том, чтобы он убрался отсюда. Я просто не могла слушать то, что он говорил, ни секундой больше. Я встала, сделала глубокий вдох, чтобы успокоить нервы, и открыла дверь.

Его глаза засияли, когда он увидел меня, но я не дала ему шанса сказать хоть слово.

— Не смей ко мне прикасаться, черт тебя побери! — со всей силы, что была у меня, я обеими руками оттолкнула его с дороги. Когда он отступил назад, я пробежала мимо него и выбежала из номера 509 с такой скоростью, которую только могла развить, не смея обернуться назад.

Когда мою машину подали, я быстро расплатилась и помчалась прочь. Только когда я была в нескольких километрах от отеля, я, наконец, сбавила скорость.

Я остановилась и попыталась успокоиться. Это не могло больше повториться. Я взяла телефон и набрала номер мадам Селин.

— Алло?

— Мадам Селин, это Хлоя Синклер. Я знаю, что уже немного поздно для звонков, — я посмотрела на часы и увидела, что уже десять двадцать, — но у меня чрезвычайная ситуация.

— В чем дело, Хлои? Разве ты не должна быть сейчас с клиентом? — я могла слышать беспокойство в ее голосе.

— На самом деле, поэтому и звоню.

— В чем дело? Ты встретилась с ним? Все нормально?

— Да, я встретилась с ним, но не все нормально. Я знаю этого клиента в повседневной жизни.

— Тaaак?

— Он отец моего лучшего друга. Я знаю его с тех пор, как мне исполнилось семь.

— И? — стало понятно, что она не видит в этом проблемы. — Он жаловался? Разве он не знал, что это ты?

— Нет, все просто. Он знал, что это я, когда записывался. Но мы не можем снова с ним видеться.

— Это то, чего он хочет?

— Я не знаю. Это имеет значение? Я говорю вам, что я не могу с ним больше видеться! Он не может снова стать моим клиентом.

— Хлоя, если нет других вопросов или чего-то, что я могу использовать, чтобы сказать клиенту, что он не может получить то, что хочет, — или уже получил, — боюсь, что это не тот вопрос, с которым я могу согласиться. Он новый клиент, но с его связями я рассматриваю его как постоянного клиента, и хочу сделать его счастливым, а также сохранить свой бизнес и развивать его. Плюс, как гласит мой девиз: «Клиент на первом месте».

Я хотела ей сказать, что ее девиз «Клиент Кончает Первым», но я не думала, что спор на этот счет помог бы в решении данной проблемы. Я решила не зацикливаться на этой мысли, и вместо этого продолжила:

— Что, если я не хочу его снова видеть? Может, он просто выберет кого-то другого?

— Хлоя, позволь мне кое-что сказать тебе всего один раз, — в ее голосе слышалось растущее нетерпение. — Кто твой клиент — не тебе решать. Поэтому, если клиент хочет видеть тебя, ты будешь с ним видеться, и ты будешь улыбаться ему при встрече и с улыбкой сидеть на его бедрах, широко расставив ноги для его удовольствия.

Я с трудом сглотнула.

— Значит, нет ничего, что я могу сделать, чтобы предотвратить это?

— Нет, ты не можешь выбирать, с кем быть. Если этот клиент захочет снова тебя увидеть, а ты откажешься, я должна буду расторгнуть наш договор и лишить тебя должности в агентстве. Я должна напоминать тебе о контракте?

— Нет, не должны. Думаю, вы ясно дали понять, какие у меня есть варианты.

Мое соглашение с мадам Селин уникально, и прежде, чем я согласилась быть одной из ее девушек примерно год назад, мы составили контракт, в котором было множество условий.

Во-первых, она согласилась на мою просьбу, чтобы количество клиентов и «свиданий» у меня было минимально по сравнению с другими девушками. Я училась в колледже и вступила в несколько групп, пока училась в кампусе во время первого курса. Я просто хотела оплачивать ежемесячные медицинские счета, которые приходили тете Бетти и дяде Тому.

Во-вторых, и это уникальная часть соглашения, я согласилась работать на срок два года в обмен на 500 000 долларов, с вычетом всех налогов и взносов, которые будут выплачены непосредственно тете Бетти и дяде Тому. В итоге, эта сумма должна окупить все медицинские счета тети Бетти и дяди Тома. В соответствии с контрактом, мадам Селин обратилась к тете Бетти и дяде Тому в прошлом году, чтобы сообщить им, что они были победителями гран-при лотереи, в которую они играли год назад в торговом центре. Хоть дядя Том и тетя Бетти не могли вспомнить никакую лотерею, они ничего не заподозрили и были более чем счастливы принимать платежи в двухлетнюю рассрочку. В соответствии с контрактом, если бы я перестала работать в эскорте прежде, чем закончится срок соглашения, ежемесячные платежи немедленно прекратились бы.

Такой срок моего контракта с мадам Селин был моей идеей. Это был единственный способ, которым я могла гарантировать, что дядя Том и тетя Бетти примут такую сумму, не подвергая сомнению источник. Проще убедить тетю Бетти, что некоторую сумму мне удалось скопить, а не то, что я заработала полмиллиона долларов.

Была еще одна причина, почему я не хотела, чтобы тетя Бетти и дядя Том знали, что именно являлось источником дохода. Я не имела права даже рассматривать вариант своего геройства, что приехала и спасла их от финансового кризиса, когда я была причиной того, почему они были в такой тяжелой финансовой ситуации.

Когда я убирала телефон, завершив звонок с мадам Селин, я знала, что, если хочу, чтобы тетя Бетти и дядя Том так и продолжили получать все эти деньги, я должна буду видеться с мистером Пирсон, если он потребует этого. Если он откажется меня видеть, мадам Селин разорвет со мной контракт, и я больше не буду эскортом для ее агентства, а дядя Том и тетя Бетти перестанут получать деньги, и, вероятнее всего, потеряют дом.

Я была в замешательстве и понятия не имела, что делать. Оставался еще год моему контракту с мадам Селин и примерно четверть миллиона долларов неоплаченных счетов. Я знала, что не было ни единого шанса оплатить их, и за год так много я не добуду.

Но он отец Джексона. Как я могу продолжать все это? Я не могу так поступить с Джексоном!

Я чувствовала, что разрывалась между обязательствами перед тетей Бетти, дядей Томом и Чарли. И Джексоном. Как я могла выбирать между ними?

Я не знала, что собиралась делать, но точно знала одно: я должна встретиться с Джексоном и рассказать ему, что произошло.

Было такое ощущение, что мои глаза сухие и тяжелые, когда я заглотила еще одну порцию утреннего кофе. Было почти десять утра следующего дня, и я в нескольких минутах от студенческого городка Джексона. Не в силах заснуть прошлой ночью, я уехала из Филадельфии, когда не было еще и пяти часов утра. Во время пятичасовой езды я много раз проиграла в памяти все, что произошло накануне.

Я знала, что должна поговорить с Джексоном. Раньше он говорил, что не хочет слышать о парнях, с которыми я спала, но, я думала, что в этом случае он сделает исключение. Он не захотел бы думать обо мне, трахающейся с его отцом, и не было ничего, что я хотела бы утаить от него.

Когда я притормозила возле дома братства, я увидела нескольких парней во дворе, собирающих пустые бутылки и красные одноразовые стаканчики, которые валялись там с прошлой ночи. «Должно быть, вечеринка», — подумала я про себя.

Я проверила телефон, посмотрев, ответил ли мне Джексон на сообщение, в котором я сообщила, что приеду. Ничего.

Входная дверь уже была открыта, и я решила проверить, проснулся ли он. Я знала, что поступила как сумасшедшая, явившись без приглашения, но после того, что произошло вчера, я просто обязана была рассказать Джексону все и как можно скорее.

Кроме нескольких парней и девушек, спящих на диване, первый этаж был пуст. Я направилась в комнату Джексона, помня ее расположение с того времени, когда навещала его в прошлом году, когда он жил здесь.

Когда я добралась до его двери, мне показалось, что я услышала его голос. Но когда я постучала, мне никто не ответил. *Может, он не услышал меня.* Без задней мысли я открыла дверь и вошла.

От увиденного у меня перехватило дыхание. Но мое удушье было прервано громким криком обнаженной девушки с длинными светлыми и выющиеся волосами. Она раскачивалась на Джексоне, скакала на нем так, словно завтрашний день не наступит. Руками Джексон обхватывал ее талию, в то время как движениями бедер повторял ее движения.

Я попыталась выйти из комнаты, прежде чем они увидели бы меня, стоящей здесь, но было слишком поздно.

— Блядь! Хлоя? Что, черт побери, ты здесь делаешь? — закричал Джексон, когда его взгляд встретился с моим, и я увидела, как он отодвинул свою блондинку.

Я быстро отвела взгляд от твердой груди Джексона и огромного, пульсирующего члена, чувствуя, как запылали мои щеки при виде него, а мое тело отреагировало так, как никогда ранее. *Почему я завелась, увидев его голым? Он мой лучший друг!*

Но когда я повернулась к ним, мои глаза встретились с глазами человека, которого я последним ожидала здесь увидеть, и я напряглась при виде нее.

— Разве тебя не учили стучать, Хлоя? Или вас этому парни из Пенна не обучают? — Эмбер одарила меня снисходительной улыбкой, когда положила руки на свои упругие бедра.

Эмбер и Джексон? Шок сковал меня, когда я смотрела на них, не в силах поверить своим глазам.

— Хло, что ты здесь делаешь? — потребовал Джексон, надевая свои боксеры.

Из-за страха потерять его навсегда, я закусила губу, чтобы сдержать слезы. Чувство предательства, отверженности и разочарования внезапно прошли сквозь меня. Я встретила пристальный взгляд Джексона и чувство вины, которое было на его лице, причинило еще больше боли. Но я отказалась позволить им увидеть, как расстроил меня этот момент. Прежде чем я позволила слезам покатиться по щекам, я развернулась и выбежала из комнаты, оставив позади своего лучшего друга и свою Немезиду детства. (*Примеч. Немезида (Немесида, др.— греч. Νέμεσις) — в древнегреческой мифологии крылатая богиня возмездия, карающая за нарушение общественных и моральных норм*).

Пока я бежала к входной двери, образы их обнаженных тел проносились перед моими глазами. *Мы не вместе! Мы оба свободны! Это просто глупый детский договор!*

Глава 15

*Весна, 2005
Двадцать лет*

Джексон

Я был в секунде от кульминационного момента, когда увидел Хлою, стоящую в дверном проеме и в шоке уставившуюся на нас.

— Блядь! Хлои? Что, черт побери, ты здесь делаешь? — я отпихнул от себя Эмбер, сообразив, как, должно быть, отвратительно это выглядит для Хлои.

Я видел выражение ее лица, когда она увидела, что девушки были Эмбер.

Я хотел что-то сказать, но Эмбер опередила меня.

— Разве тебя не учили стучать, Хлоя? Или вас этому парни из Пенна не обучаю?

В этот момент я хотел ударить Эмбер по лицу из-за того, что она сказала моей лучшей подруге. *Она всегда так разговаривала с ней? Она думает, что я буду это одобрять просто потому, что я трахаю ее?* Я хотел проклинать Эмбер, но один взгляд на Хлою сказал мне, что мне следовало помалкивать.

— Хло, что ты здесь делаешь? — я схватил свои боксеры и быстро натянул их, чувствуя себя непривычно смущенным из-за того, что меня застукали голым. *Ей понравилось то, что она увидела? Мог ли я завести ее?*

Я наблюдал за Хлоей с надеждой, ожидая, что она скажет хоть что-нибудь. Но она просто молча уставилась на меня, прикусывая нижнюю губу, как обычно делала, когда сдерживала себя, чтобы не сказать мне чего-либо. Боль и разочарование затопили ее глаза, и от этого моя грудь наполнилась чувством вины и стыдом.

Прежде, чем я успел сказать что-либо, она внезапно развернулась и выбежала из моей комнаты. Я вскочил на ноги, готовый бежать за ней. Но Эмбер оказалась передо мной, прижав ладони к груди, останавливая меня.

— Мы должны позволить ей уйти. Она не должна была увидеть нас вот так. Нет ничего, что мы можем ей сказать, чтобы ей стало лучше.

— О чём, черт возьми, ты говоришь, Эмбер? — я сбросил ее руку, отвечая. — *Нас* нет, и я не стал бы на твоем месте ожидать, чтобы «мы» когда-нибудь появились.

Эмбер вздрогнула после моих слов, и я увидел негодование и потрясение на ее лице от того, что я даже не рассматривал такой вариант. Тогда я понял, что никогда прежде не огрызлся ей в ответ. Я всегда думал, что она повзрослела и не была злой эгоисткой, какой была в школе. Но когда я увидел, как она смотрела на Хлою несколько минут назад, я понял, что Хлоя была права. Эмбер не изменилась, не стала лучше, она даже хуже, чем была раньше.

Не говоря больше Эмбер ни слова, я оттолкнул ее и побежал за Хлои.

К тому моменту, как я добрался до выхода, Хлои уже была в машине, готовая завести двигатель.

— Хло! — позвал я, останавливая ее, когда подбегал к ее машине.

Она посмотрела на меня, и моя грудь сжалась при виде ее покрасневших глаз.

— Это была плохая идея, Джексон. Я не должна была так вламываться.

— Нет, все в порядке. Хло, выходи из машины и давай поговорим. Я знаю, ты не приехала бы в такую даль, чтобы увидеть меня, если бы это не было важно. Что случилось?

Но она проигнорировала мой вопрос и впилась в меня взглядом.

— Почему ты спиши с Эмбер? Как ты мог со мной так поступить?

Я вздрогнул от ее вопроса и внезапно почувствовал, что должен защититься.

— Хло, я знаю, что она тебе не нравится, и, честно говоря, мне на нее плевать, но это просто секс.

— Но как ты мог заняться сексом с *ней* из всех других людей?

Ее вопрос снова заставил меня почувствовать, что я должен защищаться. Я не знал почему, но у меня проснулось желание извиниться. Но за что я должен был извиниться? Что трахался с девушкой, которая ей не нравилась? *Но она не моя девушка! Я не извиняюсь, если не сделал ничего плохого.*

— Слушай, она просто приехала на вечеринку вчера вечером, и мы перебрали. Это просто секс. Это не имеет никакого значения. Я не предпочел ее тебе. Ты всегда будешь моим лучшим другом, она просто времяпрепровождение. Ты не должна из-за этого расстраиваться или плакать.

Я надеялся, что она расслабится после того, как я заверил ее, но вместо этого ее выражение лица стало каменным и ничего не выражало.

— Я знаю, что мы просто лучшие друзья и ты считаешь меня своей сестрой, и, возможно, поэтому тебе не нравится говорить со мной о нашей сексуальной жизни, но, может, ты мне честно скажешь, что не видишь ничего плохого в сексе с Эмбер?

Сестра? О чём она? *Она рассматривает меня только как своего брата?* Я был так ошарашен комментарием, что не понял вторую часть ее вопроса.

— Что ты спросила?

Я видел, как ее лицо исказилось от раздражения.

— Я спросила, ты правда считаешь, что не сделал ничего плохого, переспав с Эмбер? Ты знаешь, что она мне не нравится. Ты знаешь, как она всегда ко мне относилась.

Я выдохнул, почувствовав, что мы ходим по кругу.

— Хло, я не пытаюсь быть задницей сейчас, но я действительно не понимаю, почему ты так расстроена. Я не вижу ничего плохого в случайном сексе с кем-то. Это не имеет никакого отношения к нашей дружбе, это вообще не затрагивает нашу дружбу.

— Как ты сказал? — парировала она, требуя разъяснения. — Как это может *не* затрагивать нашу дружбу? Ты просто трахал девушку, которая противна мне.

Теперь я был раздражен. Как она могла быть так расстроена из-за меня? Не похоже, что мы были в отношениях или еще что. Не похоже, чтобы я ей изменял.

— Поскольку это *просто* секс, Хло, я не знаю, что еще сказать. Это просто секс, и он не имеет никакого отношения к нашей дружбе. Мы с ней не были друзьями, прежде чем я ее трахнул. Наша дружба и мои чувства к тебе не изменились из-за того, что я ее трахнул.

— Тогда позволь уточнить. Из того, что ты сказал, я могу спать с кем хочу, когда хочу, даже если это кто-то, с кем ты не хочешь, чтобы я спала? И мне не нужно твое одобрение, потому что это просто секс и он ничего не значит?

Я не был уверен, чего она добивалась своими вопросами, но мог точно сказать, что она была расстроена. Поэтому я согласился с ней, ничего не спрашивая. Я устал от того, что мы спорили из-за чего-то столь глупого.

— Все правильно. Я не могу говорить тебе, с кем ты должна или не должна спать. Это твое решение. И, честно говоря, я реально не хочу знать.

— Тебе следует вернуться к Эмбер, — категорично заявила она, когда посмотрела вперед и завела мотор. — Я не хочу, чтобы у нее сложилось неверное представление о нас.

Я был смущен и ранен ее словами. Если это не был способ сказать мне, что она во мне не заинтересована, то я не был уверен, что это такое. Но я хотел проверить ее в последний раз.

— Хло, мы оба свободны. Я знаю, что ты спишь со случайными парнями, как я сплю со случайными девушками. Почему ты так расстроена из-за Эмбер? Ты ревнуешь?

Я хотел, чтобы она ответила утвердительно, но она этого не сделала. Вместо этого она закрыла глаза и холодно произнесла:

— Я приехала сюда, потому что хотела сказать тебе, что мне плохо, и думала, что это коснется нашей дружбы. Хотела рассказать тебе обо всем как можно скорее. Но после этого утра, думаю, что была не права насчет этого. Ты дал понять, что с кем бы мы ни спали, это никак не влияет на нашу дружбу. Так что, благодарю, что сэкономил мои силы для этого разговора.

Я хотел спросить, что она имела в виду, но прежде, чем успел, она уехала. Я наблюдал, как она уезжала прочь, задаваясь вопросом, к чему все это было. Она кого-то встретила, кто ее заинтересовал? Она приехала, чтобы сказать мне о нем, о том, как сильно любит его, или любила? И что я так или иначе толкнул ее в объятия того парня? В груди защемило от этой мысли, и я задался вопросом, осознавая свой наисильнейший страх: влюбилась ли Хлои и выйдет ли замуж до того, как ей исполнится тридцать?

Глава 16

*Наши дни
Тридцать лет*

Хлоя

— Хэй, Чарли, — я пыталась казаться веселой, когда зашла в дом и увидела Чарли за обеденным столом. У меня не выходило из головы столкновение с Джексоном, а приветливое отношение, которым он одарил меня, отдавало болью в сердце, и мне становилось трудно дышать, когда я думала о нем. Его сегодняшние слова жалили меня больше, чем, как я думала, вообще было возможно. И хуже всего то, что он всегда покупал тюльпаны для меня, когда мне было грустно, и казалось нелепым, что этот букет был причиной моей нынешней грусти.

— Привет, малышка. Я слышал, что прошлым вечером ты упала в обморок. Ты в порядке? Я натянуто улыбнулась.

— Да, все в порядке. Просто обезвоживание. Ничего серьезного, — я подошла к столу и улыбка осветила мое лицо. — Это то самое новое дело, о котором ты говорил мне на днях?

Чарли улыбнулся от уха до уха, когда посмотрел на меня.

— Да. Это новый экологический проект, который город реализует вдоль реки Шуквилил. В проекте есть много важных правовых моментов, поэтому они наняли меня, чтобы помочь в исследовании.

— Это здорово, Чарли. Это, похоже, шестой проект, который они отправили тебе за последние пять лет?

— Да, это невероятно — снова работать. Я не могу поверить, насколько скучал по этому — по чувству содействия кому-то в чем-то, по тому, чтобы снова быть полноценным членом общества.

Я могла сказать, что он был безумно счастлив, и осознание того, что его жизнь была не совсем разрушена моим эгоизмом несколько лет назад, почти вызвало слезы на глазах.

— Так, мама сказала, что ты подумываешь вернуться обратно в Филли?

— Да, — пожала я плечами, — ЛА не оказалось таким местом, каким я его себе представляла. Поэтому, ребята, какое-то время я буду жить с вами, пока буду перевозить все вещи.

— Это великолепно. Полагаю, ты заберешь свою комнату обратно себе, — он сделал вид, что расстроен.

Я хихикнула.

— Изначально это была твоя комната. Я не против остановиться в гостевой комнате.

— Хах. Я не хочу эту комнату. Ты можешь жить там. После того, как отец расклеил звезды на потолке, эта комната никак не напоминает комнату парня. Поэтому, малышка, она твоя.

Я обрадовалась, осознавая, что он просто сказал, что позволяет мне вернуться в эту комнату.

— Спасибо, Чарли. Ты лучший.

— Да, скажи мне что-то, чего я не знаю, — он подмигнул мне, прежде чем вернулся к работе.

Чувствуя себя немного лучше после разговора с Чарли, я решила прогуляться, чтобы прочистить голову и подумать, что делать со своей дальнейшей жизнью. Когда я открыла входную дверь, мое дыхание застряло в легких при виде того, кто направлялся ко мне по подъездной дорожке.

Я не могла поверить своим глазам. Это был Джексон.

Он встретил и удержал мой взгляд, и на мгновение я замерла, задумавшись о том, что он здесь делает. Тетя Бетти не вернется домой еще до завтрашнего дня, так что он не может здесь быть из-за нее. Возможно ли, что он был здесь, чтобы увидеть меня? Я даже не отважусь

понадеяться на это, не после моих последних попыток поговорить с ним. Он совершенно ясно дал мне понять, что ненавидит меня, и не было ничего, что бы я могла сказать, дабы изменить это.

Но тогда что он делал здесь? Решив бросить предостережение на ветер, рискуя вновь разбить себе сердце, я заставила свои ноги двигаться вперед, чтобы встретить его на полпути.

— Привет, Хло, — мягко сказал он, когда мы остановились друг напротив друга.

Мое сердце затрепетало, когда я услышала свое прозвище, слетевшее с его губ. *Что это значит?*

— Привет, — прохрипела я простое слово, всматриваясь в его глаза и пытаясь прочесть мысли. — Что ты здесь делаешь?

— Я просто возвращался из больницы.

— Ладно, — я почувствовала, как нервы сковали меня, пробегая по телу. — Разве ты не должен сейчас ехать на поезде, возвращаясь в Нью-Йорк?

Странная улыбка появилась на его губах, и я не могла понять, о чем он думал.

— Я передумал. Есть кое-что, почему я должен здесь остаться.

— О, да? — я почувствовала разочарование из-за его слов. Вчера на свадьбе он встретил девушку, которой заинтересовался?

— Так, ты знаешь, как я сказал ранее, что не уверен, готов ли поговорить с тобой?

— Да.

— Ну, сейчас я готов... если ты все еще готова поговорить со мной.

Мгновение я просто стояла и смотрела на него, молча думая о том, правильно ли все услышала.

— Да, — мягко отвечаю я. — Я хочу поговорить.

Мы стояли в тишине, ожидая, что кто-то заговорит первым. Тогда мне пришло в голову, что я все время хотела поговорить с Джексоном о том, что произошло несколько лет назад, но никогда не думала, о чем мы говорили, когда вообще разговаривали.

— Эмм. Так, о чём ты хочешь поговорить? — спросила я, надеясь, что ему было что сказать.

— На самом деле, я еще не придумал, — я смотрела на него, как он повернулся и посмотрел через плечо, прежде чем вновь взглянул на меня и продолжил. — Хороший день для прогулки. Хочешь прогуляться?

Я кивнула.

Несколько минут мы шли в тишине. Мы смотрели вперед, но украдкой поглядывали друг на друга, думая, что никто этого не замечает.

Затем он сказал:

— Прости, Хло.

Я произнесла:

— Прости, Джекс.

Я слабо ему улыбнулась. К моему удивлению, он хихикнул и одарил меня своей ребяческой улыбкой.

— Хло, твоя тетя рассказала мне кое-что сегодня, что имело смысл, и это действительно заставило меня задуматься, что с нами произошло десять лет назад.

— Оу? Что она сказала? — я чувствовала, как нервы сковали мой позвоночник. Я не была готова к тому, что, возможно, тетя Бетти что-то могла рассказать Джексону.

— Она сказала, что я должен услышать твою версию этой истории, что на самом деле все не так просто, как я думал.

— Да, не просто, — мягко согласилась я.

— Прости, Хло. Я знаю, что могу быть довольно упрямым и опрометчивым, резким, часто делаю поспешные выводы. После разговора с тетей Бетти я понял, что никогда не слушал твою версию произошедшего. Так не поступает лучший друг. И вспоминая те два года до того дня с моим отцом, я помню все моменты, когда ты писала сообщения, а я игнорировал тебя, потому что был глуп и так строил свой мир, чтобы потом понять, что все это неправильно. Я помнил

все моменты, когда ты прямо говорила мне, что я нужен тебе, а я не слушал, не ценил твои слова. Я не был рядом, не знал, что происходило в твоей жизни. И все же я затыкал тебя и не давал даже шанса рассказать мне о том, что произошло, — он стыдливо отвел взгляд.

Тронутая его словами, я почувствовала, как потянулось к нему мое сердце.

— Все в порядке, Джекс. Я не всегда была сильна в том, чтобы быть тебе лучшим другом. Я позволяла гордости диктовать мне многие вещи, которые произошли, и, возможно, была столь же упрямая, как ты.

Он вздохнул.

— Я не могу поверить, что мне потребовалось десять лет и «удар по голове» от тети Бетти, чтобы, наконец, сесть и выслушать тебя. Я полный идиот.

— Не могу не согласиться, — он повернулся, чтобы посмотреть на меня, и я захихикала, а затем пожала плечами. — Это правда.

Он хмыкнул и кивнул.

— Да, правда. Но я здесь, чтобы выслушать сейчас, Хло. Ты можешь сказать мне все, что случилось в тот первый год в колледже? Как все это могло случиться с нами?

В течение следующего получаса я рассказывала ему о том, что произошло после того, как он не появился на мой день рождения, о том, как одиноко мне было, и как я была переполнена виной из-за того, что заставила тетю Бетти, дядю Тома и Чарли приехать ко мне. Я рассказала ему о случае с медицинскими счетами Чарли, об угрозе потерять дом. Рассказала о том, что была расстроена, когда он не отвечал на мои звонки или сообщения, о случайной связи, о том, как незнакомец подумал, что я эскорт, и как я начала заниматься этим, чтобы оплачивать медицинские счета Чарли. И, наконец, самую трудную часть, которую должна рассказать, — о его отце, как он заставил меня закрыть глаза, чтобы я его не видела, поэтому я не знала, что это был он.

Я видела муку и гнев в глазах Джексона, когда рассказывала всю историю. Я знала, что это не то, что любой из нас хотел бы услышать о собственном отце.

— Мне жаль, что я причинила тебе боль, Джекс, — мягко сказала я. — Я никогда не хотела, чтобы ты узнал об этом именно так. Я хотела рассказать тебе, особенно то, что произошло с твоим отцом.

— Так почему ты не рассказала мне о том, что произошло с ним? — в его голосе слышалась смесь гнева, разочарования и горя.

— Я пыталась, — заверила я его. — Я хотела рассказать сразу, как только это произошло.

— Но тогда почему ты этого не сделала?

Я сделала паузу, поскольку неприятные чувства с тех времен нахлынули на меня.

— Я пыталась это сделать сразу, как узнала, что это твой папа. Я не могла спать той ночью и уехала из Филли затемно, чтобы приехать в Гарвард утром. Я надеялась, что к тому времени ты уже будешь на ногах.

Он нахмурился.

— Я не помню, что ты приезжала, чтобы рассказать мне что-то.

Я откашлялась.

— Это был тот раз, когда я неожиданно заявилась к тебе. Ты занимался сексом с Эмбер, а потом у нас был спор по этому поводу.

Последовала минута молчания, как будто он снова и снова проигрывал в голове этот момент. Затем внезапно выражение его лица полностью изменилось. За пониманием последовало выражение шока, которое исказило его лицо. Наконец, он повернулся, чтобы посмотреть на меня полными отчаяния глазами, и пробормотал низким, измученным тоном:

— Я сказал тебе, что не хочу знать... Я сам подтолкнул тебя к нему.

Может, это было инстинктивно, а может и привычка, но пока мы гуляли и разговаривали обо всем, что произошло в колледже, мы оказались на озере, которое было недалеко от наших домов.

Когда я поймала взгляд Джексона, поняла, что каждая частичка этого любимого парка заключена в нем. Это место располагалось меньше чем в километре от нашего квартала, и раньше мы приезжали сюда на несколько часов. Он учил меня спускаться со скалы к озеру в том месте, где склон был пологим в сравнении с остальной поверхностью. Я все еще помню чистое удовлетворение, когда наблюдала за брошенным камушком, который пять раз подпрыгивал по поверхности воды, прежде чем исчезнуть.

— Я любил кормить здесь уток, когда мы были моложе, — слова Джексона прервали мои мысли, и я улыбнулась. Он тоже вспоминал о тех удивительных временах, которые прошли здесь.

— Я тоже, — прошептала я. Наши глаза встретились, когда мы улыбнулись, и я увидела знакомое тепло в его насыщенных изумрудных глазах, по которым так тосковала в течение последнего десятилетия.

— Помнишь случай, когда ты упала в озеро, и мне пришлось тебя спасать? — он засмеялся над воспоминанием, затем на его лице появилось задумчивое выражение.

— Эм, нет, Джекс, — я хмуро посмотрела на него. — Я не *падала* в озеро. Ты *толкнул* меня, а затем попытался изобразить героя, когда спасал меня, помнишь?

— Правда? — он нахмурился, пытаясь вспомнить.

— Да, — сказала я, выразительно глядя на него. — Ты думал, что будет забавно разыграть сцену из «Черепашек ниндзя». Но единственной проблемой было то, что до того, как толкнул меня, ты забыл сказать мне, что в этом был твой план. На самом деле, ты просто меня столкнул и только потом сказал, когда уже я закричала, — я сгримасничала, когда его лицо засветилось, что означало, что он вспомнил.

— О, да, — он засмеялся. — Думаю, мальчишки остаются мальчишками, — он пожал плечами и подарил мне одну из своих милых усмешек.

Я закатила глаза.

— Это твое оправдание всему.

Он засмеялся, но затем резко остановился, глядя прямо на меня.

— Я скучал по тебе, Хло, — в его глазах бушевали эмоции, когда я пристально посмотрела на него.

Такие простые и искренние слова были всем, что потребовалось для того, чтобы слезы зашипали глаза.

— Я тоже скучала по тебе, Джекс.

Мы молча улыбнулись, всматриваясь в лица друг в друга.

— Эй, позволь мне кое-что попробовать, — внезапно сказал он, делая шаг в мою сторону. Наши лица оказались так близко. Он удерживал мой взгляд, не говоря ни слова.

Я нахмурилась, немного нервничая из-за его интенсивного взгляда и близости его тела к моему.

Но он, кажется, не замечал моей нервозности. Вместо этого его губы скривились в усмешке, и он не мигая смотрел на меня.

— Что? — наконец, спросила я. — Что это? — я нервно захихикала. *На моем лице грязь?*
Или букашка?

— Ничего, — это все, что он сказал, когда одарил меня своей потрясающей улыбкой.

— Джекс, это не смешно, — предупредила я, чувствуя себя неловко.

Внезапно он начал безудержно смеяться.

— Ты восхитительна, когда чересчур нервничаешь.

— Чересчур? — по выражению его лица я пыталась найти ответ, начиная чувствовать раздражение. — Что ты имеешь в виду? Скажи мне! — я ударила его по груди, злобно стреляя взглядом.

Он ухмыльнулся.

— Хорошо, я скажу тебе. Просто не делай так, как сейчас.

Я закатила глаза, услышав сказанную им глупость.

— Думаю, что некоторые вещи никогда не изменятся, — он был все тем же мальчишкой, как и несколько десятилетий назад, который дразнил меня и называл Пеппи Длинный Чулок, тем же самым мальчишкой, который знал, на какие кнопки нажимать и как заставить нервничать.

— Нет, я серьезно, — он довольно долго смотрел на меня. — Избиение друга — тяжкое преступление в нашей стране.

Я покачала головой, давая ему понять, что не считаю это забавным.

— Хорошо, я скажу тебе. На этот раз серьезно, — он усмехнулся и пристально посмотрел на меня. — Однажды по-настоящему умная девочка, которая не хотела, чтобы ее называли ботаником, сказала мне, что у людей, которые любят друг друга, сердце бьется в унисон, когда они смотрят друг на друга, — он пожал плечами. — Я просто хотел проверить теорию.

— Ты все еще помнишь, — я задыхалась, потому что в тот момент мою грудь сковало непередаваемое чувство радости.

Он кивнул и посмотрел на меня.

— Прежде, чем стать придурком в колледже, думаю, я был на самом деле хорошим парнем, который и сейчас помнит твои слова.

— Тот парень мне нравился больше, — прошептала я.

— Мне тоже, — кивнул он.

Оставшуюся часть дня и вечера мы сидели на нашем месте у озера, наблюдая за закатом на горизонте, и часами говорили о нашем детстве, наших жизнях после колледжа, о наших мечтах о будущем.

После того, как спустя два часа солнце село, мы все сидели и наслаждались комфортной тишиной в компании друг друга. Вместо того, чтобы возвращаться, мы сидели на нашей поляне, освещенной бледным светом луны и звездным небом. Очевидно, что ни один из нас не хотел прощаться, не после того, как мы воссоединились спустя десять лет.

Поскольку темнота уже полностью укрыла парк, со стороны озера подул прохладный бриз, и мелкая дрожь пробежала по моему телу.

— Ты замерзла? — Джексон провел своими руками вверх и вниз по моим, посыпая нечто большее, чем тепло по моему телу.

— Немного, — призналась я, поворачиваясь и улыбаясь ему.

Последовала пауза, прежде чем он снова заговорил:

— Думаю, становится поздно, а? — он снял свой блейзер и накрыл им мои плечи.

— Спасибо, — прошептала я, когда он прижал меня к себе, чтобы было теплей. — Да, наверно, — неохотно согласилась я. Я не хотела, чтобы сегодняшний вечер с ним заканчивался. Я вдохнула глубокий и опьяняющий аромат его парфюма. Никогда не думала, насколько удивительно быть в такой близости от него. Я могла слышать биение его сердца, а затем его дыхание участилось. Мы смотрели на отражение луны в озере, слегка колеблющееся в воде.

Внезапно я почувствовала напряженное ожидание в воздухе, в то время как тишина между нами все затягивалась.

— Мы должны идти домой? — наконец, тихим голосом спросил он.

Я повернулась к нему лицом, и мы взглянули друг в друга, видя лишь блики луны.

Может, мы почувствовали, что в этот момент между нами что-то произошло, или, может, это сказалось эмоциональное напряжение, заряженное энергией нашего воссоединения, или мы почувствовали любовь между нами, которую внезапно обрели после многолетней дружбы, но в тот момент только это чувство, только оно имело смысл в этом мире, и все вокруг нас замерло. Наши глаза захватили друг друга в плен, остальное исчезло, и все, о чем я могла думать, только то, как в этот момент его губы приветствовали мои в голодном, страстном поцелуе.

Его руки, словно в колыбели,держивали мое лицо, его рот двигался в унисон с моим, когда мы не торопясь исследовали друг друга. Всхлип сорвался с моих губ, когда его язык проскользнул в мой рот и начал ласкать меня. Я не знала, насколько мы потерялись в этом

моменте, но, когда мы, наконец, оторвались друг от друга, то посмотрели друг на друга и просто улыбнулись, не говоря ни слова.

Воспоминание о его губах на моих всплывало в затуманенном сознании, губы покалывало после поцелуя. Опасаясь, что слишком громкий голос может разрушить этот драгоценный момент, он прошептал всего одно слово:

— Наконец-то.

Глава 17

**Наши дни
Тридцать лет**

Джексон

Дорогая Хлоя.

Прошлая ночь показалась мне ярким воспоминанием нашего детства, и впервые за почти десять лет я почувствовал истинное счастье от того, что ты рядом со мной. Я никогда не думал, что такое может произойти вновь. Но когда проснулся этим утром и увидел тебя, крепко спящую в моих объятиях, я понял: то, что произошло вчерашним вечером, не сон. Прямо сейчас солнце поднимается над горизонтом. Оно освещает своими бледно-желтыми лучами твоё лицо, и я трепещу от того, как красиво и умиротворенно ты выглядишь — спящая рядом со мной. Я не уверен, как мог прожить девять лет, не видя твоего лица.

Как бы я ни хотел сопротивляться, мое сердце на протяжении всех этих лет все равно тянулось к тебе. Ненависть, которую я испытывал к тебе, основывалась на боли и любви, которую я всегда к тебе чувствовал. Возможно, это судьба пыталась мне что-то сказать, но чуть ранее на этой неделе мне на глаза попалась цитата: «Простив, я перестану причинять тебе боль, которую ты причинила мне». Это произошло в самое подходящее время. Это было правильно еще с того вечера на свадебном приеме, когда ты отдала мне свое сердце, а я сидел там и игнорировал тебя. Когда я пошел за тобой, чтобы найти после того, как ты убежала в слезах, я увидел, как ты падаешь в обморок, и в тот момент я подумал, что потерял тебя.

Это было в тот момент, когда я понял, что прощение — верный признак истинной любви. И я искренне любил тебя, всегда думая, что прощение должно было быть тем, чему мне следовало научиться.

Пожалуйста, дай мне время, чтобы простить тебя, и, пожалуйста, также постараися простить меня за все те случаи, когда я причинял тебе боль, оставлял тебя и разочаровывал. Несмотря на все, что произошло между нами, я держусь за те моменты, из-за которых мое сердце бьется чаще: моменты, когда я влюбляюсь в тебя снова и снова.

И таких моментов много.

С любовью,

Джексон

Я быстро закончил любовное послание, в то время как Хлоя крепко спала рядом со мной на траве в парке. Я убрал блокнот и ручку в ее сумку, затем потянулся и засунул послание в передний карман ее джинсов. Я хотел удивить ее, чтобы она улыбнулась, когда меньше всего будет этого ожидать. После ее истории, я знал, что очень обидел ее такими всевозможными способами и в таком огромном количестве, что пришло время исправить их: улыбкой за каждый раз.

— Ммм, — пробормотала Хлоя, зашевелившись. Через несколько секунд трепетания век, ее глаза открылись, на лице появилась сладкая улыбка, и ее взгляд сосредоточился на мне. — Доброе утро.

— Доброе утро, соня. Я удивлен, что ты спишь при таком шуме.

Она протерла глаза и оглянулась.

— Какой шум?

— Твой храп, — я покачал головой, стараясь изо всех сил сохранить самообладание. — Почему, ты думаешь, я бодрствуую?

— Ты все такой же осел, — она зевнула, не обеспокоенная моим комментарием. Даже спустя столько лет она все еще знала, когда я прикалывался. Я с интересом за ней наблюдал, когда она потягивалась, пытаясь проснуться.

Я поднялся с травы и посмотрел на нее.

— Возьми меня за руку, — я нагнулся и протянул руку.

Она посмотрела на меня и приподняла бровь.

— Следует ли мне доверять тебе?

— Да и не говори, — я усмехнулся, понимая, что она помнила наш детский разговор. Я преувеличенно пожал плечами, взял ее руку в свою, засмеялся и потянул ее с травы. Пока мы спускались по тропинке, я не отпускал ее руки. Мы не останавливались, пока не достигли маленького железного моста.

— Он все еще здесь, — прошептала она, когда подошла к замку в форме сердца, которое мы повесили сюда. Она повернула замок, проведя пальцем по выгравированной надписи:

Джекс и Хло

Июнь, 2003

Нерушимая дружба и любовь

Обещание жениться в 2014 году.

— Ты знаешь, — начал я, — уже почти 2015-й. Мы немного опоздали.

Она обернулась, чтобы посмотреть на меня.

— Да? — она посмотрела на меня с надеждой.

Я кивнул.

— Но... — нахмурилась она, — с чего же мы вообще начнем?

Я потянул ее к себе, заключая ее лицо в колыбель своих рук. Приподнял ее подбородок, чтобы посмотреть прямо в ее прекрасные карие глаза.

— Почему бы нам не начать с самого начала?

— С начала? — она искала ответ, взглядываясь мне в лицо.

— Да, — улыбнулся я ей. — Если ты сегодня вечером свободна, я хотел бы пригласить тебя на ужин.

Она улыбнулась в ответ, ее щеки слегка покраснели.

— Ты имеешь в виду свидание?

Я засмеялся.

— Да. Настоящее свидание.

Глава 18

*Наши дни
Тридцать лет*

Хлоя

— Тетя Бетти, я так рада, что ты возвращаешься домой, — я потянулась к пассажирскому сидению, чтобы сжать ее руки.

Она оглянулась и, тепло улыбаясь, встретилась со мной взглядом.

— Я тоже, дорогая. Джексон приезжал вчера, чтобы поговорить с тобой?

Я не смогла сдержать улыбки до ушей.

— Да, приезжал. Я знаю, что потребуется время, чтобы все осознать и действительно простить все то, что мы сделали друг другу, намеренно или нет, но я думаю, мы разберемся с этим и оставим все в прошлом.

— О, это так чудесно, дорогая, — она прижала свою руку к груди. — Я так счастлива за тебя.

— Я тоже. На самом деле, я не могу в это поверить. Он пригласил меня на первое свидание сегодня вечером.

— Ого, не могу поверить, что парню потребовалось двадцать три года, чтобы набраться мужества и пригласить тебя.

— Дядя Том! — засмеялась я. — Ты такой строгий.

Дядя Том поднял руки в защитном жесте.

— Эй, я не такой. Я мудрый. Разве ты не помнишь? Я еще в первый день, когда ты переехала к нам, а он дразнил тебя, сказал, что ты ему понравилась.

— Он прав, — смеясь, сказала тетя Бетти. — Ну, дорогая, это будет интересно. Чем планируете заняться?

— На самом деле, не знаю. Он сказал, что это будет для меня сюрпризом.

— Оооох. Как мило.

— Да, — всю дорогу домой я не могла перестать думать о том, на что будет похоже наше первое свидание.

Когда мы приехали, дядя Том помогал тете Бетти, а я в это время открыла багажник, доставая ее вещи. Поскольку эти несколько дней ей следовало находиться дома, дядя Том принес ей коробку для скрапбукинга, чтобы дни проходили быстрей.

— Тетя Бетти, где мне оставить материалы для скрапбукинга? — прокричала я, когда вошла через парадную дверь.

— Можешь положить альбом на книжную полку в гостиной, а коробку можешь отнести пока на чердак.

— Хорошо.

— Спасибо, дорогая.

Когда я дошла до чердака, поняла, что никогда раньше здесь не была. Я была удивлена, увидев здесь столько коробок с вещами. Я даже заметила несколько коробок со своим именем. Перебирая коробки со своими детскими вещами, я обнаружила, что некоторые из них будто спрятаны от посторонних глаз. Они были более темного оттенка в сравнении с другими из-за толстого слоя пыли, которая покрывала их. Казалось, что они оставались нетронутыми в течение многих лет.

Любопытство пересилило, и я начала убирать коробки, добираясь к самым старым. Когда я добралась до них, то стерла пыль, чтобы посмотреть, что написано на коробках.

Джуди Страфф.

У меня перехватило дыхание, когда я увидела имя мамы на коробках. В них ее вещи. Я никогда прежде не видела ее вещей, даже понятия не имела, что все время они хранились здесь. Я открыла одну из коробок. В основном, тут была одежда. Я пересмотрела всю коробку, и под одеждой нашла шкатулку для драгоценностей рубинового цвета. Взяла шкатулку, пальцами чувствуя мягкий бархат.

Я открыла шкатулку, и мои глаза округлились, когда я увидела стопку писем, адресованных моей маме.

Просмотрев некоторые письма, поняла, что они любовные, все написанные одним и тем же почерком.

Я сомневалась, открывать их или нет, так как не хотела надеяться на что-либо, но мои мысли кружились вокруг одного вопроса: могли ли эти письма быть от моего отца. Тайна всегда окружала маму, она никогда не говорила об отце, даже до того, как алкоголь накрепко вошел в ее жизнь.

Внезапно одно письмо привлекало мое внимание.

Джуди,

Тем вечером, когда мы впервые встретились у дома твоей сестры, когда ты забирала ее почту, я знал, что это судьба, которая свела нас. После разговора с тобой в те короткие волшебные минуты, я знал, что между нами, бесспорно, что-то есть. Тогда ты сказала, что любишь писать и получать рукописные письма, поэтому это начало моих любовных писем к тебе.

С любовью,

Джон.

Затем я увидела свое имя, упомянутое в другом письме.

Джуди,

Ты мой мир, моя любовь. Ты знаешь это, правда? Тогда ты должна знать, каким я был счастливым, когда ты сказала мне, что беременна нашим ребенком. И ты так готова стать матерью, что уже выбрала имя, которым хотела бы назвать первенца. Хлоя и Джессифри — прекрасные имена! Мне грустно, что ты волновалась, сообщая это мне. Ты должна бы уже знать меня к этому моменту и быть уверенной, что ничто не сделает меня более счастливым, чем создать с тобой семью и состариться рядом с тобой. О моих родителях не волнуйся. Они, в конце концов, примут и поймут, насколько ты идеальна для меня. Как только я все с ними уляжу, хочу, чтобы ты вышла за меня! Я надеюсь, что ты ответишь «да», любовь моя.

Всегда твой,

Джон

Я смотрела на письмо, переполненное эмоциями. Они говорили обо мне до того, как я родилась!

Моя мама сказала мне, что отец умер до того, как я родилась. Но могло ли быть так, что он был жив? Казалось, что родители этого парня не одобряли его отношений с мамой. Поэтому мама мне не говорила о нем? Мог ли он быть моим отцом?

Я просмотрела всю стопку писем и, наконец, нашла конверт, в котором было одно из писем. Когда я повернула конверт и увидела имя на обратном адресе, я замерла, почувствовав, будто весь кислород выкачали из комнаты. Мое тело сковал шок, ошеломляя меня.

Джон Пирс.

Отец Джексона. Человек, с которым я спала. Человек, который когда-то любил мою маму.

Мои колени подогнулись, и я рухнула на пол, потому что все тело словно налилось свинцом и стало слишком тяжелым, чтобы удерживать его в вертикальном положении.

Мог ли отец Джексона быть моим отцом? Могли ли мы быть с Джексоном кровными братом и сестрой? И затем другая мысль заставила мой живот сжаться. Я, на самом деле, спала со своим собственным отцом?

Паника душила меня, я не могла дышать.

— Это не может быть правдой, — закричала я, тряся головой. — Этого просто не может быть! — я в неверии смотрела на письмо.

Не в состоянии принять эту реальность, я поддалась желанию сбежать из дома.

Безмолвно я покинула дом и села в свою машину. Я не была уверена, куда ехала, но я хотела быть где угодно, но только не здесь. Я выехала на дорогу и направилась вниз по улице.

Слезы катились по лицу, когда я пыталась понять все, что это могло значить. Я была в бешенстве и не обращала внимания на то, что до упора выжимала педаль газа.

И совершенно неожиданно, не понимая, что происходит, я с удивлением наблюдала, как моя машина вылетает через ограждение моста. Мир начал вращаться вокруг, словно в замедленной съемке, а от мерзкого звука падения с высоты на огромной скорости в животе свело от страха.

Последнее, что я помнила, прежде чем вода затопила салон, это темнота, которая окружила меня.

Продолжение следует...